

Союз писателей России

Тамбовский
АЛЬМАНАХ

№ 19

издаётся с 2005 года

Тамбов • 2020

УДК 821.161.1
ББК 84 (2=411.2)6я4
Т17

Тамбовский АЛЬМАНАХ № 19

Литературно-художественное издание
Тамбовского отделения Союза писателей России

*75-летнему юбилею Победы в Великой Отечественной войне
п о с в я щ а е т с я*

Главный редактор

Юрий МЕЩЕРЯКОВ, *поэт, прозаик*

Редакционный совет

Олег АЛЁШИН, *поэт, публицист,*

главный редактор «Рассказ-газеты»

Валентина ДОРОЖКИНА, *поэтесса,*

прозаик, литературовед,

руководитель ЛитО «Тропинка»

Мария ЗНОБИЩЕВА, *поэтесса,*

литературовед, руководитель

Центра развития детей «Мир слова»

Татьяна КУРБАТОВА, *поэтесса,*

руководитель ЛитО «Радуга»

Елена ЛУКАНКИНА,

поэтесса, прозаик, публицист

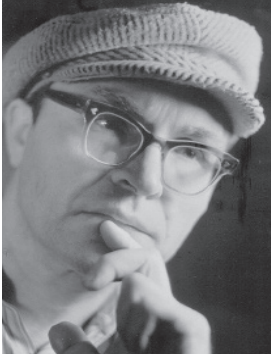
ISBN 978-5-6043106-9-4

ISBN 978-5-6043106-9-4

УДК 821.161.1
ББК 84 (2=411.2)6я4
Т17

© СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
Тамбовское отделение

Семён МИЛОСЕРДОВ

Всё помнят дороги

Стихи

Мы уходим на северо-запад...

Мы уходим на северо-запад,
И рыдает, и пляшет перрон.
Но гармонь, задохнувшись внезапно,
Замерла, и притих батальон.

Санитарного поезда скрежет,
Весь в бинтах командир у окна...
Кровью, пеплом, горелым железом
Вдруг в лицо намдохнула война.

Мы не знали ни ран, ни санбата,
Смерть гуляла пока в стороне,
И сурово глядели солдаты,
Не бывавшие там, на войне.

– Разгружаемся! Быстро! Не мешкай!
На носилках героев несли,
Их укладывали на тележки,
Подавали им костыли.

У танкиста поблёскивал орден,
Был танкист молодой обожжён...
И застыл караулом почётным
Необстрелянный наш батальон.

И белело не поле ромашек –
Под созвездьями красных крестов
Поле гипсовых белых рубашек,
Поле белых халатов, бинтов.

Заглушая сиреневый запах,
Госпитальный знобил холодок...
...Нам пора. Нам на северо-запад.
Раздаётся прощальный гудок.

У подножья высоты

Мы лежим у подножья высоты,
Но – сигнал! И на вражеский дот,
Не жалея охрипшие глотки,
Вновь бросаемся с криком: «Вперёд!».

Мы ползём, обдирая колени,
Под огнём ураганным во мгле,
Чтобы новое поколение,
В полный рост поднялось на земле.

Свищут пули, сбивая пилотки.
Мы всю ночь выбиваем врага,
Чтоб на той поселились высоте
Тишина и покой на века.

Всё помнят дороги

Всё помнят деревенские дороги:
Как шли по ним солдаты на войну,
И стон колёс, и вдов босые ноги,
И сена полусгнившую копну.

И то, как отощавшую корову –
Кто за ноги, кто за рога – подняв,
Везли на дровнях те же вдовы
На первые проталинки, в луга...

Исхлёстанные ливнями тревоги,
Изрытые, в воронках и в пыли,
Всё помнят деревенские дороги,
Которые к Победе нас вели.

Интервью
Владимира КАРЕВА
«Тамбовскому альманаху»
(записано в декабре 2019 г.)

Имена более 150 тысяч тамбовчан, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, увековечены за годы реализации в регионе проекта «Историческая память», возведено свыше 130 мемориалов в городах и сёлах области, проведена большая поисковая работа, которая позволила вернуть из забвения сотни фамилий наших земляков, не пришедших домой с полей сражений.

Инициатор и организатор этого уникального проекта – первый заместитель председателя областной Думы, руководитель регионального отделения Российского военно-исторического общества Владимир Карев.

- Владимир Николаевич, по каким направлениям ведется работа регионального военно-исторического общества?

- Прежде необходимо сказать, что местные отделения созданы во всех городах и районах области, что позволяет более оперативно и эффективно решать актуальные задачи.

Одно из важных направлений нашей деятельности – это воспитание подрастающего поколения. В этой связи молодые тамбовчане активно участвуют в научно-практических конференциях, лекториях по военной истории,

на которых, в том числе, выступают научные сотрудники Российского военно-исторического общества. Регулярно для школьников области организуются экскурсии в Музейно-выставочный центр области, который стал настоящей штаб-квартирой регионального отделения РВИО. Здесь музейная, военно-патриотическая и мемориальная работа организована на высочайшем уровне.

В прошлом году более 1200 детей, благодаря финансовой поддержке РВИО, отдохнули на летних каникулах в тамбовских загородных оздоровительных лагерях, а также в Музее-заповеднике «Бородино», в Крыму и Астраханской области. Планируется, что подобные детские летние смены будут организованы и в наступившем году.

Бесценны результаты, которые приносит поисковая работа. Так, поисковая группа «Искатель» принимала участие в экспедиции под Ржевом, где проходили ожесточённые бои. Также активисты регионального отделения РВИО работают в архивах, причём не только российских, но и зарубежных.

Уточнением списков занимались местные органы, но посильную помощь в поисках всех фамилий и имен героев войны оказывали добровольцы из числа местных жителей, в первую очередь, сельская интеллигенция. Важно было не забыть людей, хотя порой очень трудно кого-то не забыть – прошло много лет с момента окончания войны, многие документы не сохранились, и бывают случаи, когда уже после открытия мемориала кто-то из родственников погибшего героя не находит его имени на гранитных плитах – в этом случае мы добавляем имя. Ведь работа по увековечиванию памяти не заканчивается с открытием мемориала, а в некоторых моментах – только начинается.

Каждый из мемориалов не повторяет ни один из уже построенных. Каждый раз – это новый проект, каждый раз

– новый взгляд на имеющееся героическое наследие наших предков. И надо отметить самым добрым словом всех, кто вложил частичку своей души, своего таланта в возведение мемориальных комплексов. Это именно комплексы, которые включают в себя и прилегающую территорию, с тем, чтобы жители и гости могли ощутить всю благодарность ныне живущих перед памятью героев Великой Отечественной войны.

Благодаря проекту «Историческая память» удаётся проследить судьбу многих наших земляков, которые прежде числились пропавшими без вести. Эту работу мы проводим для того, чтобы актуализировать материалы Книги Памяти, которая была издана более двадцати лет назад. Когда мы начали возводить мемориалы и проводить работу по увековечению имён погибших земляков, оказалось, что многие имена были пропущены. Теперь сведения уточнены. Такая работа проведена и по Тамбову, сейчас в списки включено не 10800 человек, а 13344 человека, погибших и пропавших без вести. Пока не удастся решить вопрос с возведением мемориального комплекса в областном центре, хотя уже есть проект и определено место строительства.

Но важно другое. За пятнадцать лет, с тех пор как в области развернулось движение по поимённому увековечению погибших земляков, оно стало поистине всенародным, в него вовлечено много людей. Нигде в документах это не зафиксировано, но есть общее убеждение, что имя каждого нашего земляка, который отдал свою жизнь ради победы в Великой Отечественной войне, ради того, чтобы жили следующие поколения, должно быть увековечено. И мы шаг за шагом идём к этой цели. Более успешно эта задача стала решаться, когда к этому движению было привлечено РВИО.

- Владимир Николаевич, что послужило импульсом к созданию новых и реконструкции действующих мемориалов и обелисков? Как в целом появилась мысль провести эту патриотическую акцию?

- Работа по увековечиванию памяти наших земляков началась в 2005 году с обращения жителей моего родного села Верхоценье Сампурского района с просьбой достойно почтить память верхоценцев - героев самой кровопролитной в истории человечества войны, ведь прежний скромный памятник, стоявший в селе, пришёл в упадок. Вместе с односельчанами, своими коллегами по областной Думе и при поддержке других неравнодушных людей смогли в короткие сроки организовать возведение масштабного не только по меркам села, но и района мемориального комплекса, который стал духовным центром села. В день открытия – 8 мая 2005 года – многие из присутствовавших подходили, благодарили, и это окрыляло, давало понимание, что эти несколько месяцев напряжённой работы прошли не зря. Эта дата стала отправной точкой в деле проведения военно-патриотической акции, целью которой стало поимённое увековечивание всех жителей того или иного населённого пункта, где возводится мемориал. Ведь главное, чтобы молодёжь знала, кто именно ушёл в суровые годы войны защищать свою Родину от коричневой чумы.

Вслед за верхоценцами с подобными обращениями стали приходить жители других сёл Сампурского и Жердевского районов, которые входят в мой депутатский округ. Как человек послевоенного поколения, я понимал, что в таком деле нельзя отказывать – люди этого не поймут и не простят. Война оставила незаживающие шрамы в душе каждого человека и надо сделать всё необходимое, чтобы огонь памяти не угас в душах молодого поколения в первую очередь.

- Владимир Николаевич, сколько в прошлом году удалось открыть мемориальных комплексов?

- Нам удалось торжественно открыть 11 мемориальных комплексов в честь земляков, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны. На четырёх из них установлены скульптуры «Солдата-освободителя» и «Защитника Отечества», а для мемориала в райцентре Петровское, на родине Всесоюзного почина по сбору средств на изготовление танковой колонны, общество изготовило бронзовый барельеф, на котором отражён этот исторический факт. Кстати, работы в Петровском будут продолжены. Там будут установлены обновлённые бюсты местных уроженцев, удостоенных в годы войны звания Героя Советского Союза и являющихся полными кавалерами ордена Славы, а также создан Парк Победы, в котором будут представлены образцы военной техники тех лет. А на том месте, где стояло здание правления колхоза «Красный доброволец», установят памятный обелиск.

- Планы на нынешний юбилейный год Победы?

- Региональное отделение планирует открыть 13 мемориалов. В настоящее время ведутся работы в Мичуринске, Моршанске, посёлке Первомайский и других населённых пунктах. В Моршанске мемориал, по сути, смонтирован, ведутся отделочные работы. На гранитных плитах будут увековечены имена 3446 моршанцев. В Мичуринске на военном кладбище захоронены в основном бойцы, умершие в госпиталях города и станции Кочетовка. Прежде кладбище было в запущенном состоянии, новый глава Максим Харников исправил ситуацию. Сейчас на кладбище возводится мемориал в честь умерших в госпиталях защитников Отечества. Российское военно-историческое общество планирует

передать на этот строящийся мемориал бронзовую скульптуру Солдата-победителя. Организаторы работ надеются, что к 9 Мая мемориал будет достроен.

Интервью взял
Олег Алёшин,
член Союза писателей России

Сергей КОЧУКОВ

Знамя

Рассказ

Уважаемый всеми фронтовик-сталинградец, а ныне завхоз конно-спортивной школы в областном центре Григорий Иванович Хохлов редко делился своими воспоминаниями о войне. Видно, сами эти воспоминания были невероятно тяжелы и, кроме боли, давящей за грудиной, мало что вызывали. Но иногда они накатывали и подолгу не отпускали, как сегодня, к примеру. «В Сталинграде был, конечно, ад кромешный, – думалось ему, – а всё ж было и пострашнее». В Сталинграде он знал, что рядом друзья, слева-справа, пусть поредевшие, зато невероятной стойкости соседние роты. Есть командиры, научившиеся за полтора года войны воевать, отдавать толковые, выполнимые приказы. Была ежеминутная вероятность смерти, но и сама гибель была не бессмысленной. Оправданной, если хотите. Имела цену свою – за тот вон этаж полуразрушенного дома, за более выгодную позицию в развороченных бомбами и снарядами заводских цехах, за выручку десятка бойцов, отрезанных немцами от своих, за эту тонюсенькую полоску приволжской земли, за которой жизни для защитников Сталинграда уже не существовало.

* * *

До всего этого у него были май и июнь сорок второго. Было Барвенково. Называли и называют это место и события, с ним связанные, по-разному: «Барвенковский выступ», или «Барвенковский плацдарм», «Барвенковский котёл» или «Барвенковская катастрофа». Как ни назови, всё правильно, всё в точку. Именно с Барвенковского плацдарма они начали наступление. Именно отсюда, вгрызаясь в немецкую оборону, без должной артиллерийской и воздушной поддержки, поливая кровью пехоты меловые горы и не просохшие к середине мая степные балки, они шли вперёд. Целью наступления был Харьков, и он уже был виден без биноклей, когда поступил приказ остановиться и вернуться к исходным рубежам. Не только такие, как помкомвзвода сержант Хохлов, но и большинство офицеров не знали, что к тому времени немцы сходящими ударами с севера и юга отрезали Барвенковский выступ у основания и всё туже стягивали котёл окружения.

Григорию Ивановичу до самой смерти не забыть, как на площади всего в 15 квадратных километров скопилось несколько сотен тысяч бойцов и командиров, огромное количество техники, вооружения, конского поголовья. Разве забудешь, как потерявшая всякое управление масса войск, беспорядочно металась на этом пятачке, под непрекращающимся обстрелом из всех видов оружия с, казалось, навсегда зависшей над головами вражеской авиацией, безуспешно пыталась вырваться из этого кипящего котла. Несколько дней длилось это беспощадное истребление.

При одном воспоминании от всего пережитого, всего увиденного, мертвело внутри, сердце бухало неровными болезненными ударами, не хватало воздуха, чтоб дышать. Всю полноту безграничного мужества и самопожертвования видел он на том пятачке, всю полноту человеческой слабо-

сти, трусости и предательства он тоже видел. Он видел генералов, которые, отчаявшись навести порядок, двигались с примкнутым штыком впереди бойцов в последнюю атаку. Побелевших старших офицеров, приказывающих своим подразделениям сложить оружие и сдаться на милость врагу, он тоже видел. Ему не забыть того седого полковника, который, не обращая внимания на вышестоящее начальство, взял ответственность на себя. Он стоял во весь рост, не кланяясь пулям и осколкам, твёрдо отдавал приказы, которые, несмотря на неразбериху, безукоснительно исполнялись. Вокруг него собралось ядро солдат и офицеров, большинство – из других частей, которое за считанные часы обросло тысячами поверивших в него, подчинившихся его железной воле. Таких военачальников было немало, и именно им удалось с боями вырваться из этого ада, спасти хотя бы часть людей.

Ему не забыть своего командира полка с безумными глазами и грязной пеной в углах кривившегося в беззвучном крике рта, пытавшегося остановить панически бежавших бойцов. Меняя обоймы в своем ТТ, он стрелял и стрелял в них, редко промахиваясь. Это были солдаты, всего неделю назад перед наступлением прибывшие на пополнение его батальонов. Ещё тогда Хохлов поразился, что это были совершенно не обученные, не прошедшие даже недельный курс молодого бойца вчерашние школьники, колхозники, студенты.

– Дядя Григорий, спаси, не бросай, – размазывая по грязным щекам слёзы, скулил один из этого пополнения, боец его взвода Свирелин Ваня. Свирепо взглянув на него, Григорий неожиданно для себя смягчился. «Даже обращаться к старшему по званию не обучили, назвал, как какого-нибудь бригадира в родном колхозе».

– Ладно, племянничек, рядом держись и винтовку не бросай. Прорвёмся, как пить дать, прорвёмся. Оглядимся вот только.

Он не был новичком на войне, почти год уже воевал, потому и понял, что дела плохи – хуже некуда. Он озирался по сторонам, ища спасения в этом хаосе огня и смерти, и не находил его. Примерно через час они с Ваней наткнулись на седого полковника. Хохлов доложил, что они двое уцелели от своей роты, и о том, что он ждёт дальнейших указаний. Полковник вперил в него свой взгляд, взгляд глаза в глаза, взгляд оценивающий и внимательный. Чего он рассмотрел в глазах сержанта, осталось загадкой. Главное, он не увидел там безысходности и панического страха.

– Сержант, соберите с десятков бойцов, слить весь бензин, который только найдёте с разбитых машин, в эти четыре полторки, о выполнении доложить.

– Есть, – спокойно ответил Григорий, и без излишней торопливости, которая чаще бывает показной, принялся выполнять приказ.

– Сержант, загружай в эти машины бойцов с оружием, и не раненых. Будешь двигаться слева от основной колонны, за безопасность слева несёшь ответственность. Что с того, что имеются офицеры, мы сейчас все подравнялись в званиях и должностях. Кто этого не понял – с нами не по пути. Ты лично мною назначен старшим бокового дозора. Выполняйте, сержант, через полчаса выступаем.

* * *

Седой полковник всё-таки вывел их из котла. Построив до десятка тысяч бойцов и командиров клином, где остриём служили два уцелевших танка и броневичок погибшего командарма, две батареи сорокапятков, а по бокам отряды автоматчиков на автомобилях, Федотов (фамилию полковника Хохлов запомнит на всю жизнь) предпримет прорыв, казалось бы, на самом крепком участке фашистского фронта. Только безумец был способен на это. Федотов

безумцем не был. Немцы ожидали возможных прорывов с нашей стороны, но только не здесь, где у них скопилось большое количество войск, техники и штабов различного уровня.

Придя в себя, немцы начали с двух сторон, в упор, буквально насквозь прошивать рвущиеся к свободе колонны русских из всех видов оружия. Сгорели танки и броневичок, было разбито большинство машин и орудий, полоса прорыва была устелена телами убитых и раненых. Эту шевелящуюся, стонущую, истекающую кровью полосу немцы дважды засыпят минами, перепашут снарядами, и она смолкнет. Они отведут войска и обустроят их в менее подходящем месте, лишь бы не находиться рядом с этим открытым ветрам, дождям и солнцу, гигантским кладбищем.

Окружение немцев прорвали, а вот советского фронта не нашли. Его попросту не было. Была сухая, несмотря на июнь, голая степь. Без леса, без кустика, с редкими безлюдными казачьими хуторами. Единственным спасением от, казалось, навечно нависших над колоннами немецких пикировщиков, служили овраги.

Федотов доведёт их до Оскола и при огневой поддержке советских частей с левого берега организует переправу. Самого же, неоднократно раненого, истекшего кровью, схоронят на правом берегу в буераке Хохлов и Свирилин, остававшиеся с ним до конца.

Сейчас они шли вдвоём безводной степью, держась строго на восход солнца, бесконечно усталые, голодные, пытаясь утолить жажду в редких солончаковых болотцах. Солёная, дурно пахнувшая вода, не утоляла, а делала её ещё более нетерпимой.

Они держались оврагов, в которых укрывались от хозяйничавших в степи немецких самолётов и мотоциклистов. Григорий коротко бросил взгляд на Ивана, загребавшего

усталыми ногами степную пыль, и в который раз подумал, что не зря взял неделю назад этого скулящего, обмеревшего от страха юнца под свою опеку. За время непрерывных обстрелов и бомбёжек, атак и контратак, доходивших до рукопашных схваток, Иван почернел лицом, взгляд ушёл куда-то вглубь, злость, а порой и отчаяние плескалась в его угольно чёрных глазах. Весь он превратился в сжатую пружину, готовый в любой момент взметнуться, схватиться с любым противником, пулей, штыком, зубами отстаять своё право на жизнь.

«Хочет выжить, во что бы то ни стало выжить, – думалось Григорию, – А ты? Сам, неужто не хочешь?» Душа, обугленная от всего пережитого, ум, отказывающийся воспринять и осознать весь масштаб разыгравшейся трагедии, не находили ответа.

«А в целом держится неплохо. И в прорыве вёл себя прилично, стрелял, пока не кончились патроны в тяжелой для него винтовке, стрелял осмысленно и даже пытался целиться, положив её на борт полуторки. И седого полковника не бросил, хотя сил уже не было тащить его вдвоём на плащ-палатке». Вчера, правда, повёл себя для Григория неожиданно и до конца непонятно. Немецкие мотоциклисты, окружив овраг, прочесали его пулемётными очередями, затем на ломанном русском предложили сдаться всем уцелевшим. Не одни они с Петькой укрылись здесь, из разных концов оврага поднимались наши бойцы и начинали карабкаться на крутой песчаный откос, вверху которого гоготали немцы. И тут Григорий почувствовал, что лежавший с ним рядом Свирелин тоже начал подыматься.

– Лежать! Лежать, говорю, – и тяжёлой лапищей Григорий придавил голову Ивана к земле.

– Чо лежать, чо лежать? Перестреляют всех, кто не вышел, конец тогда, совсем конец.

– Заткнись, не то сам удавлю.

Григорий наблюдал из своего укрытия, как немцы встретили поднявшихся на крутояр красноармейцев, тычками сбили их в кучу и начали что-то громко обсуждать, затем гортанно пролаял что-то старший среди них, и они разом умолкли. Двое сели в мотоцикл с коляской и, развернувшись, равнодушно, как при какой-то обыденной работе, дали длинную очередь по красноармейцам. Все семеро, надломившись, пали наземь.

Даже убирать их немцы не стали, так на крутояре и оставили, сели в мотоциклы и укатили в бескрайнюю степь. Видно, решили, что тащиться с этими пленными до сборного пункта по выжженной степи себе дороже. Да и улов невелик, всего семь русских.

– Смотри, смотри, сучий потрох, смотри, и в следующий раз всегда вспоминай, - твердил он в злобе Ивану, когда они одной лопатой и каской отрывали на крутояре могилку тем семерым.

* * *

На расстрелянные с воздуха три штабные машины они наткнулись на следующий день под вечер. Штабная «эмка» с мёртвым генералом-артиллеристом и два грузовика были изрешечены пулями и осколками, сухой ветер разносил по степи листки каких-то штабных документов и сладковато-приторный запах от начавших разлагаться трупов. «Дня три назад, должно, попали под немецкую бомбёжку. И ни одного живого или раненого. Может, оставшиеся в живых ушли. Сволочи, коли так». Григорий узнал рядом с водителем одного из грузовиков командира своего полка. Того самого, пытавшегося остановить бегущих в панике бойцов и стрелявшего в них. А в кузове, среди ненужного теперь

военного хлама и мёртвых бойцов зачехлённое знамя полка на выструганном, отполированном годами древке.

Иван безропотно принялся долбить для могилы неподатливый каменистый суглинок, Григорий вскоре присоединился к нему. На захоронение потратили весь вечер, короткую июньскую ночь и остаток собственных сил. Не восстановили их и съеденная, чудом уцелевшая в кузове банка тушёной каши, и протухшая вода из канистры в «эмке».

Утром, едва забрезжило, Григорий стянул с древка полковое знамя и после неудавшейся попытки втолкнуть его в противогазную сумку, начал стягивать гимнастёрку, чтобы обмотаться им.

Свирелин смотрел широко распахнутыми, словно вылезшими из глубины орбит угольными глазами на манипуляции Хохлова. Голосом, полным страха и неожиданной решимости, отчаянно зашипел: «Не смей! Не смей брать это!» Хохлов поначалу даже не понял, о чём он. А Иван подступился вплотную, вцепился в алую бархатистую ткань мёртвой хваткой.

– Не смей, говорю! Оставь! Ты что, погубить нас решил? Смерть верная, коли к немцам попадём! Да отдай же, наконец! Дурак! Идиот! Всё в героев играешь.

Опешивший Григорий даже слово вставить не мог в этот захлёбывающийся словами, пронизанный страхом крик, он продолжал крепко держать край полотнища. Свирелин, откуда сила взялась, едва не выдрал его из рук Хохлова.

– Всё в героев играешь! А они там под Барвенковым все остались, а генералы, комиссары, что нас в это пекло послали, далеко на востоке, новые сражения разрабатывают. И эти, которых мы только что схоронили, тоже впереди всех драпали, войска бросили, стратеги, мать их... Чего ты мне полковником Федотовым тычешь, таких, как он, единицы,

и они, как и мы, – всего лишь мясо пушечное. А я не желаю, не желаюдохнуть из-за этого куска материи, не хочу! И тебе не позволю!

– Ах, вон ты запел как? Никак к немцам собрался? Шкуру спасать? – Григорий всё больше накалялся.

– Никуда я не собрался, а исключать и такой поворот дел не приходится.

– Заткнись, паскуда, покуда я тебя лично не прибил тут, – Хохлов рывком вырвал знамя и толкнул Ивана в грудь. Тот едва не упал.

– А что, Григорий Иванович?! А и вправду, чего церемониться, у тебя в автомате ещё с десяток патронов имеется – потратить на друга! Потратить! Вот уж будешь героем настоящим. Ну? Чего ж ты? Давай, тем более у меня в винтовке ни одного патрона, да и были бы – духу не хватило у меня. Ну, не герой я, слышишь! Не герой и всё! Уродился, видать, таким! Я жить! Понимаешь, я просто жить хочу.

– Уйди! Уйди от греха подальше, – Григорий медленно опустил ствол автомата. – Сволочь ты последняя! Уйди, и на глаза мне не попадайся больше.

– Ну и уйду! – Иван подхватил шинельную скатку, длинную, не по росту винтовку и, набычившись, зашагал куда-то в сторону.

Ошеломлённый Григорий присел прямо на землю, внутри клокотало. И с этим человеком он воюет уже много дней, таких дней, что годам порой равны. С ним укрывались одной шинелью, делились последним сухарём, и, что ещё важнее, последней горстью патронов. Как мог он не разглядеть, проглядеть эту червоточину в человеке, которого ещё полчаса назад считал своим верным другом? И лишь где-то, в самом дальнем уголке сознания едва-едва шелохнулась мысль: «А ить силы человечья тож не без пределу! И гранит-камень, бывает, пополам трескается. А тут война

такая!» Шелохнулась мысль и примолкла, уступив место негодованию, раздражению и неприязни.

* * *

Он шёл уже третьи сутки. Нет, уже не шёл, медленно брёл, загребая порвавшимися сапогами горькую пыль. Порою, впадая в забытье, он падал в эту горячую полынную землю, а очнувшись, тяжело поднимался, чтобы сделать ещё сотню другую шагов. Входя на очередную возвышенность, он оглядывался кругом, но ни малейшего признака жизни, ни одной живой души не находили его глаза. Душу сковывал страх именно от этого безлюдья. Казалось, что попал в какую-то далёкую неведомую землю, где нет войны, нет людей, вообще ничего нет. Есть только он, эта полынная степь без конца и края, и безжалостное солнце. Даже немецким мотоциклистам или самолётам он, казалось, обрадовался бы сейчас больше, чем этому безлюдью и безмолвию.

Одновременно Григорий затылком чувствовал, что он не один. Однажды поднявшись на очередной увал, даже увидел его, устало бредущего далеко сзади. Если для Хохлова ориентиром служило встающее поутру на востоке солнце, то для Свирелина, – видимо, фигурка Григория, в паре километрах впереди. Попытался выругаться матерно, вновь озлиться в душе, но даже на это не хватало сил, и Григорий в очередной раз заставил себя подняться и двинуться вперёд.

В широкий противотанковый ров он угодит уже поздним вечером. Было это так неожиданно, будто земля разверзлась перед ним и он летит в чёрную бездну. Свалившись на дно рва, вновь впал в беспамятство. Лежал долго, раскинув руки и прижимаясь щекой к песчаному, прохладному в ночи песку. Порой сознание возвращалось к нему, но он не верил, что оно вернулось, как не верил и невнятным

голосам, и другим звукам где-то в десятках метров от себя.

Он очнулся от резких автоматных очередей, инстинкт солдата толкнул его, и он судорожно повёл руками вокруг, отыскивая оружие. Автомата рядом не было. Солнце поднялось уже высоко и, приподнявшись, он увидел, что ров стал прибежищем не только для него. Слева и справа кучками и в одиночку, лёжа и сидя располагались запылённые, почерневшие бойцы.

А по ребню рва шёл офицер в перетянутой ремнями гимнастёрке и три красноармейца-автоматчика.

– Кто такие? Какой части? Где оружие? По паникёрам и дезертирам огонь! Звучала короткая очередь и прислонившиеся к стенке рва солдаты в расхристанных гимнастёрках сползали безжизненно вниз.

– Кто такой? Почему здесь? Трус! Твоя часть дерётся там, – и указ рукой на запад. – Огонь!

– Что ты мямлишь, где винтовка твоя? Фронт стоит в десяти километрах на запад. Стоит, несмотря на то, что ты дезертировал! Огонь!

«Какой фронт? О чём он говорит? Не было там никакого фронта. Не перепрыгнул же я через него», – лихорадочно билась мысль у Григория. А группа по брустверу неуклонно приближалась в его сторону. Поднявшиеся солдаты, среди которых были младшие командиры, оцепенело смотрели на происходящее. Никто не шелохнулся, не предпринял малейшей попытки бежать, спастись. Просто стояли и безропотно ждали, когда подойдёт их очередь.

– Так, с оружием? Кто старший? – вновь гортанный голос офицера, – живо навёрх! Марш строиться, с вами отдельный разговор.

– Так, а ты, толстяк, где оружие, документы выбросил? (Со знаменем под гимнастёркой Григорий, видимо, действительно выглядел толстым). Хохлов, наконец, уви-

дел свой автомат, тот лежал на противоположном откосе, он его обронил при ночном падении. До него было далеко, да и поздно что-то объяснять. Он судорожно рвал ворот гимнастёрки и ремень. Стал стягивать её через голову. Вокруг тела было обмотано знамя. Нет, оно не алено и не выделялось красным пятном. Оно было чёрным от пота и пыли, от крови, периодически сочившейся из касательной раны в бок, которую получил ещё при прорыве из котла. Но это было знамя, и не узнать его было невозможно.

– Сержант, быстро наверх, какой части?

– Помкомвзвода третьего батальона 429 стрелкового... сержант Хохлов... Знамя это... полка нашего...

– Этот боец с вами?

Тут только Григорий увидел в пяти шагах, пытавшегося подняться на ноги Ивана Свирелина. Если бы увидел в его угольно-чёрных глазах страх и мольбу о пощаде, Григорий, наверное, не «признал» бы его. В глазах он увидел несвойственную Свирелину горделивую обречённость, готовность принять как должное то, что через мгновение станет последней безжалостной точкой в его короткой жизни. Может, поэтому Григорий неожиданно для самого себя произнесёт:

– Со мной..., соседней роты боец, – и двинулся наверх, но не к офицеру, а к своему автомату на скате противотанкового рва.

Сергей ДОРОВСКИХ

Отсыпь махорочки

Рассказ

Сыроватые дрова шипели в железной печке, несильно и приятно тянуло дымом. После холодного и непростого дня не было ничего лучше, как посидеть хоть минуту в тиши, обогреться, высушить сапоги и шинель. Январский короткий день быстро отгорел, и уже к пяти часам почти стемнело.

– Разрешите войти? – раздался голос у входа в землянку. Комбат, конечно же, его узнал.

– Входи, ротный. Садись. Чаёвничать будешь? – комбат поставил на печь медный закопчённый чайник с длинным носиком. – Или у тебя какое дело?

– Никак нет. Зашёл просто. Посидеть, поговорить. Вижу, керосинка, вроде, горит, дай, думаю, загляну. Командир, тебе бы поспать, что ли? Теперь не только ведь можно, но и нужно, пока фашист затих.

– Да и рад бы прилечь, бок болит, зараза. Только забудешься, начнёшь переворачиваться во сне, и вскакиваешь сразу. Как будильник – бок этот распроклятый. И кашель ещё этот донимает, – он огляделся. – Знаешь, даже стыдно

перед бойцами, в такой землянке живу – как палаты царские. Хоть в полный рост ходи, стены жердями обшиты, под ногами вон – пол из досок. Всё глиной обмазано, дёрном укрыто, целый дом, знай себе, живи да спи. А мне не спится совсем. Хоть убей.

– Ребята старались.

– Да уж, основательно умеют наши парни землянки строить.

– Они тебя любят, комбат, – он помолчал. – Да и я люблю – есть за что. Уж прости, не по уставу говорю.

– Да оставь ты, – комбат засмеялся. – После того, что на Днестре было, мы с тобой навеки как братья. Садись же, говорю. А теперь рассказывай, что там у тебя в роте.

Командир стрелкового батальона капитан Михаил Быков и командир роты, старший лейтенант Александров о приказе, что им присвоены звания Героев Советского Союза, узнали только неделю назад. Батальон Быкова одним из первых сумел форсировать неприступную водную крепость – Днепр, закрепиться на берегу и в течение трёх суток отразить девятнадцать атак фашистов. Комбат и ротный проявили такое бесстрашие, что о них написали даже в центральной «Правде». Их подвиги ставили в пример. Но теперь Днепр остался позади. Быков и Александров чаще молчали о нём, вспоминая каждый по-своему те дни, сидя подле друг друга. И никогда не говорили. Они оба были безбожники, но найти внятное объяснение, почему они, шедшие самыми первыми, выжили, остались целы в той страшной мясорубке, не получалось. Лодку, на которой переправлялся комбат, подбили у самого берега, сила взрыва отбросила и оглушила его, и, поднявшись в воде, он повёл бойцов, не думая о себе. Так же проявил себя и ротный. А потом были эти бесконечные три дня и ночи обороны плацдарма, когда немец наседал без перебоя. Батальон выдержал, и благодаря этому инженеры

построили понтонные мосты, танки и артиллерия перешли водную преграду и ударили по врагу уже на правом берегу. Планы Гитлера, который заявлял на весь мир, что по Днепру будет проходить незыблемая восточная граница рейха, провалились. Теперь бойцы двигались дальше, наступил январь сорок четвёртого. Уже никто не сомневался, что советские войска раздавят фашизм и дойдут до Берлина.

– Знают ведь, что проиграют, а как яростно дерутся-то, собаки, – сказал ротный, обсудив с комбатом текущие задачи.

– Да, ещё придётся повоевать нам, расслабляться рано, – ответил Быков.

– Ну-ка глянем, мне медсестричка какие-то травы от кашля лечебные дала позавчера, заварим-ка. Хоть горькие, да всё лучше, чем пустую воду-то хлебать, – сказал комбат, снимая закипевший чайник.

– Разрешите войти? – раздался знакомый голос.

– Ух ты, легка на помине, – засмеялся комбат.

Ротный привстал, увидев медсестру Люсю. Маленькая рыжая девушка напоминала лисичку. Комбат прищурился, заметив, как сразу налилось краской лицо Александрова, а действия стали резковатыми, бессвязными.

– Люся, садитесь, проходите, – сказал Быков. – Да, мы, и правда, только что о вас говорили.

Теперь и щёки медсестры стали красными, она отвела глаза.

– Да вот, травку-муравку вашу завариваем.

– Товарищ комбат, это не муравка, а лекарство, которое надо пить три раза в день, и только по глоткам.

– Ну, конечно, знаем, знаем. Я вчера не пил, с утра не принимал, так что теперь вот, полную кружку этого снадобья хлопну, чтоб наверстать лечение.

– Нет, так не...

– Ладно, не помру же я от твоих трав? Давайте-ка лучше все вместе на чаёк подналяжем.

– Да, у меня и сахар есть, – Александров достал из кармана платок, развернул, аккуратно разложил остроугольные белые кусочки. – Вот, Люсенька, пожалуйста, угощайтесь.

Она поблагодарила, но не взяла, обратившись к Быкову:

– Товарищ комбат, как вы себя чувствуете?

– Да ничего, хорошо всё. Бок только побаливает немного.

– Так, давайте я посмотрю.

– Мне, наверное, лучше выйти? – застеснялся Александров и встал.

– Брось ты глупости, сиди. А лучше чай разлей. Там, у керосинки, ещё две кружки стоят, – сказал Быков, по-армейски быстро сбрасывая одежду.

– Товарищ комбат, что значит «побаливает»? – вскрикнула Люся, когда тот снял гимнастёрку. – Да у вас огромная опухоль после ранения! – девушка провела ладонью по взбухшей коже на боку, красивое мускулистое тело Быкова напряглось, но вовсе не от боли. Было ему от роду всего двадцать пять лет, невесты до войны он так и не нашёл.

Ротный отвернулся, занимаясь чаем. Быков улыбался, думая, что такое нежное поглаживание ладошкой его распроклятой раны – самое лучшее лекарство. Вот бы подольше провести эту процедуру, да жаль, напрямую-то никак не скажешь.

– Вас нужно госпитализировать, – сказала она.

– Ну конечно, сейчас самое время, – засмеялся комбат. – А лучше на отдых отправить на месяц-другой.

– Не смейтесь.

– А я и не смеюсь.

– Ладно, – выдохнула Люся. – Будем каждый вечер делать компрессы.

– Это какие такие? – спросил Быков.

– Будем прогревать. Для начала сетку йодом сделаем, после кисточкой разотрём жидкий парафин, и сверху тоже наложим марлевую повязку, пропитанную горячим парафином.

– Целая наука.

– Ничего сложного, а главное – поможет в лечении, и боль отступит, вот увидите. Давайте начнём прямо сейчас.

– Успеем. Чай стынет. Ротный, всё готово?

– Я бы рада, но лучше...

– Пить чай – это приказ, Люся, садитесь вот здесь. Тут светлее всего, мы вами любоваться будем, – настроение у Быкова ещё больше поднялось, и он был рад, что снова и снова вгоняет в краску девушку своими словами.

Из кружек шёл пар. Чай, и правда, оказался очень горьким, но сахар, который так удачно нашёлся у ротного, это немного исправил.

– Я вот помню, когда до войны учился в Ростове в железнодорожном техникуме, мы вот как с товарищами по общежитию чаи гоняли, – рассказывал Быков. Люся неловко держала горячую железную кружку, отпивая понемногу. Несмело переводила взгляд то на добродушного и весёлого комбата, то на застенчивого, всё время прячущего от неё глаза ротного. Она знала, какие испытания, и с каким бесстрашием и героизмом прошли эти офицеры. И оба они – милый, с белыми и взъерошенными, а потому смешными волосами, Александров, и более резкий, крепкий и уверенный Быков, ей нравились. Люся никому на свете не открыла бы тайну, что влюбилась сразу в обоих. Её наверняка бы засмеяли, либо осудили, потому что так, наверное, не бывает. И быть не должно. Но нежность в её сердце была обращена к каждому. Иногда она думала, что любит их одинаково, как

родных братьев, но понимала, что врёт себе. Нет, Александров и Быков были глубоко дороги и милы ей не как братья.

«Я тебя вылечу, обязательно вылечу, Миша, – думала Люся, глядя, как жестикулирует, весело о чём-то рассказывающая, Быков. Для неё он сейчас был не комбат и даже не Герой Советского Союза, а парень-весельчак. С таким высоким, уверенным парнем она хотела бы пройти по улице родного Саратова, когда закончится война. Только про себя, в мыслях она разрешала обращаться к нему на «ты» и по имени.

Но и Васенька Александров... Он, наверное, и не догадывается, глупый, что она видит, чувствует и понимает его любовь. Парень так искренен и мил в своей застенчивости с ней, что так и хочется обнять, сказать на ушко что-то хорошее, чтобы увидеть, как от этих слов расправляются его плечи, и весь он наполняется силой, как уставший от засухи стебель поднимается после проливного дождя.

Какие же они оба хорошие! И какое счастье, что она встретила их! Настоящих мужчин, воинов. С такими ребятами, которые могут под пулями три дня без сна бить фашистов, ничего не страшно. Скоро победа... Что будет после неё, где она окажется, Люся не знала. Как не знала и самого главного: кого из двоих, если они вдруг скажут ей в свои тайно выбранные минуты заветные слова, она выберет. Это был самый сложный, самый ранящий сердце вопрос.

Она улыбалась, чай остывал, и в своих мыслях не слышала, о чём говорил Быков, на какую тему перешёл:

– И будут у вас по лавкам сидеть пять беленьких, пять рыженьких. А, Люся?

– Что? – она подняла глаза.

– Да я говорю, выходи после войны замуж за нашего ротного. Вон какой парень, погляди! Встань, Вася, покажись, повернись! Вставай, это приказ! Вот орёл! И не смотри, что белобрысый, а ты рыжая, как солнышко! После

войны детей много потребуется, рожать будет твоей новой боевой задачей. Пять беленьких, пять рыженьких.

– Да ладно шутить, товарищ комбат, не надо, – смущался Александров, опустив глаза.

– Что ладно. Я и тебе, как старший по званию, такую задачу ставлю. Смотри у меня, если план не выполнишь!

– Давайте уже компресс ставить! – вмешалась Люся, понимая, что красными стало уже не только лицо, но также носик и уши. И вовсе не от горячего чая.

Быков встал, поправил ремень:

– Да подожди, сестричка, будет компресс! Вот сейчас мы с ротным покурим, и тогда начнём! После этого компресса-то на холод нельзя?

– Ни в коем случае! – чуть не крикнула Люся. – Тогда не то что пользы не будет, хуже станет! Ни-ни!

– Вот. А курить тянет. Но при тебе не будем.

– Да курите-курите, что вы.

– Нет, не будем. Да и после чая до воздуха охота есть, подышать, в общем.

Он подошёл к ротному, сказал на ухо:

– Вась, слушай, не в службу, а в дружбу: отсыпь махорочки! А то моя вся вышла. Мне так, чтоб и на завтра покурить было. Выручишь?

– Да какой вопрос, угощайся! Хоть на завтра, хоть на три дня бери, – Александров развязал кисет. – Мне с родных мест прислали. Самая лучшая. Наша, моршанская махорка.

– Знамо дело. А Моршанск – это где вообще такой?

– На Тамбовщине.

– А, слышал, но не бывал.

Комбат накинул на плечи высохшую у печи шинель, и, зажав в зубах плотно набитую трубку, пошёл вверх по земляным ступенькам. Александров направился следом, но обернулся. Люся смотрела на него, не отводя глаз. И он тоже. Не в силах сдержать улыбки, сказал:

– Жди! Мы скоро, лисичка-сестричка.

Люся вздохнула. Потом стала готовить бинты, йод, разложив на табурете несколько склянок. Она снова вспоминала родной Саратов, Волгу, и виделось ей послевоенное мирное время, которое представлялось тихим, спокойным. Она почему-то знала, не мечтала, а именно знала, что победа будет весной, ведь это – самое лучшее время в году, когда всё живет и расцветает. После войны нужно будет жить, вернее, пить жизнь, как пьют берёзовый сок, любить и любить. Ничего более.

– Пять беленьких, пять рыженьких, – рассмеялась Люся. Миша, ну и смешной же, скажет! А сам, наверное, с ревностью говорит, но вида не показывает.

Комбат и ротный дымили, вглядываясь в тёмное небо.

– Давай немного пройдемся?

– Давай.

Они решили пройтись. И каждый думал о чём-то своем. Вспоминал тот долгий бой за плацдарм. А, может быть, думал о Люсе. Или о родном доме. Сколько пришлось пережить. Вдвоём, вместе. Они, и правда, стали, как братья, думал каждый, и никогда не поссорятся, даже из-за такой чудной рыжухи. И сколько ждало их ещё впереди...

– Главное, что на завтра махорочка есть, – рассмеялся Быков.

Внезапно послышался гул, который стремительно менял тональность, переходя в свист.

Александров только и смог схватить комбата за руку и вскрикнуть:

– Мишка!

Они даже не успели упасть на землю. Мина ударила о землю, разбросав смертоносные осколки.

Люся вздрогнула. В тонких пальцах дрожала кисточка, с неё капал, словно плакал, расплавленный парафин.

Юрий РАССТЕГАЕВ

Пролог

Раннее солнечное утро начала мая. Ни ветерка, ни машин. Редкие прохожие попадают на встречу. В это время идти по улице особенно приятно. На лавочке во дворе – ветеран. Он сидит тихо, скромно. Щурится, подставляя лицо ласковому солнышку, радуется погожему деньку, думает о своём, одному ему известном. Слева и справа на потрёпанном пиджаке – иконостас наград: ордена, медали, знаки воинской отваги. Через день самый великий праздник – День Победы.

Сколько их осталось, этих людей, благодаря которым мы живём и здравствуем, стоим планы на будущее? Малая толика, ведь самому молодому участнику войны нынче за восемьдесят. Возраст почтенный. Только есть ли оно не на словах, а на деле, должное почтение к фронтовикам? Вопрос...

Прошлый год на День Победы приехали мы к родне в Петровку, что рядом с райцентром Сатинка. Тут новость – вчера открыли памятник!

Увековечивание памяти воинам – дело святое. Сколько безвестных героев Великой Отечественной осталось ле-

жать в сырой земле – миллионы! Никто точно не знает эту скорбную цифру...

Место выбрали рядом со школой в самом центре села. Сваты, Александра Михайловна и Николай Евсеевич Евдокимовы, – люди простые, хлебосольные. Всю жизнь проработали в совхозе – она бухгалтером, он механизатором. И ныне в трудах и заботах хлопочут. Чтобы достойно прожить по нынешним временам, держат на подворье всякую живность: корову, бычка, поросяток, разводят птицу. Присесть, дух перевести некогда.

Как водится, посидели за праздничным столом, парад на Красной площади по «ящику» посмотрели. Вновь разговор о памятнике зашёл – радость в глазах. Такое событие – монумент возвели! «Возвели», созвучно со словом «возвеличили». Возвеличили подвиг солдат, их славу, память о них, о жестокой войне! А как же иначе, ведь все мы – дети, внуки и правнуки фронтовиков, их будущее.

Всей семьёй идем к обелиску – море живых цветов у пьедестала ещё не успело сникнуть. Вечный огонь мерцает багряными бликами. Внучка Маринка вместе со взрослыми тянет ручонки с веточками сирени, кладёт скромный букетик к лучику звезды. Медленно, по складам, читает фамилии на гранитных плитах, удивляется:

– Дедушка, а почему здесь одна и та же фамилия много раз написана – Конин? А вот опять Конин, и вот.

Не заешь, что сказать. Как объяснишь девчужке четырёх с половиной лет, что семья ушла на фронт и не вернулась. И отец, и сыновья, и дядя – все остались лежать в чужой сторонushке, вечная им память!

Внезапная мысль обожгла сознание! Когда вернулись домой, сразу же поспешил в библиотеку, попросил книгу Памяти, открыл букву «Р». Боже ж ты мой! Семь человек Расстегаевых сложили головы на войне! Рассказовцы – из

Нижне-Спасского, Подоскляя, Озёрок. А я об этом ничего не знал и, по наивности, считал, что нашу фамилию смерть обошла стороной!

Путь-дорожка фронтовая

Рассказ

Юркин отец, Николай Семёнович, на войну ушёл добровольцем. Схитрил: поступил в Рассказовское фабрично-заводское училище, немного проучился, а едва исполнилось семнадцать, подал заявление в военкомат с просьбой направить на фронт. Так тогда поступали многие ребята, рвавшиеся громить ненавистных фрицев. По призыву брали с восемнадцати, а добровольцам срок скощали на целый год.

В действующую армию его не направили, мал ещё, а взяли на курсы радистов. Красноармеец Расстегаев учился прилежно и радовал начальство своими успехами, выдавая в эфир длинные точки и отрывистые тире. «Ти-ти-та-та», – призывно звучала его морзянка. Вскоре он стал неплохим специалистом.

Служить направили под Мурманск, где шли кровопролитные бои. Там он принял Присягу, удостоился своей первой медали «За оборону Заполярья», а в придачу заработал серьёзные обморожения ног, которые мучили его всю оставшуюся жизнь.

К концу войны он дослужился до сержанта, получил офицерскую должность начальника радиостанции большой мощности. Служба ответственная – обеспечивали связь командующего фронтом со штабами армий, командирами дивизий, потому старались не за страх, а за совесть.

Но офицерского звания он так и не получил. «Не повезло», война окончилась. Но не для него. Отца ждали но-

вые испытания – с одного конца страны их часть эшелонами перебросили на другой. Успел-таки солдат повоевать с Японией, да после ещё почти три года служил в Читинской области на благо Отчизны.

Демобилизовался он в начале 1948 года. Приехал в посёлок Новая Ляда, где жили отец с матерью (Юркины дед с бабкой), молодой щеголеватый победитель. По случаю, приобрёл он в столице модное кожаное пальто, которое шло в тон к хромовым, в гармошку, сапогам, и кожаную шапку-ушанку с цигейковой опушкой. Присмотрел двубортный бостоновый костюм, рубаху-косоворотку с вышитым крестиком орнаментом да нехитрые подарки родне.

До войны профессию он не получил, а надо было заниматься делом. Каким? На подходящую работу без ремесла не устроиться. Помог всемогущий случай. Когда становился на воинский учёт, на глаза попалось объявление о наборе на курсы бухгалтеров. Тогда это считалось сугубо мужской профессией, и выбор был сделан. В группе учились в основном фронтовики, а когда после окончания курсов пришёл на Новолядинский спиртзавод, тоже встретил мужскую компанию.

– В нашем полку прибыло, – шутили заводчане.

Фронтное братство! Новоиспечённый бухгалтер сразу почувствовал себя спокойно и уверенно.

Вскоре он женился, получил от завкома на обзаведение месячный оклад в тысячу рублей и набор сковородок. А директор завода Дубовицкий вручил ключи от комнаты. По всем временам – царский подарок. Фронтовики были в почёте...

Юрка часто болел. Ухитрился даже заработать воспаление лёгких, и мать вынуждена была забрать его из детского сада. Екатерина Ивановна оставила работу и занималась воспитанием сына так, как считала нужным. У неё не было

педагогического образования, и даже семилетку ей окончить не удалось. Но в этой женщине скрывался особый талант педагога, умного, доброго и требовательного. А это даётся не каждому. Попросту говоря, она умела ладить с малышом, заботилась о его здоровье и учила уму-разуму.

Рядом с домом располагался заводской гараж, и Юрка целыми днями пропадал среди шоферни. Он без труда научился различать марки машин: «Газ-АА» (полупорт), «ЗиС-5В» (Урал-ЗиС), «ЗИС-150». Было и два трофейных «Студебеккера» (стударя). К вечеру он притаскивал домой и прятал в чулане и за печкой добытые трофеи: изношенные подшипники, из которых выколачивал блестящие, вёрткие шарики. Всевозможные гайки, шайбочки, муфты, огрызки латунных трубок от бензопровода составляли главную ценность его богатства.

Спиртзаводские шофёры Терехов, Ермолаев, Царёв, братья Колмыковы, директорский шофёр Бычков да и завгар Симбирёв Юрку привечали, поскольку дружили с отцом. Они частенько захаживали в гости, пили спирт, закусывали нехитрыми разносолами: салом, картошкой, помидорами и малосольными огурцами. Им было о чём поговорить: о заводе, о жизни, о войне. Ведь как-никак, на фронте прошли их лучшие молодые годы.

Когда собирались фронтовики, обычно непоседливый Юрка, прижукнув за печкой, боялся пошевелиться, упустить хоть единое словечко из их разговора. С интересом, словно магнитофон, впитывал всё, о чём размышляли взрослые. А говорили они о многом. Сколько рассказов выслушал о генералиссимусе Сталине, маршале Жукове, Мехлисе, Лаврентии Берии! Но любимой темой, конечно же, были машины.

Дядя Саша Ермолаев после очередного стаканчика вдруг затягивал любимую – песню фронтового шофёра.

Пел он низким баритоном, заливисто. Слегка фальшивя, но искренне, весь отдавался песне. Худощавый, жилистый, с волнистыми русыми волосами, шофёр был в эту минуту необычайно красив и светел. Он стоял во весь свой высокий рост, разбросав в сторону руки, и выводил, подчиняясь переполнявшим его чувствам:

Через реки, горы и долины,
Сквозь огонь, пургу и чёрный дым,
Мы вели машины, объезжая мины,
По путям-дорогам фронтовым...

Изрядно захмелевшая компания дружно подхватывала припев:

Эх, путь-дорожка фронтовая,
Не страшна нам бомбёжка любая!
А помирать нам рановато,
Есть у нас ещё дома дела...

Заслышав песню, боясь помешать мелодии, в комнате на цыпочках входила мать, на время пирушки пропадая у соседки. Прижавшись к печи, слушала, краешком платочка утирала слёзы.

Вот песня окончена. Певцы, как по команде, вставали, поднимали стаканы за тех, кто не вернулся. Молча пили, не чокаясь, не закусывая.

И вновь грустное, хватающее за душу, фронтовое:
Эх, дороги, пыль да туман,
Холода, тревоги, да степной бурьян.
Выстрел грянет, ворон кружит,
Мой дружок в бурьяне неживой лежит.

Екатерина Ивановна приносила из коридора подогретый на керогазе чайник, разливала по кружкам густой

ароматный чай, колола щипцами куски рафинада.

Ермолаев вдруг вспомнил про гаражного завсегда-тая, спросил:

– А что-то я Юрки вашего не вижу? Ай, шпанит где с ребятнёй? Он нам, шофёрам, здорово помогает: то ключ подаст, то отвёртку, когда в смотровой яме сидишь. Хороший малый растёт, смышлённый, не балованный.

– Дак, вон он за печкой схоронился. Юрочка, а ну-ка, покажись дяде Саше, – расплылась мать от похвалы её любимцу.

Юрка высунулся из своего укрытия и уже без опаски быть выворонным, огляделся. Сквозь густой папиросный дым просматривались знакомые лица.

– Что-то он худющий у вас какой-то, словно мумия. Наверное, кашу не ест, молоко не пьёт, святым духом питается? – шутил Ермолаев.

– Да нет, он хорошо кушает, – улыбалась мать и заговорщически подмигивала сыну.

– Верю, верю.

Чтобы выглядеть посолиднее, Юрка пыжился и раздувал щёки.

– Ты что это, Федул, щёки надул? – смеялся шофёр. – А хочешь, я тебе Москву покажу?

– Ништо, нет! – обрадовано соглашался Юрка. Увидеть краснозвёздную столицу было давней его мечтой.

Ермолаев хватал пацана за уши и тянул вверх. Юрка вскрикивал от боли и, что было сил, цеплялся ручонками за стальные руки шофёра.

– Держись крепче, – советовал тот и поднимал Юрку высоко-высоко над головой почти под самый потолок. У Юрки от восторга ёкало внутри. Было одновременно и страшно, и приятно, и трепетно.

– Ну, что, видишь Москву?

– Не-е-ет, – верещал парнишка!

– Смотри лучше!

Мать в испуге наблюдала за происходящим и умоляюще просила:

– Саша, хватит! Он ведь совсем маленький. Испугается, заикаться будет!

Вскоре Юрка стоял на полу, зажав руками горящие уши.

– Ребята, а не пора ли по домам? – тихо спрашивала мать. Но в её голосе мужчины улавливали строгие нотки. – Поздно уже, завтра рано вставать. Погуляли маленько – и хватит. Вам в рейс идти, а моему мозгами шевелить.

* * *

Неделю спустя дядя Петя Колмыков взял Юрку в рейс. Отправились за сотню километров в Берёзовку за зерном. Асфальта не было, и старый газончик, жалобно урча мотором, частенько буксовал в разбитой колее грейдера. На спиртзавод попали лишь к концу дня, загрузились и сразу же тронулись обратно. Уже стемнело, и Юрка, намаявшись за день, свернулся калачиком на мягком пружинящем сидении и задремал. Разгрузив машину на солодовне, Колмыков загнал её в гараж. Юрка сладко причмокивал, видно, что-то видел во сне. Шофёр тронул его за шуплое плечико:

– Вставай, сынок, приехали. Домой пора, мать с отцом теперь волнуются.

Юрке снилась Москва.

Валентина ДОРОЖКИНА

Звоните, памяти колокола!

Очерк о тамбовских писателях-фронтовиках

«Они приближали нашу победу...» – так мы говорим о тех, кто погиб во славу Родины, отстаивая её свободу ценою жизни, так мы говорим о тех, кто, пройдя трудные фронтовые дороги, вернулся с войны и немало сделал в мирной жизни. Всё меньше и меньше остаётся ветеранов Великой Отечественной войны. Тем острее чувство благодарности поколению победителей, тем светлее память о тех, кого уже нет.

Колокола памяти... Они звучат чаще всего к датам, связанным с Великой Отечественной войной. Но их звон никогда не смолкает для тех, кто и пережил трагедию сороковых годов прошлого века. Участник войны поэт Семён Милосердов писал в одном из стихотворений:

Над пашней, чистотой берёз плакучих,
Там, где бомбёжек, свастики паучьей
В сердца впечатан след на много лет,
Где не было ни хаты, ни кола, –
Звоните, памяти колокола!

Когда читаешь биографию писателя и встречаешь слова: «участник Великой Отечественной войны», чувствуешь к нему особенное отношение. Да, многие произведения созданы после войны, но сколько горячих строк написано в окопах, в редкие минуты затишья! У Александра Твардовского есть такие стихи:

На войне под кровлей шаткой,
По дорогам, где пришлось,
Без отлучки от колёс,
В дождь, укрывшись плащ-палаткой,
Иль зубами сняв перчатку,
На ветру, в лютой мороз,
Заносил в свою тетрадку
Строки, жившие вразброс.

Нет, не молчали музы, когда гремели пушки. В гуле артиллерийской канонады под Москвой, над Волгой, под Берлином – на долгих и трудных фронтовых дорогах – звучали стихи и песни, сочинённые бойцами-поэтами. Так рождалось фронтовое искусство. Незабываемы строки Николая Майорова, Георгия Суворова, Алексея Лебедева, Вячеслава Афанасьева, Бориса Котова, Валентина Шульчева, Василия Кубанёва и многих-многих других поэтов, не доживших до Дня Победы. Стихи, написанные на фронте, полны веры в спасение Отчизны, в непобедимость советского солдата. И ещё: их авторы верили в то, что не будут забыты.

В самом начале войны, находясь на фронте, поэт Алексей Лебедев писал:

Пройдёт война.
Мы встретимся, быть может.
Как прежде, дым, синяя, будет плыть.
Поговорим о том, что нам всего дороже:
О родине, о славе, о любви...

...Строка, оборванная пулей... Сколько строк оборвали пули, сразившие молодых поэтов! Но всё-таки они успели создать стихи и песни, поднимавшие дух солдата, помогавшие не только военному поколению, но и послевоенному. Три поэта с Тамбовщины – Вячеслав Афанасьев, Борис Котов, Валентин Шульчев – три бойца, сражавшиеся «штыком и пером», погибли в 1943 году. Но не только эта скорбная дата объединяет их. Много общего в их судьбах. Короткая, но героическая жизнь каждого из них не могла пройти бесследно. Их жизнь продолжается в стихах. Недаром в стихотворении, написанном в 1941 году, Вячеслав Николаевич Афанасьев (1903 – 1943) сказал:

Беспокойное и жгучее –
Что там, в сердце, в глубине:
Или молодость кипучая
Возвращается ко мне?
Что ж, пути ей не заказаны...
Друг далёкий, приходи!
Сколько слов ещё не сказано,
Сколько песен впереди!

Поэт родился в Тамбове. Здесь прошло его детство и отрочество, здесь он вступил в комсомол, окончил школу и педагогический техникум. Любовь к поэзии сочеталась в нём с любовью к людям. И где бы он ни был потом, он всегда с теплотой и благодарностью вспоминал своих земляков, город, где родился и вырос:

Только милого, родного
Не могли стереть года:
Я родимого Тамбова
Не забуду никогда.

Работая на Дальнем Востоке, куда он уехал в 1920 году по комсомольской путёвке, Вячеслав Афанасьев пишет много стихов о Родине, о её сыновьях и дочерях. Лирика поэта проникновенна. Где, как не в России, подчёркивал он, встречаются такие молодцы: «Ребята – что надо, где лучше и быть: умеют работать, умеют дружить!».

В 1938 году Вячеслав Афанасьев возвращается в Тамбов, где продолжает литературную работу: он много пишет и печатается, его стихи известны в столице. Через два года, по приглашению Александра Фадеева, он переезжает в Москву. Здесь застало его известие о начале Великой Отечественной войны. Вступив в ряды народного ополчения, поэт участвует в боях с немецко-фашистскими захватчиками на подступах к столице, сражается с врагом в составе партизанского отряда на Смоленщине. В сентябре 1943 года в бою за освобождение Смоленска Вячеслав Афанасьев погиб. После его гибели совсем по-иному воспринимаются стихи, написанные ещё до войны:

Застигнутый последней метой
И не успев всего допеть,
Благословлю я землю эту,
Когда придётся умереть.

Он благословил родную землю, обогрив её своею кровью. Талант Вячеслава Афанасьева только начал набирать высоту, но война оставила многие его песни недопетыми. А то, что успел создать, звучит искренне, вдохновенно. Такой была вся его недолгая жизнь – «жизнь во имя счастья и мечты». В Москве, на мемориальной доске, установленной в Центральном доме литераторов, среди фамилий писателей, не вернувшихся с войны, высечена и фамилия нашего земляка – Вячеслава Афанасьева.

На шесть лет моложе Афанасьева был поэт Борис Александрович Котов (1909 – 1943), родившийся в селе Пахотный Угол нынешнего Бондарского района, в семье учителей. С ранних лет он тянулся к книге, школьником начал пробовать писать стихи. Работа преподавателем на курсах по ликвидации неграмотности, секретарём сельского совета, позже – на шахтах Украины не только не мешала творчеству, а наоборот, помогала: стихи Бориса Котова были живыми, в них – сама жизнь, со всеми её радостями и тревогами. Боевитость, высокий гражданский пафос делали строки поэта чеканными, заражающими читателя авторским энтузиазмом. В двадцать лет он уже мог сказать:

Теперь иные звуки...
Но коль нагрянет враг,
Возьму винтовку в руки
И выровняю шаг!

Эти строки написаны задолго до начала Великой Отечественной войны, но поэтическое чутьё диктовало одарённому юноше боевые стихи, пронизанные готовностью ценой жизни защищать Отечество. Судьба наградила Бориса Котова талантом, но обделила здоровьем. По заключению медицинской комиссии, он был освобождён от военной службы. Однако, когда началась война, поэт ушёл на фронт добровольцем, был миномётчиком в стрелковой части. 28 августа 1943 года он написал стихотворение «Последнее письмо»:

В полночь холодно,
В полночь жарко,
Ветер хочет всю пыль смести.
Остаётся рабочий Харьков
Вехой, пройденной на пути.

Видимо, это было не просто последнее письмо, но и последние стихи, потому что через месяц – 29 сентября 1943 года – в бою на Днепровском плацдарме Борис Котов погиб, совершив героический подвиг. Звание Героя Советского Союза ему было присвоено посмертно. Поэт-воин погиб, познав «и даль освобождённого пространства, и зрелость, обрётённую в бою...» Он с честью выполнил долг перед Родиной – приказ, который сам себе и отдавал, идя на смертный бой:

Ну, что, поэт? Бери гранаты,
Тяни латунное кольцо!
По фронту хлещут автоматы,
Песок и снег летят в лицо.
Умри, но стой! Назад ни шагу!
Ты эту землю не отдашь...
Здесь ценят стойкость и отвагу,
Здесь штык нужней, чем карандаш...

Младшим братом Вячеслава Афанасьева и Бориса Котова можно назвать поэта Валентина Ивановича Шульчева (1914 – 1943), уроженца села Староюрьева, прожившего неполных тридцать лет. Как большинство одарённых молодых людей, он участвовал в ликвидации неграмотности в тамбовских деревнях, на его глазах происходили события, нашедшие потом отражение в стихах: «Посреди весны, как на ладони, встал колхоз по имени «Рассвет»... В 1930-е годы Валентин Шульчев работал учителем русского языка и литературы в родном селе и заочно учился в Воронежском пединституте. Он окончил его незадолго до начала войны. Юноша был уже сложившимся поэтом, в чём убеждают многие его стихотворения, в частности, «Погоня»:

В рассветные сумерки синие,
В разлёте и гике погони,
Одетые пеной, как инеем,
Вломились безумные кони...
И, ветра свистящего полные,
Их гривы плясали, как пламя,
И длинные, сизые молнии
Кипели, клубясь, под ногами...

Молодой поэт мечтал об аспирантуре, но война разрушила все планы. С первых её дней Валентин Шульчев – на фронте: корреспондент газеты «Во славу Родины!», боец отряда Первой Курской партизанской бригады. В сражении под Харьковом он был ранен, попал в плен, но ему удалось бежать, он снова оказался в строю. В минуты затишья он писал стихи, песни, частушки, которые заучивались солдатами наизусть и распространялись по окопам. И во время боёв он не расставался с заветной тетрадью, в которой появлялись новые стихи, проникнутые жаждой жизни, верой в победу:

За нашу кровь, за слёзы и за раны
Мы вражьей своре предъявили счёт.
Смелее в бой, лихие партизаны!
За Родину, товарищи, вперёд!
Враг будет бит.
Фашистской банде чёрной
Не жить на нашей радостной земле.
Разведка наша в Курске и Касторной...
Друзья у нас и в Брянске и в Орле.

Валентин Шульчев, как и все, ждал конца войны, мечтал о творческой работе. Но бой 21 февраля 1943 года на окраине Курска стал для него последним: спасая раненого

товарища, поэт погиб. На груди у него, под гимнастёркой, друзья нашли ту самую тетрадь, куда он записывал стихи.

Пули, сразившие Вячеслава Афанасьева, Бориса Котова, Валентина Шульчева, не смогли оборвать жизнь их творений. Мы читаем стихи и поэмы, чтим светлую память об их авторах. На зданиях школ, где учились Борис Котов и Валентин Шульчев, – в Пахотном Углу и в Староюрьеве – благодарными земляками установлены мемориальные доски в честь поэтов-воинов. Памятная доска была когда-то установлена и на доме по улице Московской города Тамбова, где родился и вырос Вячеслав Афанасьев. К сожалению, дом не сохранился, а с ним утрачена и мемориальная доска. Но память уничтожить нельзя, она вечна.

Заметный след в литературе оставил ещё один наш земляк, погибший в годы Великой Отечественной войны, – писатель Борис Глебович Песков (1909 – 1944). Родился он в Тамбове, в семье рабочего. Здесь прошли его детство и юность. После окончания средней школы Борис Песков стал студентом Воронежского педагогического института. Первые рассказы молодого писателя были опубликованы в 1931 году в воронежских газетах и в журнале «Подъём», в котором Борис Глебович стал работать после окончания института. До войны в Воронеже было издано несколько книг рассказов Бориса Пескова. В них нашли отражение и тамбовские мотивы.

Осенью 1941 года Бориса Пескова призвали в действующую армию. Вначале он был солдатом-пехотинцем, затем его направили военным корреспондентом в армейскую газету. Он посылал свои произведения с фронта в Воронеж, где в 1943 году была издана книга «Из фронтового дневника». Военные впечатления легли в основу романа «Грудь четвёртого человека», который остался незавершённым: 16 сентября 1944 года при выполнении очередного

задания редакции Борис Песков погиб. Посмертно был награждён орденом Отечественной войны 1-й степени.

После войны воронежские литераторы собрали произведения своего товарища и издали несколько книг: «Годовые кольца», «Избранное» и др. В 1960 году в первом номере журнала «Подъём» были напечатаны фрагменты из неоконченного романа Бориса Пескова «Грудь четвёртого человека».

В одном ряду с названными писателями стоит Василий Михайлович Кубанёв (1921 – 1942), проживший короткую даже для военного времени жизнь – 21 год. Родился Василий Кубанёв в селе Орехово Курской области. Будучи школьником, он начал сочинять стихи, много читал, книги всегда были его лучшими друзьями. В 1937 году семья Кубанёвых переехала в город Мичуринск. Здесь будущий поэт учился в старших классах школы и сотрудничал в газете «Мичуринская правда», часто выступал с чтением своих стихов перед молодёжью. Когда началась Великая Отечественная война, он ушёл на фронт добровольцем. Дойти до Берлина, как мечтал, ему не было суждено. Но он верил в победу, и эта вера – в каждом стихотворении, написанном в годы войны:

Ходите прямо, дышите легко
Все, сгибавшие спины низко.
Это от Берлина до Москвы далеко,
А от Москвы до Берлина близко!

На фронте поэт заболел, вернулся в Острогожск Воронежской области, где работал до войны, и 6 марта 1942 года его не стало. Но как много он успел создать! Как глубоко мыслил! Это ему, Василию Кубанёву, принадлежат слова: «Умереть не страшно. Страшно не жить». Он, как и многие поэты, продолжает жить в стихах:

Пусть шагом спокойно-широким –
От мощи своей легки –
Идут в наступление строки,
Как праведные полки.

Настоящим подвигом можно назвать жизнь поэта-лётчика Ивана Васильевича Шамова (1918 – 1965), имя которого носит одна из библиотек города Тамбова. Родился в селе Хлыстово Моршанского уезда. После окончания средней школы поступил в Моршанский библиотечный техникум и, получив диплом с отличием, был принят в Московский библиотечный институт. Любовь к книге с детских лет предопределила его литературную судьбу. Но была у него ещё одна любовь – авиация. Учась в институте, Иван Шамов занимался в одном из аэроклубов столицы. Войну встретил лётчиком-истребителем. На его счету – много боевых вылетов, он внёс большой вклад в победу над врагом.

После Победы Шамов продолжал службу в авиации. Но 1947 год стал для него роковым: во время очередного полёта в воздухе отказал мотор. Самолёт рухнул на землю, лётчик чудом остался жив. Много времени провёл он в госпиталях, но повреждённый при аварии позвоночник так и не позволил ему встать на ноги. Он оказался до конца дней прикованным к постели. Однако Иван Шамов был не из тех, кто сгибается под ударами судьбы. Он нашёл своё место в жизни, обретя новое призвание. Теперь его оружием стали стихи:

Пусть недуг в моём бушует теле,
Не могу народу быть обузой.
И сейчас, прикованный к постели,
Я служу Советскому Союзу!

Так началась поэтическая судьба фронтовика. В 1953 году вышел в свет его первый стихотворный сборник, где

явственно слышались мотивы оптимизма и веры в то, что человек в силах преодолеть себя и найти своё место в жизни при любых ситуациях. Судьба Ивана Шамова схожа с судьбой Николая Островского, мужество которого помогало не одному человеку совершать подвиги.

Когда на душу, как воришка,
Придёт незваная печаль,
Я слышу голос:
«Эй, братишка,
Ужель сдаёт на сердце сталь?»
Твои слова, солдат Островский,
Хлестнут по совести, как плеть,
И снова хочется чертовски
Работать, драться, песни петь!

Тамбовский край – родина многих поэтов-фронтовиков. Среди них – Сергей Иванович Голованов (1917 – 1976.) Он родился в селе Зубриловка Пензенской губернии. Окончив сельскую школу, поступил на филологический факультет Волгоградского педагогического института. Когда началась Великая Отечественная война, ушёл на фронт, сражался с врагом с первого и до последнего дня – Дня Победы. С боями дошёл до Праги, не раз награждался боевыми орденами и медалями. С войны Сергей Голованов привёз фронтовые газеты, в которых печатались его стихи. Известный советский поэт Яков Шведов в одном из номеров газеты «За победу!» писал: «В редакцию ежедневно приходят конверты со стихами, написанными в окопах. Чаще других печатаются стихи старшего сержанта Голованова. У него острый взгляд... У него на первом месте – боец со своими думами и чувствами...» Кроме названной газеты стихи Сергея Голованова печатались в боевых изданиях «За честь Родины»,

«На разгром врага», «Суворовский натиск». Здесь же молодой поэт публиковал и очерки о боевых товарищах, о дорогах войны.

В Тамбове Сергей Голованов жил и работал с 1945 года. Вполне естественно, что он пришёл в газету «Тамбовская правда», в которой проработал много лет. Здесь публиковались его документальные очерки, воспоминания о суровых днях войны, И всегда на первом месте у автора был русский человек, остававшийся и в мирной жизни бойцом.

Снова дружит с тобою слава,
Путь к победам опять лежит.
Из печи огневая лава
Неудержно в ковши бежит.
После битвы святой, суровой
Рад вдвойне трудовому дню.
Как на фронте, стоишь ты снова
По-солдатски – лицом к огню!

А вот стихотворение «Пехотинец», в нескольких строках которого – и образ бойца, не сломленного врагом, и картины боя, и мечта о мирных днях, ради которых отдано столько жизней:

Вдыхая пожарищ копоть,
Гнев проносил в боях,
Лежал, замерзая в окопах,
Чтоб люди жили в домах.
Полз под раскаты орудий
К дотам чужим во мгле,
Чтоб снова ходили люди
В полный рост по земле.

Любовью к родному краю проникнуты и стихи Павла Алексеевича Дорошина (1913 – 1977) – поэта, журналиста, солдата. Он родился в Тамбове, здесь жил и работал, писал стихи, выпускал сборники, занимался с молодыми поэтами. Но до этого – тяжелейшие дороги войны, потери друзей, и – бои, бои... Боец Дорошин знал, что тот, кто воюет за правое дело и погибает за него, – бессмертен. Вот строки из стихотворения «Уходя на фронт», посвящённого дочери Светлане:

Если я погибну в бою,
Не оплакивай смерть мою:
Потому что в смерти бойца
Есть бессмертье и нет конца.

В сборниках Павла Дорошина рядом со стихами о войне – стихи о Родине, о волнующей природе родного края, о любви. И в каждой строчке – тревога за Отчизну, желание мира и счастья на земле:

Всё стерплю – и горький вкус волны,
И огня последний страшный вал,
Чтоб, рождённый в первый день войны,
Сын мой никогда не воевал.

Высоким чувством поэта-гражданина проникнуты стихи фронтовика Ивана Сергеевича Кучина (1924 – 2000). Он родом из деревни Берёзовка Шехманского (ныне Петровского) района. Со школьной скамьи ушёл добровольцем на фронт. Первые стихи Ивана Кучина были опубликованы в 1942 году в армейской газете «Сокол Родины». Уже тогда обозначилась его передовая – и в жизни, и в творчестве:

Дождь шелестит...
А мы, не уставая, –
Немые тени – движемся ползком...
За нас заговорит передовая
Своим неотразимым языком.

До конца дней главной своей темой Иван Кучин считал тему войны и подвига бойца. «Рифмы мне подсказала шрапнель, а мотив наиграла «Катюша», – писал Иван Сергеевич в 1944 году в стихотворении «Что я видел, о том и пою...» Оно вместе с другими произведениями вошло в двухтомное собрание сочинений «Три четверти стремительные века...», изданное посмертно в 2004 году. Здесь читатель найдёт стихи о войне, о любви, о родном крае, о несломленном народе, выстоявшем в трагические годы. Нельзя не заметить жизнеутверждающего мотива всего творчества Ивана Кучина.

Поэты-фронтовики, вернувшиеся с войны живыми, составляли огромную литературную силу на Тамбовщине. Почти все они работали в газетах, и их поэтическое и журналистское перо всегда было острым. Одним из них был Семён Семёнович Милосердов (1921 – 1988). Его родина – посёлок Семёновка нынешнего Знаменского района. Позже семья переехала в Тамбов. Здесь будущий поэт окончил школу; поступил в Саратовский государственный университет, но начавшаяся война не дала завершить учёбу. Тяжёлая участь выпала на долю молодого бойца: ранения, плен, побег, партизанский отряд... А после войны – сталинские лагеря. Но всё выдержал Семён Милосердов, потому что его никогда не покидала вера в справедливость, надежда на то, что после испытанных им ужасов придёт желанная свобода и возможность заниматься любимой работой. Творчество придавало

ему силы. Всё потом нашло отражение в его стихах и поэмах. Всю жизнь неотступно преследовала память о войне:

Закрываю глаза – на мгновенье
Мне покажется: грохот, война,
Я взрываю кольцо окруженья,
Гимнастёрка обожжена...

Немало стихотворений Милосердова посвящено Родине, образ которой сливается с образом матери, оберегающей своих сыновей в самые тяжкие моменты. Характерно в этом отношении стихотворение «Мать-Россия»:

Я упал в подорожник.
Мне жить – не судьба.
Я лежу, окровавлен, почти бездыханен...
Но Россия перстами касается лба:
- Подымайся, сыночек.
- Я ранен?
- Да, ранен...

И боец поднимался и шёл «всё вперёд, всё на запад, круша окаянную силу», потому что в его сознании «воедино сливались образ Матери и России...». Особое место в творчестве Семёна Милосердова занимают стихи о деревне, её тружениках, уходивших на войну по тем же дорогам, по которым они ходили в поле на работу:

Исхлёстанные ливнями тревоги,
Изрытые, в воронках и в пыли,
Всё помнят деревенские дороги,
Которые к победе нас вели...

Через всю жизнь пронёс боль о погибших товарищах поэт и прозаик Александр Васильевич Стрыгин (1920 – 1999):

Фронтная память побольнее ран,
Оттого не весел старый ветеран.
Часто-часто снятся те, которых нет,
И окоп тот снится вот уж много лет.

Автор пишет не просто о безымянном солдате (хотя, сколько их, безымянных, погибло на дорогах войны!). В этом стихотворении конкретный, зримо представляемый читателем образ советского бойца. Это, по сути, сам Александр Стрыгин, лежавший в окопах, ходивший в атаки, смотревший в глаза смерти, но веривший в победу и бессмертие солдатского подвига. «И всё-таки войну выиграла наша пехота», – любил повторять Александр Васильевич. И сколько он посвятил пехоте поэтических строк!

Одежды твои дочерна пропотели,
В пыли и грязи – лишь сверкают глаза.
Тебя узнаю я по серой шинели –
Здравствуй, пехота родная моя!

Для поэтов – участников Великой Отечественной войны – эта тема всегда была главной. В подлинность передаваемых ими событий верилось, потому что они были участниками: они писали не о выдуманном, а о реальном фронте – с дымом и гарью, с разрывами гранат, с минными полями, с кровью и смертью...

Значительное место в литературе о Великой Отечественной войне занимает проза тамбовских писателей. Каждая книга о войне, – конечно, если её автор – фронтовик, –

связана с его биографией, страны, поэтому художественные произведения носят черты документальности. И причина тут не только в том, что называются места сражений, включаются сводки Совинформбюро, но и в самом духе повествования, когда произведение о войне воспринимается как правдивая страница истории нашей Родины, ибо в бессмертии героев заключено бессмертие страны.

«Война, война... Сколько плодишь ты скотского, дикого в людях! И как высоко подымается в твоих испытаниях человеческий дух!». Эти слова из романа Бориса Константиновича Панова (1923 – 2008) «Посреди степей» как нельзя лучше выражают нравственную сущность Великой Отечественной войны: гибли миллионы людей, но в то же время война учила «рудю дорогую отличать от породы пустой», она ковала характеры для будущей мирной жизни.

Молодого красноармейца Максима Чусова война сразу сталкивает с труднейшими испытаниями. И оттого, выдержит ли он их или смалодушничает, будет зависеть его дальнейшая судьба – останется он просто в живых или навсегда сохранится в памяти уцелевших... Отбившись в ночной стычке с немцами от своих, казня себя за минутный страх, заставивший его при первой же автоматной очереди «шарахнуть вбок, побежать по лесу», красноармеец выходит на дорогу и видит изуродованную полуторку, убитых шофёра и женщину, возле которой возился в тряпье крохотный ребёнок. «В груди красноармейца расплескался палящий жар. Торопливо, трясушимися руками он взял ребёнка, завернул в поднятые с земли простыню и вязаную кофту и быстро пошёл было прочь, но шагов через десять какая-то требовательная сила остановила его, заставила вернуться к женщине».

Советский солдат, подвергаясь ежеминутной опасности, не колеблется в выборе: взять ребёнка или быстрее

уйти прочь. Немцы могли появиться в любой момент. Но и в этой ситуации в человеке берёт верх человеческое. Он хоронит погибших и спасает ребёнка. И даже когда его нагоняет грузовик с немцами, он продолжает упрямо идти вперёд, крепко прижимая к себе девочку, «боясь только одного, что не выдержит долго такого шага». Но он выдержал. В поединке между голодным, обессиленным красноармейцем и ехавшими на грузовике сытыми фашистами, хохотавшими над «странным русским солдатом с ребёнком на руках», стрелявшими ему под ноги, чтобы испугать, заставить попросить пощады, – выиграл Человек.

Возможно, именно этот, выигранный поединок, и стал точкой отсчёта во всей дальнейшей жизни Максима Чусова. Работая после войны председателем колхоза, он в любой ситуации остаётся, прежде всего, честным человеком. «На себя я надеюсь: увилить от дел не стану», – скажет Чусов в разговоре с секретарём райкома Букавиным. Обычные, простые слова, но в них всё – честь и совесть бывшего фронтовика, уверенность, закалённая в огне войны, и наполнявшее его, «будоражащее всё внутри ощущение своей нужности людям».

Есть в романе Бориса Панова и ещё один запоминающийся образ – Якова Забелина, вернувшегося с войны инвалидом, но нашедшего себе дело в колхозе. Не такой он человек, чтобы жить за чужой счёт, пользоваться старыми заслугами. А в сорок третьем году Яков, сам того не сознавая, совершил подвиг... Прямо на него шёл немецкий танк. «Они остались один на один – человек и броневая грохочущая громадина. Она могла вот-вот раздавить Якова. Но он теперь знал, что не побежит от неё... Это те, кто в танке, должны бояться его, Якова, потому что он сейчас непременно подорвёт и уничтожит их. Он ничуть не сомневался, что всё именно так и произойдёт, и от этой уверенности в

нём поднялось злое, беспощадное, торжествующее ликование...»

Вражеский танк был подорван. А кто знает, сколько жизней унесла бы эта машина, если бы её не остановил один человек, «песчинка» на бескрайнем поле войны! Как и Максим Чусов, Яков Забелин вышел победителем из неравного боя – из поединка между добром и злом. На примере этих двух людей Борис Панов показал, как герои войны, совершавшие подвиги не во имя подвигов, а во имя долга и совести, и в мирной жизни – люди высокого полёта, честно выполнявшие своё предназначение на земле.

Война, уничтожившая миллионы лучших сыновей и дочерей страны, искалечила многие судьбы тех, кто остался жив. Немало и таких случаев, когда отчаявшегося человека спасало участие окружающих. У прозаика и драматурга Николая Васильевича Архангельского (1916 – 2005), бывшего военного хирурга, есть рассказ «Лейтенант Пётр», в котором описан случай из военной жизни, – случай, может быть, и типичный для выдавшего вида военврача. Но тот, кто прочитает этот рассказ, запомнит его на всю жизнь.

«...Ночью на станцию прибыл санитарный поезд. Раненых было много. Все они уже побывали в руках хирургов медсанбатов, полевых и эвакуогоспиталей. Такие раненые – сложные люди. За время мытарства по лечебным учреждениям у них порой складывались очень тяжёлые характеры. Это были люди, тяжело переносившие своё моральное и физическое увечье. Люди без угадываемого для них самого ближайшего будущего... Сотрудники госпиталя были подняты по тревоге. Пришла даже Вера, библиотекарьша, жившая с матерью неподалёку от госпиталя. Хрупкая, миловидная девушка лет девятнадцати...»

Особенно тяжёлым оказался молодой лейтенант с

забинтованным лицом, который буйствовал, а подошедшую успокоить его Веру даже ударил. С содроганием сердца читатель узнаёт из рассказа, что боец получил чудовищное ранение: «Осколок снаряда лишил его глаз, бровей, щёк, носа, части верхней губы...». Даже хирургу, увидевшему то, что осталось от лица лейтенанта Петра, стало страшно.

Узнав, что он ударил девушку, Пётр приходит в себя, просит прощения у пришедшей к нему, по его настоятельной просьбе, Веры. Постепенно между ними завязываются дружеские отношения. Вера читает ему вслух книги, старается отвлечь его от мрачных мыслей. Но вскоре она сама оказывается на больничной койке, и через несколько дней умирает. Ещё один удар судьбы Пётр переносит тяжело, но мужественно: Вера сумела за короткое время знакомства с ним убедить его в том, что достоинство человека не во внешней красоте, а во внутреннем духовном богатстве. Николаю Архангельскому удалось передать психологически тонко и точно душевное состояние двух молодых людей – красивой девушки Веры и изуродованного войной незрячего лейтенанта Петра. Оставшись без глаз, Пётр обрёл внутреннее зрение. Так среди ужасов войны прорастали побеги новой светлой жизни...

Отрадно сознавать, что читатели, приходя в библиотеки, спрашивают книги о Великой Отечественной войне. Роман Алексея Емельяновича Шилина (1924 – 2007) «Четвёртый патрон» зачитан, как говорится, «до дыр». Автор, бывший моряк, прошедший войну, написал книгу, как собственную биографию: здесь всё – правда, суровая, беспощадная правда. Оттого и читается она с неослабевающим интересом.

У героя романа Иванникова было тяжёлое голодное детство, а юность его – краснозвёздная. В годы гражданской

войны малограмотный деревенский паренёк, закрутившийся в вихре исторических событий, пытается понять: что же происходит вокруг? Время ответило на все вопросы... Отгремела гражданская война. Можно было бы облегчённо вздохнуть. Но дальнейшие события исключили отдых и покой. Новая беда обрушилась на страну. Война принесла с собой разруху и гибель людей; она испытывала человека на прочность на фронте и в тылу; она сделала несчастной не одну семью: похоронки приходили и на действительно погибших, и на тех, кто остался в живых чудом. Так случилось и с Иванниковым.

...Вблизи рыбацкого посёлка немцы потопили корабль, на котором он воевал. Семьи всех, кто был на корабле, получили похоронки. Тяжело раненный, Алексей Иванников с трудом выбрался на берег, где его подобрала и выходила девушка Инга. Но похоронка уже сделала своё дело: у сына Иванникова появился другой отец – тоже фронтовик, тоже достойный человек, страдавший оттого, что считал себя причиной распада семьи. Но Алексей понимает, что причина трагедии – война.

Иванникова постоянно точит мысль, что он так и не сказал своему, уже взрослому сыну, что он его отец. И, решившись наконец на встречу с ним, с родным домом, понимая, что эта встреча может стать и прощаньем, Иванников подводит итог своей жизни: так ли он прожил, как надо? Юность промелькнула в звоне клинков и свисте пуль, потом – работа до изнеможения, за ней – годы другой войны. И он всегда был там, где трудно. А разве можно было по-другому? Он делал то, что приказывало время. Он дрался за правду, не щадя ни себя, ни других. И вот теперь ему надо сделать ещё один шаг к правде: рассказать сыну, что это он, Иванников, его настоящий отец.

Своеобразным продолжением «Четвёртого патрона»

является очерк Алексея Шилина «Чайки над фиордом», опубликованный в газете «Правда» 25 августа 1983 года. Автор переносит нас в далёкие военные годы, но как современно звучат антивоенные мотивы, как остро поставлена проблема счастья детей всей земли. Военный катер задержался в Киркенесе, чтобы очистить от вражеских мин фиорды, но неожиданно налетел на мину и получил пробоину. Кое-как добравшись до причала, моряки занялись ремонтом. «Я подошёл к шлюпке, – пишет Алексей Емельянович, – но что-то заставило меня обернуться. Женщина и мальчик стояли на берегу, за хлопьями падающего снега. Женщина держала руку на плече мальчика, и я заметил под снегом кончики её тонких, словно из белого мрамора, пальцев. Другую руку она прижала к груди. И эта её рука снежно белела на чёрном лёгком пальтишке. «Кушать», – произнесла женщина на ломаном русском языке. Я метнулся на камбуз. И вот уже, словно выстрелы, захлопали дверцы шкафа: мои товарищи брали с полок пачки сахара, хлеб, банки с мясной тушонкой... Толкаясь, мы поднялись по трапу на причал. Женщина, как в моей деревне... молитвенно сложила на груди руки...».

И через многие годы продолжает видеть писатель глаза норвежской женщины и её сына, и теплом наполняется сердце от воспоминаний о том, как в едином порыве поспешили помочь ей советские моряки. С гордостью и восторгом восклицает Алексей Шилин: «Характер у русского человека!»

Процесс становления личности, раннее взросление юношей и девушек в годы войны показаны в произведениях Валентина Петровича Баранова (1924 – 2004). Точность географических названий, описание фронтовых событий отличают повесть «В дни грозные». Не случайно она названа автором документальной. Это не только не снижает её

художественного уровня, но делает более значительной, дополняя правдивыми страницами автора-очевидца летопись Великой Отечественной войны и истории страны в целом. В герое повести Валентине Баринове легко угадывается автор книги Валентин Баранов, возмужание которого происходит буквально на глазах читателя. Вот он провожает на фронт отца, зная, что скоро наступит и его очередь. Отец на прощанье отдаёт сыну свои часы со словами: «Сверяй эти часы с часами добрых людей...». С сердечной болью говорит автор о небывало богатом в 1941 году урожае, который некому было убирать. Но, мобилизованные собственной совестью, юноши и девушки, подростки, как-то сразу повзрослевшие, взяли на себя часть общих забот и стали работать за ушедших на фронт отцов.

Не оставляет равнодушными читателей и ещё одна книга Валентина Баранова – «Эхо войны». Автор рассказывает в ней о поездках по местам сражений, о неожиданных встречах с людьми, о друзьях-однополчанах. Он не скрывает горечи от сознания того, что на дорогах войны потеряны миллионы людей, среди которых были, возможно, будущие учёные, писатели, художники, музыканты. Но страницы книги полны и радостью от сознания величия победы, оттого, что вернувшиеся с фронта встали в строй мирной жизни – созидания и творчества.

Давно ушли в историю великие и трагические годы – «сороковые-роковые», как назвал их поэт-фронтовик Давид Самойлов. Но они не ушли из памяти. В сердцах людей будут вечно живы те, чьей кровью обильно полита земля. Именно этот мотив, мотив бессмертия, звучит мажорным аккордом в произведениях тамбовских писателей, посвящённых Великой Отечественной войне.

Юрий МЕЩЕРЯКОВ

За Родину!

Из цикла стихов

Русское солнце

* * *

Заголосил разбуженный петух
На прутьях деревенского плетня.
Час солнца, час начала дня,
Степной простор захватывает дух,
Речная гладь и весь в ромашках луг,
И перистого неба глубина.
Земля, благословенная земля,
Из зёрнышка взрастившая меня,
Как много приняла ты мук,
Ты знаешь, кто твой враг и кто твой друг,
Во тьме веков ты начинаешься от Бога,
И до сих пор ты ищешь правды свет...

* * *

Кричащее слово «Тревога»
Вспорол июньский рассвет,
Теряли тепло постели,
Солдат торопил старшина.
Я знаю, что так начинались ученья,
Наверное, так начиналась война.

Дремал восток.
Холодный, неподвижный,
Границу обволакивал туман.
Безмолвие...
И вдруг! на крае жизни,
Ударив слепотою по глазам,
Взметнулся взрыв. Дымится чёрный след...
Кто только-только счастлив был вчера,
Теперь узнал, что счастья больше нет,
Судьба людей не больше, чем игра,
Развенчана гармония ума,
И человеческая мысль зашла в тупик –
Безумный мир трагичен и безлик.
Такая у безумия цена...
А за спиной огромная страна,
Кружатся недосмотренные сны,
И слышен хриплый голос старшины:
– Быстрее, братки, быстрее – война!

* * *

Она пришла и дико и нелепо
В испуганных глазах, в слезах детей;
– Малыш, ты чей?
Сиротство безответно.
Он мамин был вчера, теперь – ничей.

Открытые глаза, как родники,
В них правды и добра огонь небесный,
Герой-отец из мёртвых не воскреснет,
И горьких слов не выбросишь из песни.
Сжимаются до боли кулаки.
И у солдата был когда-то дом,
В его селе теперь ни стен, ни крыш,
Подкатывает к горлу твёрдый ком,
Такой же у солдата был малыш.
Была жена нежна и молода,
И мать была, тяжёлая годами,
Но говорят, теперь там лебеда,
Там холмики увенчаны крестами.
И вспомнились веснушки, русый чуб,
Раскрытая тетрадь, карандаши,
Как слово первое слетело с детских губ –
Кому пролить слезу своей души?
Кому пролить слезу своей души,
Она ещё совсем не зачерствела,
Она же беззащитнее, чем тело,
И ранят её острые ножи.

Метроном

1.

Как колокол, огонь на батарее,
Острее боли ненависть к врагу,
Земля от крови пролитой ржавеет,
И рвётся чьё-то время на бегу.
За скрежетом металла боль и стон,
В конце тоннеля свет слабей и уже,
Приходит ночь, в которой страшен сон,

Приходит ночь, в которой страшен сон,
Вокруг война, и мир навек контужен.
Сгорает жизнь, надежды исчерпав,
Она не чаёт вырваться из тьмы,
Остались сны в заоблачных садах,
Куда в посмертный час придём и мы.
Истрачены в бою броня и бронь,
И взвоят мина, ноту взяв не ту
Неудержимый, злобный артогонь
Кромсает методично высоту.

Земля вразлёт, осколков вой и свист...
А там, вдали, у милого порога,
Упал ещё один багряный лист,
И душу затуманила тревога.
В глазах и на лице беды печать,
Давно уже письму прийти пора,
И до утра заснуть не может мать,
И плачет несмышлёная сестра.
Взмахнул рукой – спешил попасть на фронт.
«Живым вернись!» – Молила и просила,
Вдруг сердцем поняла, что не придёт,
И мать на всё село заголосила...
Тугой удар. Уходит кровь ручьём,
Пробито сердце пулями насквозь,
Бессонница сменилась забытьём,
Уснул солдат на этот раз всерьёз.
Кричи и не кричи: «Вставай, браток!»
Потухший взгляд и рот полуоткрыт,
И сыплется за шиворот песок,
А в ротном списке значится: убит.

Александр Матросов

Долой небылицы!
К нам в жизнь прорывается истина.
Мы смертные все,
нас ничто не спасёт,
Но только одни
умирают ещё прижизненно,
Другим
даже смерть не в счёт...

Рывок – только шаг –
без команды, без вскрика, без спроса,
На всё наплевав,
будь он проклят тот дзот!
Куда так спешишь,
куда же ты, Саша Матросов?
Твой подвиг
покоя земле не даёт.

Не будет черты,
но будет последняя вспышка,
И скроется в пламени
весь горизонт,
И сердце сорвётся,
ударится больно в подмышке,
И только потом
этот залп тишину разорвёт.

И только потом
на краю оглушительной бездны
Горячая кровь
обожжёт все с нутра...

Не долго
ты в жизни искал своё место
И выбрал,
где к звёздам уходит дыра.

Мальчишечью грудь
обожгли пулеметные трассы,
Истрачена жизнь
до пылающих углей в золе.
Зажатые зубы
на вздохе держали гримасу.
И вечный огонь
раздували ветра на Земле...

Упали ресницы —
взметнулось в простор голубиный
Сто тысячью глоток
щемящее душу “Ура!”
Ты слышишь?
На свете весна наступила,
А там, где ты был,
и поныне чернеет дыра.

Почему, умирая,
люди совершают подвиги,
Почему, открывая
залитые кровью глаза,
Они не желают
смотреть перепугано под ноги —
В зрачки автоматов
глядят, как глядят в небеса...

Люблю свой первый дождь...

*Я был подростком,
и ветераны были ещё так молоды!
На каком оголённом нерве
они сломали германский хребет?*

* * *

Люблю свой первый дождь,
свой первый снег,
Под ними и промок я и продрог,
Сквозь непогоду мой катился смех –
Я счастлив был и всё на свете мог.
Мой сорок первый...
Выпускной,
Надежд и чувств манящий свет,
Я с аттестатом мчал домой,
На все вопросы знал ответ.
И жизнь моя была, как взлёт...

Но вдруг

вонзается

в меня:

«Боец!

За Родину!

Вперёд!

Дай пулемётного огня!

Распни вражину на кресте,

Пусти в распыл арийский прах,

Давай, сынок, давай, как все...

Убей в себе поганый страх».

Пропал июньский выпускной,

Круг одноклассников моих...

«Вставай страна!..»

Я – со страной,
И мне ударили под дых.
Нелепый, слабый, я терпел,
Стонал – на части рвал себя,
Но вот настал и мой предел:
Не ты убьёшь – убьют тебя.
Дрожал в припадке пулемёт,
Кривя землистых лиц оскал...
Господь мне душу сбережёт,
Я это позже осознал...
Но в этот самый первый раз
Я смерть врага постиг как цвет,
Кровавый всплеск застыл у глаз,
Я от него почти ослеп.
Казалось, что напился вдрызг,
До непосильной тошноты,
Меня прожгло от красных брызг
И ввергло в чрево пустоты.
Я умирал не раз, не два,
С врагами вместе и один
И воскресал, живой едва,
И значит, был необходим.
Другая жизнь вошла в меня,
Мой искупительный родник,
От сердца камень отняла –
Я стал солдатом. Я привык...

* * *

Люблю

холодный дождь

и мёрзлый снег,

Я даже их оставить не намерен.

И страха нет, но столько в мире зла –
Но кто я перед павшими друзьями?
Забить нельзя!
Живу среди огня,
И сквозь надрывный, воющий фальцет
Кричу им, чтоб поверили в меня,
С седых небес простили белый свет...

Просыплется земли холодной горсть
В могильный шрам
    меж пальцев
        напоследок,
Когда-нибудь ослабнет в сердце злость,
И будет день –
    Великий День Победы!

* * *

Люблю свой первый дождь, свой первый снег,
Под ними и промок я, и продрог,
Сквозь непогоду мой катился смех –
Я счастлив был,
    я всё на свете мог...

«Моя вторая родина – Тамбов»

Биографический очерк о Евстафии Начаса

Уже много лет известно в нашем крае и за его пределами имя поэта и журналиста Евстафия Начаса. Любители поэзии всегда ждут его стихи, а глубокие по содержанию, написанные хорошим литературным языком статьи, очерки, рецензии находят отклик у читателей разных поколений.

Евстафий Ярославович родился 20 июня 1940 года на Украине, в селе Ярчевцы Тернопольской области, в раннем возрасте вместе с матерью пережил оккупацию германских фашистов. В 1962 году, после службы в армии, он приехал в Тамбов, стал студентом историко-филологического факультета Тамбовского государственного педагогического института (ныне – ТГУ имени Г. Р. Державина). К этому времени относится начало его журналистской и поэтической деятельности. Первые его стихотворные строки были опубликованы в многотиражной газете «Народный учитель». Уже тогда они привлекали искренностью, новизной, поэтической образностью, тонким лиризмом и высокой гражданственностью:

Я был рабочим и солдатом
И помню запах кирпича.
Горжусь спецовкой и бушлатом
С худого юного плеча.
Таков закон, так мир устроен:
Когда вокруг ворожья рать,
Всё, что для Родины построим,
Надёжно надо защищать.

Голос поэта с каждым стихотворением становился всё уверенней. Автора отличала душевная приподнятость, свойственная человеку, которому надо видеть и слышать больше, чем другим. Стихи о ровесниках, стремившихся своими руками строить новую жизнь, о высокой любви, помогавшей выжить в самые трудные моменты, не могут не тронуть сердце читателя: ему близко ощущение мечты, которой живёт поэт, идущий в ногу со временем.

Немало стихотворений и поэм посвятил Евстафий Начас Украине и России – это его «две матери великих», которых он не устаёт благодарить и воспевать. Его книга «Зимний листопад» (1981) открывается знаменательными строчками:

Два полюса магнитных у планеты,
Две матери великих я люблю.
С одной делил росистые рассветы,
С другою дни метельные делю.
Мне по душе тамбовские долины
И над Днепром литые зеленыя.
Меня брала за руку Украина,
Россия в люди вывела меня.

В этом сборнике много лирических стихов, проникнутых духом единения двух славянских народов. И до сих пор они звучат современно, потому что, как пишет поэт, «У Родины адрес один: / Та земля, где тепло от рябин...»

Пятый выпуск серии «Поэтический Тамбов» – это сборник Евстафия Начаса «Снегопад» (2010). Многие стихи были напечатаны на страницах газет «Тамбовская жизнь», «Наедине», в журнале «Подъём», в «Тамбовском альманахе». В венке сонетов «Я в России прописан...» автор с убежденностью поэта и гражданина говорит: «Отечество себе не

выбираем, / Подобным выбиралам – грош цена. / Прародина и родина вторая / Слились в словах – родимая страна...» В этом произведении поэтически осмыслена история Тамбовщины, названо много связанных с нею имён: «Здесь Боборыкин вёл своих стрелцов»; «Здесь для Отечества служил Державин»; «Здесь жил поэт Евгений Баратынский»; «У Вечного огня цветы алеют».

С какой теплотой, сердечностью говорит поэт о Тамбове – городе, куда он приехал молодым человеком, окончил здесь институт, стал поэтом и журналистом. Здесь он встретил свою любовь. В Тамбове родились дочь и внуки. И по прошествии стольких лет Евстафий Начас не утратил юношеского чувства влюблённости и искренней благодарности городу, сыгравшему значительную роль в становлении личности поэта и гражданина.

Есть город посреди равнины русской,
В туман «едва проглядывает Цна».
Из смешанного леса тропкой узкой
Сюда приходит утром тишина.
Над парком Дружбы вьются грачи стаи,
И росы пьют на клумбах соловьи,
И Лермонтов на скромном пьедестале
У перекрёстка двух дорог стоит.
Искать на карте мне не надо точку.
Он в моём сердце обозначен точно
Без разных параллелей и кружков,
Весной вишнёвым светом осиянный,
Многоэтажный, древний, деревянный,
Моя вторая родина – Тамбов.

Важное место в творчестве Евстафия Начаса занимает тема Великой Отечественной войны. Он родился за год

до её начала и по рассказам мамы знает, что семья жила в землянке, где «таилась сырая тишина»:

Землянка детства скрылась под травую,
Но мне она по-прежнему видна.
А мать моя состарилась вдовою,
И у меня, как иней, седина.

С сыновней любовью пишет Евстафий Начас о вдовах России, о выпавших на их долю страданиях. Но, несмотря ни на что, они растили детей, вместе со страной переносили военные и послевоенные тяготы. В «Балладе о вдове» поэт пишет о том, что «её печаль неизлечима», и, даже получив похоронку, вдова продолжала ждать любимого: «И рушниками украшала / Солдатский выцветший портрет».

Мысли о страданиях Отчизны не покидают поэта. Особенно остро он ощущает причастность ко всему, что происходило и происходит в стране, когда приходит на Соборную площадь к монументу Славы, где «На берёзе, высокой и белой, / Проступают мазки черноты, / Словно кто-то рукой неумелой / Наложил торопливо бинты». На этой священной площади Тамбова вспышками огня приходят воспоминания о военном детстве:

Я стою с обнажённой душою,
И цветы обжигают ладонь.
И, похожий на сердце большое,
Здесь пульсирует Вечный огонь.

Глубокими раздумьями о судьбе Родины, о смысле жизни наполнены стихи Евстафия Начаса. Читая их, чувствуешь, что автор – зрелый поэт и гражданин, осознающий своё предназначение, стремящийся передать поэтическим

словом всё, чем богат: красоту, доброту, восхищение человеком и природой, преданность и верность в любви и дружбе.

Творчество поэта отличают широта тематики, духовность, открытость души лирического героя, бережное отношение ко всему, что его окружает. Его стихи – это широкое поэтическое полотно, в центре которого Любовь – как спасение от всех бед и напастей:

А окоём пугает неизвестностью,
Мы на каком-то чёрном рубеже...
Лишь только ты своей святою нежностью
Мне помогаешь свет хранить в душе...

В этом ещё и ещё раз убеждаются читатели, знакомясь со стихами поэта. Светлыми чувствами светлого человека Евстафия Начаса наполнен один из последних его сборников – «Небесный знак», изданный в Тамбове в 2015 году. Читаешь книгу и думаешь: никакое другое название не подошло бы к ней, кроме этого – «Небесный знак»: это поэтическая исповедь, где каждая строка наполнена чувствами, возвышающими душу.

Валентина ДОРОЖКИНА,
член Союза писателей России

Евстафий НАЧАС

Победные поезда

Стихи

Плясовая

Он инвалидной машиной
гоняет утреннюю пыль,
и рядом с правой штаниной
лежит ореховый костыль.
Фронтовику несладко дома,
спешит на вахту, на завод.
Судьба солдатская знакома:
повестка, сбор, пехотный взвод,
шрапнель, студёные окопы
над Волгой, Доном и Невой.
Он – ветеран, он пол-Европы
прошёл с пехотой боевой.
Был артналёт... До медсанбата
дорога длилась, словно век.
А после – тыл, и нет солдата,
но остаётся человек.

С душою русской, нараспашку,
до жизни жадный, до трудов,
и если смерть дала промашку,
то будет жить до ста годов.
И будет петь на тонкой нотке,
а в День Победы за столом
сосед безногий рюмку водки
заест солёненьким грибом.
И вдруг костыль поставит к стенке
и, крикнув хрипло: «Шире круг!»,
пойдёт отламывать коленки
при помощи не ног, а рук.
Как крыльями, руками машет,
чтоб равновесье удержатъ,
чуть-чуть подпрыгивая, пляшет,
свою оказывая стать.
И голову задорно держит,
мол, я сейчас вам покажу:
ведь я такой же, как и прежде,
ведь я не прыгаю – пляшу!
Мы не глядим в глаза друг другу –
вот-вот споткнётся, упадёт.
А он с припрыжечкой по кругу
руками машет и поёт:
«Хорошо тому живётся,
у кого одна нога, –
много обуви не рвётся,
и портяночка одна...»
От этой песенки по коже
пойдёт ознобистый мороз.
и под конец никто не сможет
сдержать невыплаканных слёз.

Баллада о бузине

Отвоевалась, кончилась война,
и тишине исполнилось два года.
О как цвела в то лето бузина
среди осколков в тихих огородах!
Дурманный запах плавал у двора,
как облако без края и начала,
от запаха качалась детвора,
от запаха и голода качалась.
Но пугачи и тонкие свирели
из пустотелых веток бузины
немецкими штыками мастерили
в окопах обмелевших пацаны.
Не то что руки, пахли даже сны –
Такая в бузине таилась сила.
А осенью из ягод бузины
мы делали пахучие чернила.
О этот запах бузины!
Он был и есть повсюду с нами,
как эхо страшное войны,
разрывы мин под лемехами.
Нельзя ни спрятаться, ни деться –
он был и есть, как тишина...
Я каждый год встречаюсь с детством,
когда запахнет бузина.

* * *

Вновь ветром листва переветена,
но мы забываем листву.
На улице Оли Первеевой
не первую осень живу.

О Дон – скоротечная доля
и клёнов ажурная связь.
Радистка, разведчица Оля
все годы выходит на связь.
Подполье, сентябрь, Запорожье
и Днепр, опалённый войной,
и танки идут бездорожьем,
на Олин идут позывной.
Давно уже нету подполья,
не кровь – краснотал у Днепра,
но только подпольщица Оля
выходит на связь по утрам.
Она на посту на бессменном,
как все, что остались в боях.
Она на заданье бессмертном
в суровых ковыльных степях...
Потрескались губы от боли,
но только ни слова врагу...
В душе – позывные от Оли,
судьба перед нею в долгу.
Мы связаны все поимённо,
живые и те, что ушли
на подвиг под наши знамёна
во имя священной земли.
Вновь ветром листва переветрена,
пустынно, светло, как в саду.
По улице Оли Первеевой
я в горькую память иду.

* * *

Пойми меня, когда глаза наполнит
седая горечь – давняя беда,
я так живу, что всюду буду помнить
идущие из Чопа поезда.
Они под музыку трофейную летят,
мелькают кроны чёрные акаций,
а вдоль перронов женщины стоят,
что вдовами остались в девятнадцать.
Для них с войной не кончилась беда
спалённого разрушенного тыла –
по-прежнему пахуче лебеда
к обеду перед ними стыла.
Как по крестам, лупил обрез по рамам,
шрапнелью стёкла падали, звеня,
и, плача, прикрывала телом мама
от слёз похолодевшего меня.
И хлеба не хватало нам не раз,
но слёз и горя всем хватало вдоволь.
Но сберегли и вырастили нас
те женщины, которым имя – вдовы.
Пойми меня, когда глаза наполнит
седая горечь, давняя беда.
Я так живу, что всюду буду помнить
идущие из Чопа поезда.

Степная баллада

Среди корней заветренных и длинных,
Среди немой грунтовой тишины
На старых пашнях обнажались мины –
Молчащие свидетели войны.

Мы улыбались солнцу бесшабашно,
Плуг облепив гурьбой со всех сторон.
Но на волынской поседевшей пашне
я в детстве был войною опалён.
Не грозный танк, а трактор-работяга,
из тех, что надрываются везде,
за сто шагов от тихого оврага
споткнулся вдруг в глубокой борозде.
И покачнулось поле, и фонтаном
ударил в небо жаркий чернозём,
и тракторист зажал руками рану,
и почернело солнце над селом.
Нельзя забыть ту огненную вспышку,
Чем старше я, тем всё она заметней:
В тот горький день погиб совсем мальчишка –
мой первый друг, а может, и последний.

Победные поезда

Край пыльной дороги на Зборов
ржавел опрокинутый «тигр».
Мы здесь не вели разговоров
и громких мальчишеских игр.
Мы молча всегда проходили,
как помню сейчас, второпях.
Снаряды, что мы находили,
взрывались в ребячьих руках.
Окопам, что серой пропахли,
казалось, не будет конца,
в них стыли тяжёлые капли –
не дождика, нет, а свинца.
В незрелые души тревога,
наверно, вселиться б могла,

да только другая дорога
была у родного села.
Прогретые солнышком алым
в искристой песчаной пыли,
сосновые крепкие шпалы
блестящие рельсы несли.
Колёса – то громче, то глуше,
усы распушил паровоз.
На стенках военных теплушек –
летучие ветки берёз.
Плакаты – полосы заката –
летят над зелёной весной,
мы их провожаем, ребята,
рождённые перед войной.
Ведь это Победа смеялась,
сверкала медальным огнём –
Россия домой возвращалась,
спешила за солнечным днём.
Уж грохот колёсный растаял,
округа в вишнёвом дыму,
но то, что он щедро оставил,
я позже, как детство, пойму.
Я чувствую каждую клеткой
и вижу везде и всегда
в плакатах, берёзовых ветках
победные те поезда.

* * *

Над Ярчевцами тучи – гуще сажу,
но их разгонит бой на нашей станции.
И кто-то, плача, громко крикнет: «Наши!»
И этот крик в душе моей останется.

А я бойцов того не помню взвода,
но до сих пор их звёздочки мне светятся...
А было мне всего четыре года,
и до победы было девять месяцев.

* * *

В полях зола – войны полова,
металл горелый, лебеда...
Но привозила из Черткова
нам мама хлебушек всегда.
Светилась рыжая буханка
кусочком солнца на столе.
Дороже не было подарка
на той измученной земле.
О, вдовый хлеб, мы крошки малой
не уронили со стола.
И часто нам шептала мама:
«Вы ешьте, дети, я пошла...»
Не дождались мои два брата,
пока войну погонят вспять.
А мать в печи гремит ухватом,
она опять хлопочет, мать.
В глазах тревога, как когда-то,
в глазах – бессильная вина.
Но я-то знаю: виновата
во всём последняя война.

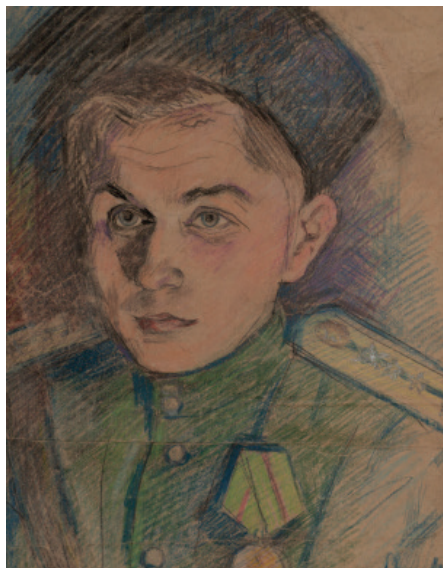

Ушаков Сергей Павлович (1925-1984)
"Песня солдатская."

Ушаков Сергей Павлович (1925-1984)
"Солдатский обед."

Якушев Б.С. (1916-1986)
Портрет офицера.

Платицин Аркадий Васильевич (1923-2013) перед, на Запад!

Платицин Аркадий Васильевич (1923-2013)
"....."Последние часы войны. "

Платицин Аркадий Васильевич (1923-2013)
Первые дни мира. Экскурсии.

""Ушаков Сергей Павлович (1925-1984) Солдат. "

Платицин Аркадий Васильевич (1923 - 2013)
""""""В предместьях Берлина. (Из серии «Весна 45»). "

Ушаков Сергей Павлович (1925-1984)
"*****Старшина роты В.И. Яковлев. "

Платицин Аркадий Васильевич (1923-2013) На привале.

Якушев Б.С. (1916-1986) Портрет военного.

Мишанин Анри Сергеевич (1924-2008)
"1941 год. (Из триптиха «Великая Отечественная война»)."

Валерий МАРКОВ

И был, как броня наш народ...

Стихи

Парад

Фашист – под Москвой... Непогода...
И каждый тогда был Солдат.
Парад сорок первого года,
Парад судьбоносного года,
Великой Победы парад.
Под марш легендарной «Славянки»,
Что за сердце крепко берёт,
Пехота шагала, и двигались танки,
И был, как броня, наш народ.
С гудящей кремлёвской брусчатки
Сыны шли на праведный бой.
Не будь их, кто шаг тот печатал,
И не было нас бы с тобой.
В учебниках – он, на экране,
В газетных столбцах, на устах:
Парад, когда были на грани...
Он – в наших с тобою сердцах.

Да, память о нём не поблекла,
Рождаются песня и стих:
Как Феникс, восстали из пепла,
Навечно оставшись в живых.
Мы знаем немало парадов,
Но этому честь воздаю,
Парад, что не ради парада,
А ради Победы в бою.
...Фашист – под Москвой... Непогода.
И каждый тогда был Солдат.
Парад сорок первого года,
Того судьбоносного года,
Великой Победы парад.

* * *

*«Дяденька, а вы были на войне?» –
спросил меня в канун Дня Победы
соседский мальчуган*

О, нет, я не был на войне...
Но почему ж в полночном сне
Война врывается ко мне? –
И взрывы бомб, и тяжкий стон,
Пальба и смерть со всех сторон...
Ответ на это – лишь один:
Из тех суровых я годин,
На генном уровне война
Вошла в меня, как в звук струна,
Как цвет волос, черты лица –
От матери и от отца...
Я – на войне, на самой страшной,
В бою жестоком, рукопашном:
Вот – окровавленный, в бинтах,
Бреду в бреду, на костылях...

Вот – за станком в тылу стою,
Чтоб не заснуть – махру курю.
И голодно, и мерзко мне:
Я – на войне, я – на войне.
Чтоб наши внуки и сыны,
Как явь, не ведали войны.
Я – на войне, я – против всех,
Кто нас винит в сраженьях тех...
Я – на войне: за мирный миг,
Я – на войне: за вечный мир.

* * *

Земля изранена войною:
Следы воронок, дзотов, рвов –
Под снегом, вешнею травую,
Под сенью вековых дубов.
Она, как воин, в рваных шрамах,
Осколков в ней миллионы тонн.
И кажется, что утром рано,
Её услышим тяжкий стон.
Она покоит прах убитых,
Их нам вовек не сосчитать...
Чтоб не сошла Земля с орбиты,
Не надо, люди, воевать.
Пусть колосятся рожь, пшеница,
И миром дышит каждый дом,
Улыбки освещают лица,
А вместо взрывов – майский гром.
У нас на всех – одна планета,
Как та Победа в той войне...
И вновь весна идёт по свету,
Как Память всем о той войне.

* * *

*Светлой памяти моего дяди –
младшего лейтенанта Маркова Виктора Емельяновича,
отдавшего свою жизнь в неполных двадцать лет
за освобождение Европы от коричневой чумы фашизма*

Ах, ты, Сабаш, Сабаш, Сабаш,*
Мне бы век тебя не знать...
Закипел тут бой не слабый –
Всех потерь не сосчитать.
Дни остались до Победы,
В честь неё ты назван был...
Миру рады дети, деды –
Ты погиб, но победил.
Победил твой взвод бедовый,
Век бойцам тут почивать.
Только матери и вдовы,
Пока живы, будут ждать.
Ах, ты, Сабаш, Сабаш, Сабаш,
Горе-эхо той войны...
Уж не плачется тем бабам,
И не снятся больше сны.

---

*Название населённого пункта в Венгрии

«На Берлин!», или Сон танкиста

*Тамбовским колхозникам –
инициаторам сбора средств на танковую колонну,
героическим танкистам и современным байкерам –
членам клуба «Ночные волки»
п о с в я щ а е т с я*

1.

В старинном городе Тамбове
Поставлен танк на пьедестал.
К нему относятся с любовью:
Он символом Победы стал.
...В почин включились всенародно,
Фашизм отчаянно кляня,
Порой холодной и голодной,–
И родилась гроза-колонна,
Та – легендарная броня.
Берлин брала «тридцатьчетвёрка».
Сражался храбро экипаж...
И знали мы со школы твёрдо:
Тот танк – родной, тамбовский, наш!
Цветы ложатся к монументу,
Бутоны роз, как ордена,
И не гадали до момента,
Что повторятся времена.
Нацизма признаки ожили,
О, как же память коротка!..
И те, с кем мы вчера дружили,
С другого смотрят бережка.
У них теперь – иные марши,
И цвет иной теперь знамён...
А как же слёзы, жертвы наши? –
Их миллионы – тех имён!..

2.

В канун Победы юбилея
Танк с постамента вдруг исчез.
Народ, фантазий не жалея,
Рядил-шутил: «Ну как он слез?...»
Да и зачем? Свежа покраска,
Совсем недавно обновлён...
Но к вечеру прошла огласка:
Танк мчит по трассе. Точно – он!
Да болтовня! Всё это – враки!
Нужна солярка... Нет – бензин!..
А между тем – грохочут траки,
И надпись мелом: «На Берлин!»
Несётся песня «Три танкиста»,
И в танке – три фронтовика,
Три – закадычнейших дружка:
«Напомним же неофашистам
Про рейд Гвардейского полка...»
Меж тем, полиция стремится
Танк обнаружить и догнать...
Но – зря... Он, как в атаку, мчится,
Чтоб отстоять Отчизну-мать
И прочный мир народам дать...
Вновь осыпают танк цветами,
История как будто вспять...
Меж сёлами и городами
Он проложил свой путь опять.
«Спасибо русским за Победу!» –
Кричали все, все, как один,
Кричали дети, жёны, деды –
Вот так и въехали в Берлин.
Объяття были крепки, жарки:

Героев как не обнимать!?.
И побывали в Трептов-парке:
Ну, как им здесь не побывать!
Они не испытали страха,
А словно сбросили года...
И убедились, как тогда:
Фашизм разбит, и после краха
Он не воспрянет никогда.
И до Тамбова – путь обратный
(И вновь танкистам каждый рад!)
Дорогой мирною и ратной –
Ко Дню Победы аккуратно.

3.

...Могучий танк – на пьедестале,
С родным пейзажем – в унисон.
Заснул танкист. Среди ночи встал он:
Как будто явь – такой вот сон.
Но оказался сон – не в руку:
На белом свете он – один,
Похоронил танкиста-друга,
Жену – любимую подругу:
И не с кем мчаться на Берлин.
Мне возражат: финал сей байки
Навеет грусть и пессимизм...
Пусть будет внук у деда – байкер,
И не пройдёт тогда фашизм.
Пусть будет внук... И пусть он – байкер.
И пусть с друзьями – не один:
И реет надпись – «На Берлин!»
Такой финал устроит байки?
И если – да, то – «На Берлин!»

И мчатся в ночь «ночные волки»,
И майский ветер рвётся в грудь...
Их путь – до Шпрее и от Волги:
Знакомый путь – победный путь.

* * *

Три поля у России есть,
Где слава ратная и честь.
То – Куликово поле,
Геройская где доля:
Сражаясь, – победить
И вечно чтобы жить
В святой молве людской,
Как Дмитрий князь Донской...
А славный тот редут,
Шевардинским зовут,
При Бородинском поле...
Пусть изучают в школе,
Сраженье то воспел Поэт,
В сердцах оставив яркий след.
Истории урок
Врагу мы дали впрок
На Прохоровском поле;
О том мы помним бое,
Где крепче крепкой стали
К Победе воля стала...
Три поля у России есть,
Где слава ратная и честь.
Их, как святыни, чтут.
Сегодня тихо тут,
Лишь колокольный звон,
Как раненого стон,

И времени река,
И память на века.
Три ратных поля...
Таких не знаю боле,
Чтоб в сердце столько боли.
Три поля у России есть,
Где слава русская и честь.
А ратных всех полей не счесть:
Пусть помнит мир об этом весь.

«Он преподавал мне уроки мудрости»

Биографический очерк о Владимире Селивёрстове

Из жизни

Владимир Иванович Селивёрстов, неся груз образованности, унаследованной от своих родителей, Ивана Ивановича и Ираиды Ивановны, химиков, учившихся в Ленинграде, понимал, чувствовал, что создан для чего-то большего, незыблемого и бескрайнего, как океан, космос или искусство. Достигнув профессиональных успехов в органах внутренних дел, думаю, что осознанное, подлинное счастье он обрёл через литературу; оно вырвалось и заполонило всю его жизнь, все её маленькие уголки и капилляры. Счастье творчества, которым мы спасаемся, которое манит, обманывает и выбирает по неведомым законам именно тех людей, кто не подпадает ни под какие критерии и шаблоны.

Как и многие русские люди, Владимир Иванович Селивёрстов не просто жил, работал и писал, а выживал (духовно, эмоционально и интеллектуально) и запойно писал – до тошноты и страха от мысли о соприкосновении с вечностью. Откровения его творчества порой доходят до исповеди. Вообще жизнь В. И. Селивёрстова очень насыщена и разнообразна. Он не может спокойно наслаждаться этой жизнью, ему всегда необходимо разгадывать её смыслы, любить, бежать, творить, постигать, писать, писать, писать... Отсюда и его творчество, которое настолько разнообразно, что иногда меня бросает в дрожь: «Я знаю человека, который написал эти произведения!», – произношу про себя. Читаю – и меня бушуют мысли, мне хочется

пойти, рассказать, даже кричать, но через несколько секунд мысли возвращаются на обычный ход жизни, и мы здороваемся с утра, как будто ничего не произошло, смеёмся над литературными достижениями, пьём чай, обсуждаем новости, неся в головах счастье жизни, высвобождая его порой и даря любому собеседнику. Селивёрстов научил меня радоваться жизни и преподавал мне уроки мудрости.

Помнится, однажды, примерно в десять лет, я позвонил своему дедушке Владимиру Ивановичу и прочитал стихотворение про любовь, он сказал мне тогда: «Если хочешь писать о любви, не произноси и не пиши это слово». Эти когда-то нелогичные для меня слова я пронёс в своем сознании через всю взрослую жизнь и, надеюсь, чему-то научился.

Наброски о творчестве

Владимир Иванович пишет уже более 25 лет, но я думаю, что чувство творчества всегда было органично его пронизательному и нестандартному уму. Читая его произведения, понимаешь, что это философия нашей жизни: там то, что было вчера, там то, что есть сегодня, а значит, то, что будет. Думаю, именно его философское дарование позволит поднять над временем его произведения, которые, как корабли, поплывут к солнцу вечной жизни – к будущему. Они будут наполнены сегодняшним днём или, наоборот, XIX веком. Одна из первых книг, как принято говорить, ставших его визитной карточкой – «Многоликий Высоцкий», – поразила читателей именно своей глубиной философского осмысления жизни, не только гения Высоцкого, но и многоликости времени и человека. В. И. Селивёрстов уже с первых страниц своего произведения наталкивает читателя на мысль, что он читает книгу-океан и, погрузившись в неё, – безвозвратно утонет. Если попытаться найти альтернативу

распространённому штампу «данная книга не оставила никого равнодушным», можно сказать: «Данная книга никого не оставила в покое», – так как в её подтексте находятся глубинные мыслительные процессы, свойственные русскому человеку: это гибель надежд, отчаяние, пороки и светлая гениальность в чёрном плаще, и любовь, совершенно разная, в сотнях оттенков и состояний, и жажда жизни, пределы гениальности и её смыслы. Позволю себе процитировать известный многим философский отрывок из этой книги.

«Всё человечество делится на три неравные части. Живущие (меньшинство), умершие (большинство) и творцы (единицы). Только третьим дано существовать вне времени и пространства. Загляните вниз, в глубь веков, пошарьте в памяти».

Казалось бы, философия в прозе должна быть сделана «хорошо» или «очень хорошо», в противном случае автор балансирует на грани банальности и штампов. В этой же фразе есть оригинальность и классическая мудрость. Я мало у кого встречал такое деление человечества: в ней безмерная историческая глубина, совмещённая с трагедией всего живого. Правдивость этой фразы иногда не укладывалась у меня в голове (как можно назвать все живущее человечество меньшинством!), но это действительно так. Да, все мы – меньшинство. Единицы – творцы, которые тоже обречены на смерть без почитателей их таланта.

Вся проза В. И. Селивёрстова пронизана этим фундаментальным смелым философским контекстом, который в упрощённом варианте мы представляем себе в вопросах «жизнь и смерть», «любовь и счастье», «время и безвременье», «добро и зло». В прозе же Владимира Ивановича они представляются в тысячах оттенков того и другого живущих, развивающихся и взаимодействующих людей, которых он описывает. Они живые в его произведениях, удовлетворяющие

свои пороки ежечасно и кающиеся материально и духовно ежеминутно, проклинаящие, обманывающие, ликующие и милующие. Только воистину талантливый человек может оживить текст в нашем сознании. Писателю это удаётся, и я бы даже сказал – с пол-оборота! Однажды Семён Александрович Золотухин сказал: «Владимир Иванович – христианский писатель», – я промолчал, а сейчас думаю: это корни, социокоды, передающиеся в поколениях и порой живущие на подсознательном уровне, отражающиеся между строк в нашем творчестве, потому что сознание выбрасывает нечто большее, что мы можем увидеть, – культуру.

Всё вышесказанное относится и к его действительно удивительной серии «Тамбовских детективов», требующих дополнительного переосмысления и переиздания. На первый взгляд, они представляются развлекательным чтивом с элементами закрученности сюжета. Всё это – до первой прочтённой страницы, которая уносит порой в тяжелейшие психологические ситуации с тысячами вариаций раскрытия характеров и, естественно, социальной и философской, предельно откровенной мыслью самого автора, действующего в этих детективах, как во снах, которые были реальностью, ранимого духовными и материальными обстоятельствами и познающего самого себя. Эти строчки не оставляют нам надежды на лёгкий и посредственный вымысел, растворяющийся в голове в течение получаса после прочтения. Это очень умные и высоко психологические произведения. Вообще мне иногда представляется проза В. И. Селивёрстова светлой трагедией всех действующих лиц в любом времени, так как они движутся, кто быстрее, кто медленнее, живя честно, страстно, подло, жульнически, жадно, светло, радостно, угрюмо..., но не идеализированно искусственно, а квинтэссенцией духа и плоти, как это и есть в жизни. Это и есть светлая

трагедия существования человека: светлая, так как у нас есть жизнь, трагедия, позволю себе не договорить здесь..., и только творцам даётся право существовать вне времени. Не зря Александр Акулинин в 2005 году, издав целую «Расказ-газету», посвящённую юбилею (60-летию) Владимира Ивановича, писал: *«На нынешнее время он (В. И. Селивёрстов) признан одним из лучших прозаиков, пишущих в криминальном жанре».*

Отдельно мне бы хотелось сказать об исторической прозе Владимира Ивановича, которая требует основательного и более предметного повествования. Но всё же не могу не сказать об одной из ключевых, по моему мнению, книг в творчестве В. И. Селивёрстова: романе «Гибель тамбовского триумvirата». Здесь он предстаёт не просто мастером исторической художественной прозы, ему тесно в исторических рамках и жизненной обыденности героев, он завораживает, обескураживает, талантливо педалирует, заставляя не просто жить с героями, но и страдать вместе с ними ощущая нутро прошедшего времени. Динамика повествования выражена в сочных названиях глав, которые образны и просты, и незаурядны в то же время («Награды и почести», «Тамбов – дядя», «Слабость и покаяние», «Осень революции», «Тщетное предостережение», «Думцы-умцы», «Белый адвокат» и др.). Содержание их оправдывает эти названия, создавая гармонию произведения. Чего стоят одни диалоги, в которых часто искрит сатира жизни:

«– Что ни говорите, а Георгий Николаевич прирождённый адвокат. А главное, с редким качеством для присяжных – порядочностью и честностью. Да, если уж говорить откровенно, то что такое, в сущности, эти самые адвокаты? Купленная совесть! Плати деньги и он тебе даже и чёрного кобеля отмоев добела, а из чёрта ангела сотворит...».

Аккуратно и органично вплетая в ткань художественного повествования исторические факты и документы, он высвечивает подлинный скелет всего произведения – это ещё одна, среди бесчисленных, трагедия, гибель высокопоставленных лиц (Владимир Фёдорович Фон дер Лауниц, Николай Евгеньевич Богданович, Гавриил Николаевич Луженевский), убитых террористами в период 1905-1906 гг.

Я говорю «спасибо» Владимиру Ивановичу не как внук, а как его читатель.

К сожалению, в моём очерке невозможно уложить весь творческий багаж Селивёрстова, он просто огромен и кружит мою молодую голову. В его творчестве я словно маленький кораблик в океане, не освоивший и малой части акватории, здесь хватит места всем. В этой связи прошу меня извинить, что пришлось так кратко, а порой и поверхностно говорить о творчестве столь интересного автора. Хотелось бы отдельно написать про двухтомник Державина, и про роман о Боборыкине, про целый исторический цикл... Отдельного осмысления заслуживают его оригинальные, мастерски сделанные короткие вещи – рассказы, которых достаточно много, и они могли бы составить отдельную книгу.

Вообще творчество Селивёрстова очень богато: это и детективы, и рассказы, и повести и романы. Помню, он мне как-то читал стихотворения собственного сочинения... Но это уже совсем секретная информация. Каждое произведение многогранно и интересно, о них можно и должно говорить, но лучше – прочитать. Не зря Валентина Тихоновна Дорожкина называла его на презентациях литературным генералом, я же буду более скромн, но, думаю, не менее обстоятелен, если назову корифеем.

Несколько слов о созидании творчества

В настоящее время Владимир Иванович со своей супругой Аллой Владимировной уже более 10 лет проводят у

себя на даче «Трегуляевские среды». Во многом благодаря чуткому и очень умному организатору Алле Владимировне на протяжении этого времени у них побывало большое количество творческих людей: не только прозаиков или поэтов, но и художников, скульпторов, музыкантов, певцов и представителей других направлений искусства. Я не смогу сказать лучше самого Селивёрстова, так что привожу небольшую вырезку из первого альманаха «Трегуляевских сред» (которых издано уже пять): *«Во вторую среду каждого месяца собираются единомышленники, любители прозы, поэзии, песни, любого иного творчества. Но «Трегуляевские среды» - это не только день недели, это среда обитания людей, не могущих жить без творчества, неважно - создавать или наслаждаться. Вот уже много лет собираются в этом доме, что на обложке, люди самых разных возрастов и профессий».*

Также хочу сказать, что Владимир Иванович, являясь адвокатом, выступает духовным охранителем и творческим наставником всех адвокатов, работающих в адвокатском бюро «Селивёрстов и партнёры», которое с полной уверенностью можно назвать литературным феноменом, так как адвокаты, работающие там, пишут и часто собираются для обсуждения литературных произведений. Думаю, адвокаты-писатели Семён Александрович Золотухин и Эдуард Викторович Емельянов присоединятся ко всему сказанному и не дадут мне соврать, а при необходимости могут выступить в качестве защитников. Действительно, где бы ни находился Владимир Иванович Селивёрстов, он дарит позитивный заряд и энергию, всегда готов поддержать в сложные периоды, что для людей творческих особенно важно.

Владимир САМОРОДОВ,
член Литактива областной писательской организации

Владимир СЕЛИВЁРСТОВ

Тамбовцы – герои Отечественной войны 1812 года

Исторические заметки

Генерал-лейтенант Сазонов Иван Терентьевич

Происходил из потомственных дворян Тамбовской губернии, восходящих к середине 17 века. По грамоте Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича Бориса Сазонова за многую (в 1654-1662 годах) службу пожаловали земельными наделами. Родовое имение располагалось в селе Малая Талинка Тамбовского уезда. Родился в 1757 году. В октябре 1770 года в тринадцать лет поступил в Орловский пехотный полк рядовым и через несколько дней произведён в сержанты, а в январе 1772 года – в подпоручики. Участвовал с полком в 1773 и 1774 годах в Крымском походе – первая его война – Турецкая, а в 1777-78 гг. в походах за Кубань – вторая – на Северном Кавказе. По возвращении произведён в апреле 1778 года в поручики с переводом в Ладожский пехотный полк, а в октябре 1782 года переведён в лейб-гренадёрский, бывший первый гренадёрский, получивший звание «лейб» за подвиги с Румянцевым при Кагуле, и через год произведён по линии в капитаны. В декабре 1788 года

произведён в секунд-майоры и в том же году перешёл с полком в Финляндию. Оставаясь в Выборге и Вильманстранде, не принимал участия в третьей своей, шведской, войне до мая 1788 года, когда с полком выступил к Христине в корпусе генерал-поручика Михельсона, имевшего первое дело со шведами у переправы Парасальма в шести верстах от С. Михеля, где лейб-гренадёрский полк отличился. Донося о действиях полка, Михельсон, называя отличившихся офицеров, особенно рекомендовал «командира батальона секунд-майора Сазонова.

8 июня Сазонов в строю лейб-гренадёр штурмует со своим батальоном Парасальми, а затем и С. Михель. Командовавший войсками в Финляндии генерал-аншеф граф Мусин-Пушкин, донося о блистательных действиях лейб-гренадёр, отразивших шведов, атаковавших егерей, прибавляет: «...быстрым своим движением полк этот привёл в смятение правый укреплённый неприятельский фланг» и вторично обращает особое внимание на секунд-майора Сазонова.

Это донесение вместе с отбитыми знамёнами и штандартом отправлено в Петербург к императрице Екатерине с секунд-майором Сазоновым, как «неустрасимо храбрым и отличным офицером». Императрица лично поздравила Сазонова премьер-майором на 32-м году жизни и 19-м – службы. Зимой 1789 и 1790 годов Сазонов провёл с полком в Вильманстранде, а с 24 апреля участвовал с полком во взятии генерал-майором Денисовым деревни Тайколы, в преследовании шведов до деревни Варенды и на переправе через Кюмень, а по заключению Варельского мира, 8 сентября 1790 года произведён в подполковники. В 1790 году и по кончине Императрицы стоял с полком в Петербурге. В короткое царствование Павла в 1787 году произведён в полковники, а 28 января 1798 года отставлен от службы вовсе «на собственное пропитание».

Энергическая его натура не терпела безделья. Начал заниматься благоустройством имения. Старое деревянное здание храма в селе Малая Талинка он передаёт в село Калаис, а на том же месте строит новую каменную церковь во имя Покрова Святой Богородицы.

Затеялся с межеванием да до конца не довёл, в бумагах сам чёрт ногу сломит. Приказные и те за ухом чешут. В окладной книге новоселебных сёл Танбова и Козлова городов нынешнего 1702 года записано: Часовня Покрова в Танбовском уезде бывшего епископа Танбовского дому вотчина села Богородицкого, Малая Таленка тож... У тое часовни двор попа Ильи, да двор дьячка Павла Кузьмина. Да в приходе к той часовни приходских людей, того села жителей: два двора государственных, а в них конюхи и сторожа, двор приезжий бывшего приказного человека, двадцать три двора крестьянских, два двора бобыльских, два двора земских... К сему села Богородицкого поп Илья руку приложил 1706 год...

Написал полковник в Московский архив и стал ждать... Возле храма некрополь фамильный уже почти век как усопших предков хранит. Уж какое ещё доказательство сильнее требуется, чем камни могильные?

С воцарением Александра Первого 14 октября 1801 года гражданская жизнь окончилась, он вновь принят на службу с получением старшинства и назначением шефом Тамбовского гарнизонного батальона, а 11 февраля 1803 года произведён в генерал-майоры с назначением шефом невского мушкетёрского полка, вошедшего в 1806 году в состав первой дивизии и в конце года направленного на западную границу служить резервом действующей в Восточной Пруссии нашей армии; на пути за блестящее состояние полка на высочайшем смотре награждён орденом Владимира третьей степени.

Будучи временно комендантом г. Вильны, после Тильзитского мира направился с полком обратно в Финляндию, где назначен бригадиром бригады 21 дивизии и награждён орденом Анны первой степени; в 1808 году с двумя батальонами своего полка оставлен в Або, с ними же в июне блистательно отразил при деревне Лемо высадку десанта шведского генерала Фегезака, за что объявлено Высочайшее благоволение и дано 1000 десятин в Тамбовской губернии, а 5-го и 6-го сентября при Лаколаксе высадку генерала Латнигсгаузена и 16-го – у Химоиса. В конце февраля 1809 года обоими батальонами назначен в корпус генерала Багратиона, получившего приказ овладеть Аландскими островами. По льду двигаются пятью колоннами, третьей командует Сазонов. Проведя прекрасно колонну в сутки по ледяной пустыне, по занятии островов 8 марта, идёт обратно и 13-го возвращается в Або, получив за труды арендное имение на 12 лет в Гродненской губернии. В 1809 году, при движении корпуса князя Голицына в Галиции против Австрии Сазонову вверяется резервный корпус, расположенный у Слонима. В 1810 году 14 января он назначается начальником 14 пехотной дивизии 1 корпуса Витгенштейна, расположенной в Риге. В 1811 году ему высочайше ещё жалуются 932 десятины леса тоже в Тамбовской губернии.

С открытием компании 1812 года Сазонов со своей дивизией в составе корпуса располагается в июне у Кейдан Ковенской губернии, совершая общее отступление за Двину. Имея расположение у Покаевцев, начинает наступательные операции, причём ему вверяется 8000 резерва. В сражении под Полоцком 5-6 августа командует второй линией корпуса Витгенштейна в составе девяти батальонов, почти всей кавалерии и 40 орудий и по ходу боя своевременно поддерживает этими войсками первую линию. Отличается и при трёхдневном бое при Клястицах, в деле при Погорище на берегу реки Свольны.

При обратном же захвате Витгенштейном Полоцка командует боевой линией в колонне князя Яшвиля и 6-го октября своевременно выручает с тремя полками атакованный двумя французскими бригадами авангард Властова, отбив нападение, он заставил третий Кроатский полк положить оружие. 6-го вечером ворвался первым с дружиной Николаева в Полоцк. После его занятия Витгенштейн высылает его с 10000 спешно соединиться с финляндским корпусом графа Штейнгеля, оттеснённого Сен-Сиром и вынужденного отойти обратно на правый берег Двины. 11 октября Сазонов это успешно выполняет и затем с графом Штейнгелем поспевает нанести отдельное поражение Баварской дивизии Бреде у Глубокого, после чего оба присоединяются к Витгенштейну у Лепеля.

В сражении 19 октября у Чашников Сазонов командует боевой линией правого корпуса графа Штейнгеля, с которой и совершает охват левого фланга французов, что решает участь сражения, за которое он награждается золотой с алмазами саблей «за храбрость».

21 октября с Иваном Терентьевичем приключается внезапный приступ болезни. Он вынужден уехать в отпуск и уже навсегда расстаётся с полевой службой. В 1814 году отчисляется по армии.

Кавалер орденов Святого Георгия 4 класса, Святой Анны 1 степени и Святого Владимира 2 степени. В своём тамбовском поместье проживёт до 9 мая 1823 года и умрёт в возрасте 66 лет в своём имении Малая Талинка.

Продовольственный поезд из пятидесяти пяти нагруженных телег добрался по осеннему бездорожью до расположения 14-й пехотной дивизии только 25 октября, когда лёгкий возок подвозил больного генерала Сазонова к Смоленску. Доктора строжайше запретили ему двигаться, боясь апоплексического удара.

В 1823 году заслуженный русский воин почил в бозе. Над могилой стояли его боевые соратники, бывшие подчинённые по его дивизии командиры 1-й бригады полковник В. И. Гарпе, Тенгшинского пехотного полка майор Ф. Х. Белигсгаузен, Навагинского пехотного полка майор Винтер, 2-й бригады генерал-майор Б.Б. Гельфрейх, Тульского пехотного полка полковник А. Я. Паттон, Эстляндского пехотного полка подполковник К. Г. Ульрих, 3-й бригады полковник С. В. Денисьев, 25-го егерского полка майор М. М. Ветошкин, 26-го егерского полка полковник Л. О. Рот.

Генерал-майор Воейков Алексей Васильевич
(1778-1825)

Родился 9 декабря 1778 года в Санкт-Петербурге. Из Орловских дворян. Отец-офицер и в семье поддерживал строгую дисциплину. Окончил в 1793 году с отличием Московский университетский пансион. Его имя было записано на мраморной доске этого учебного заведения. Действительную военную службу начал проходить с 1797 года ординарцем у Суворова А. В. В русско-турецкой войне 1806 года сражался под водительством Михельсона, в кампаниях с наполеоновской Францией 1806-07 годов. 22 сентября 1809 года, будучи подполковником лейб-Гренадёрского полка и адъютантом генерала М. Б. Барклая де Толли, переведён за отличие тем же чином в лейб-гвардии Преображенский полк с оставлением в прежней должности. Отличился в русско-шведскую войну 1808-09, при переходе через залив Кваркен зимой 1809 года. Успешно провёл переговоры со шведами. Назначение Барклая де Толли военным министром 18 января 1810 года дало новый толчок карьере Воейкова. С 1 января после подписания Фридрихсгальского мира 1810 года он - полковник, с 29 сентября 1810 года - флигель-адъютант, становится директором особой канцелярии военного

министра, фактически руководителем военной разведки. В марте 1811 года также назначается редактором комиссии по составлению воинских уставов и Уложения. В том же году царь посылает его в Молдавию к главнокомандующему графу Каменскому.

Фельдмаршал обладал крутым нравом, но добрым сердцем.

– Зачем прибыл, полковник? Ещё один штабной шелкопёр?

Воейков ответил откровенно и напористо.

– Имею поручение Его императорского величества каждодневно с егерем сообщать о здоровье Вашего высокопревосходительства. Император озабочен вашим самочувствием, от которого зависит судьба России.

– Так уж и России, – проворчал, как проскворчал, полководец-великан.

– Ты что же и в сортир со мной ходить будешь?

– Слава Богу, с этим делом вы пока и сами справляетесь.

– Ха-ха-ха. Вот уж уморил. Молодец.

– Император желает вам скорейшего поправления и поручил сообщить, чтобы вы готовились к должности главнокомандующего Волынской армией.

Из-за близости к М. М. Сперанскому, после ссылки последнего по указанию императора переведён из министерства и 19 марта 1812 года назначен командиром третьей бригады (49 и 50 егерские полки) 27-й пехотной дивизии Неверовского. В компании 1812 года сражался под Красным, Смоленском, Шевардином. 24 августа, накануне Бородина, его бригада, защищая Шевардинский редут, куда Наполеон направил основной удар, приняла на себя натиск передового отряда французов. Бой разгорелся в самом селе Бородино и соседнем большом селе Красное. Отбиты уже

три атаки. В Бородинском сражении его бригада находилась в составе передового отряда левого фланга и располагалась в лесу между деревнями Утица и Семёновское. За отличие при Бородине 21 ноября 1812 года награждён чином генерал-майора. Затем участвовал в боях под Тарутином, Малоярославцем и Красным. В компании 1813 года ранен в боях, пуля пронзила руку навывлет. Уйдя в отставку в возрасте 37 лет, проживал со своим семейством в селе Рассказово. Похоронен в Трегуляевском Предтеченском монастыре под Тамбовом. Награды: Святого Владимира 4-й степени с бантом, Святой Анны Второй степени с алмазами, Прусский орден Красного орла 2-й степени. Святого Иоанна Иерусалимского. Золотая шпага «За храбрость с алмазами».

Женой его стала нежно любимая дочь знаменитого архитектора, поэта, художника и учёного Н. А. Львова – Вера Николаевна. Детство её прошло в доме Державина Г. Р., её дяди по матери. В 1815 году Воейковы покупают большое поместье с землёй в Ольшанке Тамбовской губернии, рядом с селом Старая Ольшанка Верхне-Шибряйской волости Борисоглебского уезда. В его собственности кирпичный завод и большая кузница. Один из основателей русской военной разведки, окунувшись с головой в сельские заботы, неожиданно стал писать стихи. Жена объясняла, что вдохновение к нему, человеку, с одной стороны, суровому, но с другой – восприимчивому ко всему прекрасному, пришло через восхищение природой Тамбовского края. Дети Воейковых росли образованными и высококультурными людьми. Младшая Маша обладала талантом художника, но в то время женщин в Академию художеств не принимали, Маша брала частные уроки живописи у академика пейзажиста и портретиста Константина Молдавского. Усадьба потомственных дворян Воейковых Ольшанка лежит в 18 километрах от города Уварово. Куплено оно было у помещика Кретова. Алексей Ва-

сильевич прожил тут последние 10 лет своей жизни.

Богатый растительностью парк скрывал три обширных пруда с резвящейся рыбой. Водоёмы обнесены земляным валом, дно выслано кирпичом с собственного завода. Барский дворец насчитывал около 90 комнат. У гостеприимных хозяев они почти не пустовали. Вокруг большой поляны, где стоял дом, росли в изобилии дубы, липы, берёзы, сосны. Исчезнувшее жилище осталось только на полотне великого живописца Василия Поленова «Старый дом».

Воейковы обстоятельно занимались коневодством, по границам парка располагались пять конюшен. Возделывались 200 десятин земли, постоянно ширился овчарный завод. После смерти Алексея Васильевича всё имущество перешло в руки Веры Николаевны.

В 1843 году Вера Николаевна отмечала две даты – замужество дочери Маши и 65-летие покойного супруга. Отметила она их закладкой нового храма. Устроен он был на взгорье в окружении парковой зелени и представлял массивный шестигранник на приподнятом подвале в двумя симметричными башнями-колокольнями. Главная часть в виде огромного куба завершалась широким куполом на высоком барабане. Световые окна собраны из рам-решёток, причём стёкла были вставлены разноцветные, как и во многих других храмах Тамбовской губернии. С юга и севера к храму примыкали башни-колокольни с шатровым завершением. В декоративном оформлении храма использовалось более 15 форм лекальных кирпичей.

Организатор русской военной разведки упокоился на погосте Трегуляевского Иоанно-Предтеченского монастыря, основанного на келейные епископа Питирима в нескольких верстах от Тамбова у речушки Трегуляевский Ржавец. Первый монастырский храм был выстроен из соснового бруса в 1691 году и освящён Питиримом во имя Иоанна Предтечи.

Сильнейший пожар 1717 года полностью уничтожил весь монастырь, но уже к 1720 году он восстанавливается на добротные пожертвования жителей Тамбова. На месте сгоревшей появляется новая двухэтажная Предтеченско-Введенская церковь. В 1791 году деревянное строительство в монастыре уступает каменному. Первым появляется флигель длиной в 23 сажени, потом другой для братских келий. Монастырь обносится каменной стеной. Епископ Феофил заложил первый камень в основание главной монастырской церкви во имя Рождества Предтечи. Губернатор любил приезжать в обитель. Само место, чистый сахарный песок под ногами, воздух, насыщенный сосновым и дубовым лекарством, очищал и исцелял душу и тело.

Осенью 1811 года по случаю получения Трегуляевским монастырём статуса третьего класса Нилов с Феофилом приехали в обитель. Взору начальника губернии предстала только законченная многоярусная колокольня.

– Владыка, а ведь в точности копия Успенской церкви Саровской, как так?

– Ну, у вас, Пётр Андреевич и глаз! Враз в точку попали. Стройкой-то заведовал Нафанаил из Сарова.

– Откуда столь значительные средства изысканы? Ни разу ведь за помощью не обратились.

– Монашествующая братия тут подобралась работающая и рачительная. Существуют и строят на проценты от работ всяких. За всё берутся. Огородничество, садоводство обширное, пчеловодство, ремёсла разные – плотницкое и кузнечное, строевым лесом торгуют, вы же соизволили позволить пятьдесят десятин порубки. По вековой липовой алее навстречу им шёл дворянин Н. П. Архаров – богатый человек, по существу, собственник громадного села Рассказово.

– Вот, господа вершители судеб людских, приехал на «Неопалимую купину» помолиться, что-то недомогать стал,

то так скрутит, что свет не мил. Недаром же вот сколько паломников со всей Руси святой сюда и едут и ползут.

Молитвы Архарову помогут ненадолго. В 1814 году он упокоится тут же на монастырском кладбище, как пожелает при жизни.

**Генерал-майор
Дятков Степан Васильевич
(1759 – после 1818)**

Происходил из тамбовских дворян. На военной службе с 1776 года. Участник русско-турецкой войны 1787-1791 годов. В Отечественной войне сражался под Смоленском, Бородино, дважды ранен, участвовал в битвах под Дрезденом, Лейпцигом. Награды: Святого Владимира 4 степени, Анны 1 и 2 степени, Георгия 4 степени.

**Генерал от инфантерии
Кайсаров Паисий Сергеевич
(1783 – 1844)**

Из дворян Тамбовской губернии. Адъютант М. И. Кутузова в 1811-1812 годах. Правитель канцелярии Кутузова М. И. В 1811 году произведён в полковники. В компанию 1812 года состоял при штабе Кутузова М. И. дежурным генералом сначала в петербургском ополчении, затем в Главной армии. В 1813 году произведён в генерал-майоры. В 1814 году взял штурмом г. Мелен во Франции, тем самым перекрыв путь наступления императора Наполеона на Париж.

Награды: российские ордена Святого Георгия 3 класса, Святого Владимира 1 степени, Святого Александра Невского, Святой Анны 1 степени, 3 степени, Прусский орден Красного орла 2 степени, Шведский орден Меча, Баварский военный орден Максимилиана Иосифа, золотая шпага «за храбрость» с алмазами.

**Генерал-майор
Мерлин Павел Иванович
(1769 – 1841)**

Происходил из тамбовских дворян. Участник войны со Швецией 1788-90 годов 1808-09 годов. В 1812 году командовал второй резервной артиллерийской бригадой. Участник многих сражений, в том числе, при Смоленске, Бородино, Тарутино, Малоярославце, Вязьме, Красном, в заграничных походах 1813-15 годах. Награды: орден Георгия 3 и 4 степени, Владимира 3 степени, Анны 1 степени.

**Генерал-майор
Назимов Фёдор Викторович
(1764 – 1727)**

Из дворян Тамбовской губернии. Отличился во время русско-шведской войны 1788-90 годов За что награждён чином секунд-майора. В начале 1812 года состоял в 15 пехотной дивизии в корпусе генерала Е.И. Маркова В начале войны возглавлял всю дивизию. Отличился в сражении при Городенче, участвовал в заграничных походах 1813-14 годов. С 1816 года киевский губернатор. Награды: российские ордена Святого Георгия 4 класса, Святой Анны 2 степени, Святого Владимира 3 степени. Генерал-адъютант.

**Генерал-лейтенант
Потёмкин Яков Алексеевич
(1781 – 1831)**

Из дворян Тамбовской губернии. Сын егермейстера императорского двора генерал-майора А. Я. Потёмкина. На службе с 1794 года. В компании 1812 года первоначально командовал арьергардом 2 пехотного корпуса, отличился под Витебском, произведён в генерал-майоры. Сражался под Бородино, Смоленском, Можайском, Тарутином. С декабря

1812 года командир Семёновского полка. В 1813 году участвовал в сражениях при Лютцене, Баутцене, отличился при Кульме. Участвовал в походе во Франции в 1814 году. За отличие при взятии Парижа пожалован в генерал-адъютанты. Награды: российские ордена Святого Владимира 1 степени, Святого Александра Невского с алмазами, Святой Анны 1 степени с алмазами, прусские ордена, австрийский военный орден Марии Терезии, крест за Кульм, золотая шпага «за храбрость» с алмазами.

Генерал-майор Падейский Фёдор Фёдорович
(1759 – 1829)

Из дворян Борисоглебского уезда Тамбовской губернии. В войне 1812 года находился в составе 3-й армии. Участник боёв под Кобрином, Борисовым, в заграничных походах 1813-14 годов. Комендант крепостей Торн (1813-15), Динабург (1815-26). Награды: Георгиевские кресты 3 и 4 степени, золотая шпага.

Генерал-майор Патулов Павел Васильевич

Из дворян Моршанского уезда Тамбовской губернии. Начал службу в 1775 году рядовым Семёновского полка. Отличился во время войны с Турцией. Был тяжело ранен. Во время войны 1812 года один из организаторов Московского ополчения. Во главе полка ополчения участвовал в сражениях при Бородине, Тарутине, Малоярославце, Вязьме. В 1814 году вышел в отставку. Награды: Георгиевский крест 4 степени, ордена Святого Владимира 3 и 4 степени, золотая шпага.

Генерал-майор Трескин Михаил Львович
(1765 – 1839)

Из дворян Кирсановского уезда Тамбовской губернии. 15 марта 1783 года поступил каптенармусом в

лейб-гвардии Преображенский полк. 14 октября 1784 года перешёл сержантом в лейб-гвардии Измайловский полк. 1 января 1785 года выпущен в армию поручиком с зачислением в 6-й Оренбургский полевой батальон.

Участвовал в боевых действиях с турками за рекой Кубанью в 1789- 1791 годах и за отличие при штурме Анапы произведён в секунд-майоры. 1 января 1797 года переведён в Бутырский мушкетёрский полк майором. Участвовал в итальянской компании 1799 года.

Тяжело ранен в правую ногу пулей при Нови и 9 октября 1800 года произведён в подполковники. 1 декабря 1804 года назначен командиром Бутырского полка. Участвовал в компании 1805 года и вновь ранен в правую ногу в компании под Аустерлицем и взят французами в плен. Отпущен в феврале 1806 года, а по прибытию в полк произведён 23 апреля того же года в полковники.

Сражался с турками в компанию 1806-1807 годов и отличился при взятии батарей на острове Четал на Дунае, во время осады Измаила, за что награждён золотой шпагой. В 1809 году ранен в левое плечо картечью при неудачном штурме Браилова. 2 сентября 1809 года назначен шефом Азовского мушкетёрского полка и переведён в Финляндию.

В начале 1812 года Азовский пехотный полк под его командой в составе третьей бригады 6-й пехотной дивизии входил в Финляндский корпус Ф. Ф. Штейнгеля. Полк был переправлен в Ревель, а затем направлен в Ригу и участвовал в обороне города. Сражался с французами на реке Ушач, под Чашниками, Борисовым и на Березине. Удостоин 30 декабря 1813 года ордена Святого Георгия 4 класса № 2769.

С 28 января 1813 года находился при осаде Данцига и за отличие при взятии батарей на острове Вексельмонде произведён 15 сентября 1813 года в генерал-майоры. После капитуляции Данцига 25 октября награждён золотой шпа-

гой «За храбрость», Святого Владимира 4 степени с бантом, Святой Анны 2 степени с алмазами, Прусским орденом «За заслуги».

Михаил Сергеевич Лунин
(1787 – 1845)

Из дворян Тамбовской губернии. Отличился при Бородине, участник многих сражений с французами. Получил именное золотое оружие. Принимал участие во всех войнах с Наполеоном. Человек отчаянной решимости и смелости, предлагал М. И. Кутузову проникнуть в ставку Наполеона и заколоть его кинжалом. Декабрист. Кавалер самых почётных российских орденов. А. С. Пушкин называл его «умнейшим человеком нашего времени». Его детские годы прошли в Кирсановском уезде.

Подполковник Николай Иванович Кривцов
(1791 – 1843)

Участник сражения под Бородино, имел ранение, попал в плен. Французы лечили его вместе со своими офицерами в московском госпитале. Когда Наполеон, бросив раненых, покинул город, Кривцов спас французов от разъярённой толпы москвичей, за что впоследствии был отмечен королём Франции. Имел многочисленные награды.

Унтер-офицер Егор Митрофанов
и рядовой Александр Фёдоров

Весной 1813 года русские войска вышли на рубеж реки Эльбы. Митрофанов и Фёдоров несли службу в дозоре. Притаившись в густых прибрежных зарослях, они зорко наблюдали за противоположным берегом, где расположились французы. Вскоре они заметили плывущую прямо на них лодку с вражескими солдатами. Мгновенно созрело реше-

ние принять бой. Поразить противника неожиданностью. Как только лодка причалила к берегу, Митрофанов и Фёдоров выскочили из засады, подняли крик, открыли стрельбу. Не разобравшись в обстановке, огорошенные внезапным нападением, французы поспешили сдаться в плен. Так двое воинов-тамбовцев, проявив отвагу и находчивость, пленили около 40 французов и доставили их в свой штаб. В 1814 году за смелость, проявленную при взятии Парижа, тамбовец Родион Ишин был награждён медалью «За взятие Парижа».

Главным героем Отечественной войны явился, конечно, русский солдат, показавший невиданную стойкость и беспримерное мужество. Немеркнущую славу стяжал 122-й полк, целиком сформированный из тамбовцев. Он входил в авангард русской армии при преследовании вражеских войск и особенно отличился в битве при реке Березине.

Евгений БАРАТЫНСКИЙ

«...Баратынский ржёт и бьётся»

Очерк

«Болдинская осень» сделала своё дело... Пушкин наготовил «и прозы и стихов» и 5-го декабря 1830 года возвратился в Москву. Уже 9 декабря он спешит сообщить Плетнёву о своих успехах и о первом впечатлении от «Повестей Белкина» – «Весьма секретное, для тебя единого. Написал я прозой пять повестей, от которых Баратынский ржёт и бьётся... – и которые напечатаем также Анонимно. Под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает. Итак, русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу». Что же так развеселило Е. Баратынского? И поддержал ли его Пушкин, своим заразительным смехом?

Над повестями «Выстрел» или «Станционный смотритель» не посмеёшься. В «Метели» – уморительно только венчание, а в «Барышне-крестьянке» – смешна канва любовного приключения. Остаётся – «Гробовщик», да от «чертовщины» не нахохочешься. Что же тогда возбудило кентаврическое состояние у нашего знаменитого земляка?

«Гробовщик» – самая нераскрытая повесть, но обильно интерпретируемая. К открытию её иносказательности и призывает А. С. Пушкин в предисловии «От издателя». Но

вернёмся к исходному «ржанию» Е. Боратынского...

«Летопись жизни и творчества А. Пушкина» фиксирует: «Декабрь, 5...9.» – «Пушкин встречается с Боратынским», они «интенсивно общаются». Он «читает ему написанное в Болдине». Боратынский в письме от 10 декабря Ивану Киреевскому: «... С тобою не виделся оттого, что занят был Пушкиным». Но картинка не вырисовывается, а она экстатическая.

Ясно, что формальности соблюдены, но воображение – мать любопытства. Пушкин и Боратынский встречались не праздно; один возвратился из «холерного» заточения, другому необходимо поделиться поэмой «Наложница», к тому же, они строят планы издания журнала. Тексты Пушкина ещё не переписаны, и он читает, перебирая листы черновика. Когда доходит до встречи гробовщика Прохорова и сапожника Шульца, произошло чудесное преобразование Боратынского.

Пушкин показывает ему рисунок «чаепития» и, едва сдерживая смех, спрашивает: «Посмотри... Не наш ли это

Фаддей?», – и указывает на круглоголового в жилетке. Боратынский «взорвался» без промедления. Его уже не остановить, не сдержался и Пушкин. Лёгкий подвох превратился в гомерическое событие. Дочитывать «Гробовщика» составило больших усилий, но самых радостных. Боратынский, едва успокоившись, вновь вздымался, хлопал себя, притоптывал, «гарцевал» туда-сюда, «ржал» и не мог успокоиться:

– Нет! Представляешь? Он спит и видит нас в дырявых гробах, обтянутых мешковиной.

– А себя в расписном – повапленном, – подхватывал Александр, и они, опять не сдерживая эмоций, наперебой вспоминали случаи из жизни этого Зоила, рождённого с алтыном под языком.

– Представляешь? – выдохнув, уже после прочтения, сказал Боратынский. – Хотел собрать дань с благодарных покойников, да никого не нашлось.

– Так, нет! Устроил второе пришествие, нечестивец! А купчиха из-за него, по сию пору, зависла где-то – ни там, ни сям.

В этой воображаемой беседе не хватает разве что портретного описания Булгарина. Атрибутируя рисунки Пушкина, забывают, что мир полон слов и глазастых литераторов, хотя графика его безукоризненна сама по себе. По воспоминаниям Николая Греча, Булгарин – *тучный, широкоплечий, толстоносый губан*. Мария Каменская видела его куда острее: «Булгарин был кругленький, на коротеньких ножках, с порядочным брюшком, голова плотно подстриженная, как бильярдный шар, лицо смятое, глаза вытаращенные, как у таракана, толстые губы его плевались, с лица его не сходила задорная улыбка, и вечно он спорил и хохотал (чем не святочный гаер? – В.Н.); одет был в *светло-серенькое с ног до головы*».

Та же линия *сутулой спины*, что на рисунке «Чаяпития», изображена Александром Брюлловым на виньетке

к сборнику «Новоселье» 1833 года – «Пушкин на обеде у Смирдина». Взгляд художника выхватывает Булгарина: *выпученные глаза, стриженная голова-шар, губы и нос пухлые, одет в серое*. Он откровенно позирует, и попадает в «кадр» вечности,

Не будем забывать, что гробовщиком называют любого, кто вмешивается в привычное течение жизни, извращает её или необратимо изменяет. Деятельность Булгарина воспринимали, в широком смысле, как угрозу русской литературе, а его самого – как её гробовщика. Известно, «Северная пчела» не собирала нектар с «Северных цветов», она «паслась» на правительственном «чертополохе». И поделим!

У Булгарина-«Адриана» улыбка «шекспировского» гробокопателя, а нос карикатурно вздёрнут, что уместно для заносчивого Фаддея. Но поныне «исследователи» путают гробокопателя с гробовщиком и подползают к пушкинскому герою с шекспировским «пенсне» на носу.

Повесть «Гробовщик» не написана по горячим следам и не после стычки с Булгариным, по выходу 7-ой главы «Евгения Онегина» в марте 1830 года. Но уже в начале мая того же года Пушкин пишет Плетнёву: «Знаешь ли что? у меня есть презабавные материалы для романа: Фаддей Выжигин. Теперь некогда, а со временем можно будет написать это». Время пришло осенью. Пушкин приехал в Болдино 3 сентября, а 9-го «Гробовщик» был закончен. Пушкин будто сбросил нечто тягостное: «Уж я тебе наготовлю всячины», – сообщает он Плетнёву тем же днём.

А наши развеселившиеся литературные сподвижники ничуть не охладели к сотворчеству. Не так давно Пушкин и Боратынский, атаковали издателя Каченовского через «Московский Телеграф» №7 в апреле 1829 года эпиграммами «Журналами обиженный жестоко» и «Хвала, маститый

наш Зоил», теперь взялись за Булгарина. В конце февраля 1831 года в Альманахе «Денница» напечатаны их полнотелные эпиграммы: «Не то беда, что ты поляк» и «Не то беда, Авдей Флюгарин» (1830) Пушкина и Боратынского «Поверьте мне, Фиглярин-моралист» (1829). Ни о каком взаимном охлаждении поэтов не может быть речей, обстоятельства мешали.

Эпиграмма «Не то беда, что ты поляк» ходила в списках, и кого изобразил Пушкин – не вызывало сомнений. Как вдруг в родном Булгарину «Сыне Отечества» в № 17, от 20 апреля 1830 года, он напечатал её, с заменой – «... Фиглярин» на «Фаддей Булгарин». Фаддей Венедиктович срывает «маску» и высекает себя. Мы же имеем непосредственное свидетельство «прототипа» в пользу предположения, что Адриан – и есть иносказательный Булгарин, к открытию которого Пушкин призывает всех «любопытных изыскателей».

«Гробовщик» восстаёт из живых творений Фаддея Венедиктовича. Всё-то у него было с прицелом на удар, на выгоду, на выпячивание, на мнимую благонадёжность, на неприметную удавку властью своей или правительства.

За примерами не пойдём далеко: «Над воротами возвысилась вывеска, изображающая дородного Амура с опрокинутым факелом в руке». Пушкин намеренно пропускает описание, обычно скорбного выражения лица и поникшей головы Амура. «Опрокинутый факел» – символ потухшей жизни – распространённый образ, но в руке «дородного», пышущего здоровьем Амура, он несёт неуместный, извращённый смысл. Клиенты Адриана принимают его за сострадающего ангела. И тут из рассказа Греча выпархивает удивительная быль:

«Однажды он (Булгарин – В.Н.) сбежал со службы из Стрельни в Петербург, «нарядился амуром, в трико, наки-

нул на себя форменную шинель, надел уланскую шапку», но был случайно встречен цесаревичем и доставлен на маскарад. «Полюбуйтесь! – сказал он хозяйке (кн. Четвертинской – В.Н.) и гостям: – Вот дежурный по караулам в Стрельне. Вон, мерзавец! Сию минуту отправляйся к полковому командиру под арест! *Амур, пристыженный, одураченный, удалился при общем хохоте. Дело кончилось арестом*».

Что заставило Булгарина нарушить устав и оборотиться в маскарадного амура, «с крылышками и колчаном»? Прямого ответа нет! Но вывеска с *амуром* начинает звучать иначе. Пристрастие Булгарина к эпатажным выходкам было его неугасимой чертой – маскарадно выделяться, пускать пыль в глаза. «Амур с потухшим факелом» подогревает его память о юношеском задоре, и он «дородно» вторгается в литературно-изобразительную правду жизни. <...>.

Слова вывески: «Здесь продаются и обиваются гробы простые и крашенные, также отдаются на прокат и починяются старые», – будто списаны с реальной рекламы. Но Адриан извлекал выгоду из всех своих проделок и состояний «гробов». Что же это за гробы?

Гробы: «простые» – без отделки, «крашенные» – явно повапленные, которые «обиваются» – затягиваются тканью, эти гробы «починенные», изменяемые по желанию заказчика. Остаётся прояснить, какие гробы «прокатные», они же «старые», и в чём состоит их «починка»? Очевидно, что невозвратный гроб не только лишается состояния «старый», но и какой-либо «починки». *Тогда гробы, которые «отдаются на прокат и починяются старые*», попадают в разряд гробов – возвратных. Вот, где начинается фантазмагория «Гробовщика», – гробы возвращаются! Почему бы не возвратиться покойникам? Вскоре и они придут на новоселье к Адриану.

Гробы рассыхались, когда клиент не открывал своей нужды и хранил его до времени. Свежая или сырая доска

гроба, будучи окрашенной, могла сойти за тяжёлую дубовую, более ценную. Но в этих изъянах не видели проделки гробовщиков – «время иссушало», и «старый» гроб починялся. А сколько тут аналогий и сравнений с писательской удалью Булгарина, часто выдававшего белое за чёрное.

«Прокатный» гроб – особая история. «Прокатный» – гроб невзрачный или вполне себе приглядный – предназначался лишь для похоронной процессии, будто опус в угоду случая. «Прокатным» также был гроб-футляр для перевозки богатого резного гроба или «простого», для сокрытия обедневшего положения усопшего. Случалось, опускали на предстояние в прокатном футляре. У иносказательного гробовщика – Булгарина-Адриана способов хоронить кого-либо «извращёнными» опусами своего пера – и того больше.

О гробовой мастерской и подмастерьях Пушкин умалчивает. Адриан, вероятно, не производит гробы, но использует готовые. И это в духе Фаддея, – использовать зависимое положение своих сотрудников, в том числе своего «друга» Н. И. Греча. <...>.

Пушкин вводит в повесть неожиданную тему масонства как примету времени и как таинственный фон жизни Адриана. Конечно, нелитературный гробовщик был бы далёк от масонского сообщества, в среде ремесленников это единичные случаи. Наш же герой – Адриан Прохоров – ничему не противится, он держит дистанцию: «Удалясь всегда от всяких политических видов, я даже не хотел никогда не вступать в сословие франкмасонов, опасаясь какой-нибудь таинственной цели», – так откровенно заявлял Булгарин в письме генералу Потапову. Каков знак благонадёжности! Он, оказывается, чище многих отмеченных масонством: Бенкендорфа, Дубельта, Греча, – и уж, конечно, Рылеева и Пушкина. Он окружён масонами, однако, отстраняется от этаких пут. Пушкин, похоже, намеренно вводит Адриана в

жизнь «неблагонадежной» гильдии мастеровых.

На тройные «удары в дверь», по масонскому обычаю, Адриан Прохоров спрашивает: «Кто там?». «Дверь отворилась» и в комнату вошёл «немец-ремесленник». но фраза – «франмасонские удары» – разворачивается в многомерную картину жизни «гробовщика»-Булгарина.

Тема масонства, ещё «живая» в сюжете повести (~ 1818 год), но уже запрещённая в 1822 году, ко времени её написания, сжимается до состояния едва различимого отзвука. Однако реминисцентные послылы былого расширяют границы повести, а «немотивированная» завязка, неспешно передаёт «гробовщика» в руки «дьявольщины».

Принятие в гильдию «каменщиков» удивительным образом совпадает с реальными чертами повести. В назначенной комнате на столах раскладывались знаки и символы масонского обряда. «На первом (чёрном столе – В.Н.) лежала Библия, раскрытая на 6 и 7 главах книги премудрости Соломоновой...», а далее, – обряд не обходился без погружения «профана» в гроб.

Библейская глава № 6 – исполнена очищения и желания премудрости, а 7-я глава – указывает испить премудрую глубину сосуда, дабы дом «блудницы» не был «путями в преисподнюю». В нашем случае, это параллель с 7-й чашкой чая Адриана и его женским окружением: работница Аксинья – «эка дура!» и дочери Акулина и Дарья, которых он держит на подозрении – «не ходят ли любовники к моим дурам?», – скрытые намёки на весёлый дом тетушки Танты из семейной жизни Булгарина.

Но 7-я чашка в переносном смысле ещё и «сосуд», преломляющий текущее состояние литературной среды Петербурга. Седьмая чашка не наполняет Адриана и не решает его проблемы. После выхода 7-й главы «Онегина» возникла ситуация, которая окончательно раскрыла глаза поэта на

характер противостояния литературных группировок. Если бы Пушкин использовал иное число «чашек», то изменились бы намёки и их контекст, а какое тогда родилось произведение – не нам гадать. И это лишь о начале повести. Было над чем поржать Боратынскому... и порассуждать.

Вкус к «жареному» пушкинской поры нас мало задевает.

Боратынского и Пушкина это тревожило самым непосредственным образом. «Они ржали или похохатывали», и это можно объяснить, но важно прочувствовать бывшее...

Виталий НОВАКОВСКИЙ,
краевед

От редакции:

«...среди литературоведов ведутся споры о правильности написания фамилии Евгения Абрамовича. Дело в том, что сам поэт многие свои письма и деловые бумаги подписывал «Боратынский», хотя известны и исключения. А все художественные произведения, кроме последнего прижизненного сборника «Сумерки», печатал с подписью «Баратынский». При его жизни критики использовали в своих отзывах только эту форму. Так же писали Пушкин, Белинский, Толстой, Бунин, Брюсов. Желание возобновить ныне написание через «о» основывается на том, что фамилия произошла от названия замка, построенного в Галиции предками Евгения Абрамовича в XIV веке, «Боратынь», т. е. «Бог ратует». Вполне возможно также, что начертание «Баратынский» представляет собой псевдоним из разряда искажений действительных фамилий.

По материалам музея-усадьбы «Мураново»

Юрий МАКАРОВ

Свет небесный

Стихи

«Счастливчик»

Он шёл на Запад. Он врага громил,
Гнал в логово кровавое по следу.
Он напрягался из последних сил
И по крупичам добывал Победу.

Домой пришёл. Вспахал свои поля
И зацвела земля его садами.
Познал любовь. И самосад смоля,
На жизнь смотрел счастливыми глазами.

И умер со спокойною душой
В сыновнем доме, на домашней койке,
В стране, ещё кипучей и большой,
Задолго до треклятой перестройки.

Запоздалая забота

Получил машину инвалид.
Рад мужик: «Ну, не себе, так внуку!»
Но душа у старого болит –
Помнит ту военную науку.

Выжил он и вырастил сынов,
Хоть и без ноги тогда остался,
Победил фашизм «участник ВОВ»,
И ему автомобиль достался.

Помнит он об Огненной дуге,
О полёгшей там пехотной роте –
И стоит на липовой ноге,
Радуетя липовой заботе.

Похороны

В посёлке хоронили старикана,
Родные были все до одного,
Оплакивали душу ветерана
И пенсию завидную его.

Когда-то он вгрызался фрицам в глотки,
Врагам своим пощады не давал,
А нынче на обитой красным лодке
В неведомые дали уплывал.

Медали «За отвагу»... Две медали –
Всё, что родня собрала впопыхах,
На бархатных подушечках сверкали,
Как слёзы у старушек на глазах.

Долги ему потомки не отдали –
Войны далёкой заросло быльё...
А ведь при жизни сколько обещали:
Машину дать, отдельное жильё.

Да не успели. Что-то там не вышло.
Ни то, ни это он не получил,
И в ночь, когда в саду вскипели вишни,
Старик спокойно и светло почил.

Отдав земной поклон честну народу,
Простив за всё чиновное жульё,
Обрёл солдат высокую свободу,
Прописываясь в вечное жильё.

Свет небесный

Захирел мой бедный огород,
От ветров и солнечного пала.
В этот жуткий, суховейный год
Даже сор-трава на нём завяла.

Но, однако, я то там, то тут,
Рву и огурцы, и помидоры,
И веду с соседом разговоры:
Как они, родимые, растут?

Кто им помогает выживать
И всему больному огороду?..
Свет небесный, надо полагать, –
Тот же, что и русскому народу.

* * *

Я суровой истории внемлю
И векам не закрыть пеленой –
Бьётся Невский за русскую землю,
Бьётся праведно Дмитрий Донской.

Жаль, что нынче хоругви святые
Рвут у нас, их потомков, из рук,
Ненасытные, жадные, злые,
Так, что небо темнеет вокруг.

Вот и вижу я, чай не слепой-то,
Как ползут по землице родной –
То ли Питерский Ванька какой-то,
То ли Джон Вашингтонский какой...

* * *

Позарастали бурьяном жилища,
Позарастали тропки за селом,
И только ветер по дороге свищет,
Что пролегла за дальний окоём.

А там, за горизонтом-окоёмом,
Других держав чужие голоса...
Никто не свиснет посвистом знакомым,
Не удивит над миром небеса.

Но алчно смотрят жадными глазами
На Русь мою, на русское село
И потирают потными руками:
«Ай, ничего, что, малость заросло...

Вот мы придём, и свой порядок новый
На этом месте быстро наведём...»
Но что-то гроыхнуло, и суровым,
И тёмным стал далёкий окоём.

И голос был:

– На Русь ходить не надо!..

Ни с хитростью, ни с лестью, ни с мечом.

А коль придёте – будете не рады,

Тот, кто ходил, тот знает, что почём.

И голос отозвался в буйном ветре,

В жилищах, в сердце раненом моём:

– Вы вечны, только верьте, очень верьте –

И нечего смотреть за окоём.

* * *

Всё сломали, а мы и согласны,

И бегут за кордон подлецы.

Но выходит, что жили напрасно

Наши деды и наши отцы.

Зря подняли великие стройки,

Жизнь колхозную ладили зря...

Как корову, Россию за дойки,

Затаскали ватаги ворья.

С каждым днём всё сильнее их хватка,

Всё мощней и кровавей клыки.

Не от сытости – от недостатка

Покидают село мужики.

Загляни в эти хмурые лица,
В них сквозит неизбывная грусть...
В сторожа и вахтёры столицы
Подалась деревенская Русь.

Дуйте, граждане!..

Panem et circenses!
Juvenal (Хлеба и зрелищ! Ювенал)

Продолжайте, сопите в сопелки,
Дуйте, граждане, звонче в рожки,
Ждут вас ваши хотелки-смотрелки,
Поминальные ждут пирожки.

Под порогом заложена мина,
Щерит зубы гнилые война, –
Полыхает огнём Украина
Не чужая для нас сторона.

Только нам ли до этого дело? –
Нам бы звонче в скакалки скакать,
Чтоб уже ничего не хотела
Мальчишей осовелая рать.

Чтоб гремела страна фестивалем,
Олимпийским пылала огнём...
Кем мы стали? А кем ещё станем?
Мы, наверно, вовек не поймём.

Русский поводырь

Так это ж знакомые лица! –
Томясь, истекая слюной,
Опять собрались у границы
И бряцают грозно бронёй.

Как будто отшибло им память,
И хочется им – аж пищит! –
Россию опять раздербанить,
Добро по домам растащить.

Готовят телеги и сани,
И ружья свои к вояжу.
– Идите, – вздыхает Сусанин, –
Дорогу я вам покажу...

Кумовья

От крымчаков и от монгола,
Обороняясь тяжело,
Кум Николай и кум Микола
Стояли твёрдо – заодно.

Потом фашистов раздолбали
Своею верною рукой,
Надолго в логово загнали
И спели им за упокой.

А опосля безбожно пили,
И всяк своей стезёй пошёл, –
Межу-границу прочертили
И подписали протокол.

Теперь вдали от протокола,
Давно не пьяные уже,
Кум Николай и кум Микола
Сидят и плачут на меже

Пьяный Санта Клаус

Новогодний движется народ,
Радость и веселье не смолкают,
В подворотне пьяный, аки скот,
Санта Клаус плачет и икает.

Чей ты, и зачем ты бродишь тут? –
Ну-ка, без запинки отвечай-ка,
Как тебя, болезного, зовут?
Он бубнит в ответ:
– Май нэйм из Ванька!

Тост

Вновь на весенних деревьях листочки блестят,
Буйная жизнь закипает на каждом стволе.
Время придёт, и они облетят, улетят...
Время придёт, и прижмутся к надёжной земле.

Старые вязы, как старые кони стоят,
Хрупкими ветками, будто ушами прядут.
Скоро они тяжело-тяжело заскрипят.
Скоро на землю они упадут, упадут.

Господи, как я родную сторонку люблю!
Мой соловьиный, цветами усеянный край...
Скоро и я, будто вяз, заскриплю, заскриплю,
Скоро и я... Ну, чего ты глядишь? Наливай!..

Елена ЧИСТЯКОВА

Мамка *Повесть*

*«Нет надёжнее дружка,
чем родная матушка»*

Небольшая колонна ЗИСов из пяти машин, груженных боеприпасами, поспешала за своим истребительным батальоном, значительно поотстав. Оно и понятно. Сколько техники до них этим путём прошло! Дорога – в хлам! Надрывно урча, захлёбываясь в жиже из набрякшей снежной кашицы вперемешку с глиной, кусками земли, пронизанными прошлогодней, жухлой травой, ЗИСы пытались выбраться из колдобин, вырулить. Срывались! Ощущение такое, будто топтались на одном месте, не продвинулись ни на метр. Борта машин скрипели, взвизгивали, раскачиваясь, надрывно постанывали. Ящики с боеприпасами, вроде, накрепко перетянутые ремнями и верёвками, напряжённо подрагивали, прикрытые кусками брезента.

– Чёрт знает что такое, – сплюнув, в сердцах выругался себе под нос немолодой водитель, сержант Ефимович, крепко, до побелевших костяшек пальцев, вцепившись в баранку, подпрыгивая на сидении, – я-то, понятное дело, всю

жизнь за рулём, и то тяжело, а там-то молокососы сзади.

Зыркнув глазами в сторону сидящего рядом старшего колонны, заметил в сердцах:

– Во разжевали, разчвакали гусеницами! Юзом поспешаем!

Лейтенант Вязовов, сосредоточенно глядя вдаль сквозь заляпанное грязью стекло кабины, поёжившись, втянув голову в плечи, промолчал. Да и что тут скажешь? Поня-я-тно!

Шёл тысяча девятьсот сорок четвёртый год, третий год войны. С боями продираясь на Запад, продвигались по Белоруссии. Скопление техники разных частей войск было настолько значительно, что, кажется, дорог, как таковых, совсем не стало. Ранняя, промозглая весна добавляла дорожных проблем. Успеть куда-то вовремя было проблематично. Техника, люди, лошади обессиливали.

Старший колонны машин с боеприпасами, лейтенант технической службы Николай Вязовов, двадцати лет отроду, на войне почти с первых дней её.

Сразу по окончании школы, он успешно, по направлению военкомата, поступил в тамбовское артиллерийско-оружейное техническое училище. Ещё в старшем классе твёрдо решил для себя, что станет офицером. Предполагал, как, впрочем, и большинство молодых людей, что жизнь на военном поприще будет интересной, полной новых открытий, даже в чём-то романтической. В определённом смысле так и вышло.

Пешим ходом, колонною, прошагали курсанты от Тамбова до Саратова, куда, ввиду близости боёв, было передислоцировано их училище. Там, окончив ускоренные курсы по подготовке младшего командного состава, получив звания техников, младших-лейтенантов, молодые офицеры были направлены в войска.

За окном кабины, в сумрачном, блёклом, тусклом свете зарождающегося нового дня, медленно проплывали голые, искорёженные стволы почерневших, напитанных влагой деревьев, разбитые постройки коровников, амбаров с провалившимися крышами, остовы печных труб среди груд битого кирпича – некогда справных, жилых домов. В туманной мороси появлялись неожиданно и исчезали в стороне от дороги обугленные, беспорядочно растасканные в стороны, горелые брёвна изб, остатки плетней, ломаных изгородей, обгоревших плодовых деревьев, вскинувших ветви, будто узловатые старческие руки в мольбе к небесам. Кое-где белели монолитные куски оснований, с малыми частями стен, взорванных храмов. Стрельчатые рамы церковных окон повисали, скосбочившись на одной петле, раскачиваясь от дуновений ветра, подвывали, поскрипывали. Уцелевшие чудом кладбищенские ворота без оград призывно распахнуты. Покорёженная военная техника, замерев на обочинах, проявлялась неясными очертаниями. Выныривала из полумрака, пугая вывернутыми, разорванными дулами орудий, направленных куда угодно: вверх, в землю, в стороны.

Безлюдьем встречало и провожало молчаливо каждое мелькнувшее следующее сельцо, и это было уже привычно взору. Попрятался уцелевший люд в норы, землянки, погреба.

Водитель, сержант Ефимович Роман Семёнович, сорока лет, с усталым, заросшим седоватой щетиной лицом, стараясь не выпускать руль, быстро рукавом телогрейки провёл по лбу, отирая крупные капли пота:

– Взмокрел, гляди, – будто извиняясь, проговорил он, – такая дорожка, язви её, – и добавил, – дальше чуток ровней пойдёт, я знаю, – и ещё, дрогнувшим голосом, – это ж мои, родные места.

Лейтенант, повернувшись вполоборота, взглянул на

водителя, но не проронил ни слова, лишь согласно качнул головой.

Заметно посветлело, распогодилось слегка, день должен, видно, разгуляться. Глядя то и дело в заднее оконце кабины, лейтенант удовлетворённо замечал, что машины идут, в общем-то ровно, никто не отстал.

Вскоре, действительно, дорога слегка изменилась, под колёсами чувствовалась сомнительная твердь, трясти и вихлять стало меньше, машина пошла ровнее, ходу маленько прибавили. Настроение тоже немного улучшилось.

Лейтенант завернул полу шинели, из кармана галифе вытянул коробку «Казбека»:

– Покурим, Семёныч? – протянул водителю открытую пачку. Тот, не отрывая глаз от дороги, нащупал и взял папироску. Николай, постучав по коробке мундштуком, дунув внутрь, зажал крепко папиросу передними зубами, сдавив пальцами, крутнул колёсико трофейной зажигалки. Сначала дал прикурить Семёнычу, потом уж себе. Затянулись, с удовольствием выпустив струйки голубоватого дымка, выдохнув с ним и напряжение последних часов.

– Так, говоришь, из этих мест родом, – будто продолжая прерванный разговор, спросил лейтенант.

– Ага! Километров сорок в сторону, за леском, - охотно откликнулся водитель.

– Ну, и как жизнь, до войны? – вдруг поинтересовался молчаливый лейтенант.

– Да всё путём, нормально жили. Я на кирпичном заводе, жена моя, Бронюшка, – голос водителя дрогнул, – на льне. Лён у нас, долгунец, отме-е-нный!

Помолчали.

– Бывало, глянешь вдаль, там всё голубое! Небо, поля, до горизонта, слились вдали! Цветёт лён голубым цветом, красоти-и-ща!

Семёныч покачал головой, добавил:

– Городок наш маленький, - выдохнул он тихо, – был.

– Значит, - горько усмехнулся лейтенант, - мимо дома мелкой рысью, так?

– Выходит, что так, – согласился Семёныч и с надеждой добавил, – ничег-о-о, наверстаем! Лишь бы живы все были, отстроимся! Кирпич для своего дома самолично обогну, на века чтоб, как для церквей, встарь.

Некоторое время ехали молча:

– Пацанов у меня двое, близнята, мать старенькая, – Семёныч громко шмыгнул носом, кашлянув, вздохнул, – жива ль?

Замолчал. Выброшен окуроч, закончен и разговор.

За стеклом кабины посветлело. Скудный свет пасмурного, плаксиво-вымокшего утра чётче прорисовал дорогу и обочины её, предметы в стороне. Опять стали встречаться взгляду, будто толстые свечи, печные трубы, руины домов, но вдруг глаза лейтенанта выхватили среди привычного уже безжизненного пейзажа какое-то движение. Сдёрнув с головы шапку, он, не веря своим глазам, протёр ею затуманенное дыханием стекло и весь подался вперёд, вглядываясь. Он увидел возле сгоревшего сруба женщину! Невысока ростом, худенькая, в чёрном полушалке, в телогрейке, длинной, забрызганной грязью юбке и мужских растоптанных сапогах. Она, стоя неподвижно, хмуρο встречала взглядом их колонну. Рядом с нею, кучно, прильнув, жались пятеро ребятшек, один другого меньше! В старых, вытянутых до низу, женских кофтах, укутаны в шали и полушалки, в платки, завязанные узлами на спинах, в расшлёпанных башмаках. Уцепившись за подол матери, они молча и безучастно смотрели на приближающиеся машины.

– Стой, Семёныч, стой!– выкрикнул Николай, нащупывая рукою у ног своих, под сиденьем, вещмешок.

Вытащив, принялся развязывать, непослушно дрожащими пальцами, тугой узел. Банку тушёнки, хлеб, галеты он, не спускаясь, передал в руки подбежавшему мальчонке, которого мать легонько подтолкнула в спину к машине.

– Дзякуй, дяденька, – услышал, усаживаясь. От неловкости быстро захлопнул дверку кабины. Продолжили путь.

Пока не отъехали на приличное расстояние, оборачиваясь, лейтенант видел, что женщина крестилась и кланялась вслед машинам, кланялась и крестилась.

– Ну, это уж лишне, – с досадой отметил про себя лейтенант.

– А что, теперь моего табачку курнём, а, командир? – неожиданно подал голос Семёныч, видимо, намереваясь разрядить напряжение, витающее в кабине грузовика.

– А давай, – тут же согласился Николай и добавил, – скоро, такими темпами, мы догоним наших.

– Само собой, лейтенант, – поддержал Семёныч.

Выкурили по самокрутке. Вязовов откинул голову и, прислонив её к задней стенке кабины, призадумался, уставившись в потолок. Смутные чувства навалившейся тоски тягостных воспоминаний после встречи с этой матерью и её детьми, терзали душу. Прикрыв глаза, он будто перенёсся в своё детство.

– Мамка! Мамка, родная! – Николай внутренне всхлипнул душой. Их в семье тоже пятеро! Он, Колька, старшенький. С матерью у сына были нежные и доверительные отношения. Появившийся в семье каждый последующий ребёнок не разрушал их, эти отношения, не вызывал, как обычно бывает, ревности и обиды у первенца. Своей любовью и лаской мать делилась щедро с каждым из них. Александра Михайловна, а проще – Шура, невысока росточком,

круглолица, улыбчива, со смешливыми карими глазами, маленьким пухлым ртом, ямочками на щеках и удивительно мягкими, нежными руками. Колька часто видел, как она доит корову или месит тесто или просто белит макловицею закопчённую печь. Движение пальцев её рук неторопливы, аккуратны. Она была рассудительна и несуетлива. Разговаривая, склоняла голову к плечу, пристально глядя на собеседника. Колька любил наблюдать за матерью, как бы со стороны, и теперь память услужливо подсовывала милые воспоминания из детства.

Раннее летнее утро. Колька проснулся неожиданно и, высунув голову из-под цветастой занавески, с печи, где вповалку спали дети зимой и летом все, кроме младшей сестрёнки, грудной. Её люлька свисала с крюка, вбитого в потолочную балку, рядом с постелью родителей. Там побывали все ребятишки, в своё время, конечно. Колька видит, как мать медленно откидывает в сторону край одеяла, садится, опустив вниз ноги, осторожно, чтобы не разбудить отца, поднимается и босиком, на цыпочках, подходит к окну. Плавно, неторопливо, поднимает, потягиваясь, руки. Солнце, своими первыми, длинными лучами принимается обласкивать, будто купая, обволакивать её всю, сквозь белую, длинную, ночную рубашку, очерчивая контуры складной фигурки. Мама светится, кажется, насквозь! Она кружится, купаясь в солнечных лучах. Вдруг запрокидывает голову! Волнистые чёрные волосы рассыпаются по плечам её до пояса, она беззвучно, широко улыбается и неожиданно начинает пританцовывать, притопывать неслышно ступнями ног по домотканым дорожкам. Колька заворожённо смотрел, не понимая:

– Что это с нею?

Тут она берёт со стола гребень и принимается чесать волосы, протягивая, проводя им от темени до самых кончи-

ков их. Волосы, под редкозубым гребнем, делятся на ряды и Кольке видится, как пронизанные лучами солнца, они, будто струны какого-то диковинного музыкального инструмента, того и гляди заиграют! Волшебство!

Ещё всплыло в памяти, что как-то сидя за столом, над тетрадью с задачами, вдруг почувствовал, будто прижалось сзади, со спины что-то мягкое, тёплое, пахнущее молоком. Руки матери, нежными, ласковыми змейками обвили шею сына, слова зашекотали шепотком возле уха:

– Сыно-о-очек, ми-и-илай мой, у-у-умничек!

Колька звал мать – мамкой, нежно, с любовью. Это ведь как назвать, можно и обидеть, так-то величая, а он ласково, она понимала это. Матери, наверное, думалось, что повзрослевшему, старшенькому, неловко называть её по-другому, но в это грубоватое, кажется, слово «мамка» он вкладывал любовь свою сыновнюю.

Вспомнив теперь отрывки из детства, вспомнив свою мамку, Николай глубоко горестно вздохнул, так, что Семёныч испуганно обернулся в его сторону. Прервав поток своих мыслей, лейтенант Вязовов, открутив крышечку фляжки, сделал несколько больших глотков воды. На ладонь, сложив её лодочкой, плеснул и смочил полыхающее, взбудораженное воспоминаниями, лицо.

А сенокос? О-о-о! Это особые моменты! Тогда, упав навзничь, погрузившись в душистое разнотравье свежесмётанного стожка, мама засмеялась и, на удивление Кольки, замеревшего с граблями, выкрикнула:

– Как же я вас всех люблю, детоньки мои-и-и!

Голос её эхом прокатился по лугу и многократно повторился за рекой, раздробившись, рассыпавшись обрывочками фраз. На протянутую ладонь матери села божья коровка, капелькой крови в чёрных пятнышках. Улыбнувшись, мать нараспев проговорила детскую считалочку:

– Божия коровка! Улети на небо! Дам тебе хлеба! Тама твои детки кушают конхветки! – и вдруг спросила сына, – а ты, Колюшка, кем жалаишь стать, а?

Неожиданный вопрос обескуражил мальчишку. Это секрет! Большой его личный секрет! Но маме всё же решил открыться.

– Военным, – проговорил, стеснительно склонив голову, сын.

– Вое-е-енным, ишь ты чаво, вое-е-енным, – пропела будто, протянула мать и, нагнувшись к руке своей, что-то прошептала над божьей коровкой, потом подняла ладонь повыше и, расправив крылышки, букашка взмыла ввысь, вскоре скрывшись из виду.

– Будешь, сынок, военным, думаю, – она улыбнулась, – полетела божия коровка с твоёй мечтой к Боженке, понесла просьбочку нашу. Точно будешь!

Так ведь оно и вышло!

Встреча женщины с ребяташками разбередила не проходящую душевную боль лейтенанта Вязовова, потому что вскоре, в тридцать восьмом, мамы не стало. И вроде было всё, как всегда, да что-то не то.

Мать становилась молчаливой, замкнутой. Все дела по хозяйству делала без охоты, по нужде. Часто Колька видел её заплаканной. А однажды, заметил, как отец с матерью пошли по меже за огороды и там, в приличном отдалении от дома, детей и соседей, принялись нервно выяснять отношения. Слов Колька не слышал, но видел, что отец курил, глубоко затягивался и столбом, вверх, выпускал дым. Он резко что-то отвечал матери, весь подавшись вперёд. Она же, в разговоре размахивала руками, утирала ладонями лицо, прижимала руки к голове, хлопала ими по бокам себя. Ругались.

Теперь чаще стала оставлять малышей на Кольку и старшую, следующую за ним дочь. Подолгу, вполголоса судачили с ней подруги, водили за село, в цыганский табор, гадать на картах. Возвращалась она тогда воодушевлённая, в хорошем настроении, и тут же в доме всё оживало, мама бралась за домашние дела с рвением и охотой.

- Чаво жалаитя, а, – хитро улыбаясь, спрашивала ребяташек, – блинцов напечь што ль вам?

И, не дожидаясь ответа, тут же приносила из чулана махотку с молоком и заводила блинцы. Для ребятни праздник. Они, чувствуя её настроение, льнули к маме, а она их ласкала, целовала каждого в макушку.

Но так становилось всё реже и реже.

А однажды, крёстная, выходя из их дома, уже на крыльчке, заметила вслух, горестно осуждающе качая головой, будто для себя самой, под нос:

– И чаво глупому етому надоть? Шура и матерь, и жана, и хозяйка – поискать таких-та! Дурак мужик, право слово, дурак!

Колька понял: отец нашёл другую. Это открытие ошарашило его!

Жила семья Вязовых в большом пригородном селе. Отец, Иван Романович, председатель одного из трёх колхозов. Он дотемна на овощных полях, на полевом стане, на ферме, в мастерских. И когда ему было «загулять»? Немногословный, резковатый, твёрдый характером, ответственный и справедливый, с детьми говорил только по делу и не баловал. Слов одобрения от него, пожалуй, дети не слышали. Только Шура и могла растопить его сердце, своей нежностью заставить улыбнуться, смягчиться душой. И вот теперь такая беда!

Кольке даже поговорить, посоветоваться было не с кем! Дедушка и бабушка, родители мамы, умерли ещё в

голодном тридцать третьем году, а родные отца проживали километров за семьдесят, наезжали редко и с детьми разговоров не заводили, только по головкам погладят, да пышки в руки сунут и всё. Колька всегда успевал увернуться, не позволял себя, как кошку, гладить.

И вот, случилось непоправимое! Никогда не забыть!

День клонился к вечеру. Мама встретила корову из стада, подоила, приготовила ужин, управившись с печью, «скутала» её. Накормила ребятишек, укачала младшенькую, прежде приложив к груди, и тут вбежала соседка. Потянув мать за ситцевую занавеску, подальше от глаз детей, но не от ушей их, конечно, стала громким шёпотом сообщать, что на соседней улице гулянка и отца туда, за стол, позвали.

Колька чётко услышал:

– И ента, поганка, тожа тама будить! Ступай и ты, Шурка! Ты жа жана законная, венчаная! А то, пряма срамота выходить.

Разгорячённая, раскрасневшаяся от волнения, мать выскочила из-за занавески, стянула домотканый коврик с сундука, распахнув его, лихорадочно принялась вытаскивать наряды, отбрасывая в сторону, на лавку, неподходящее к случаю. Наконец, выбор пал на платье с воланами, которое отцу всегда нравилось. Нарядившись, подобрав в пучок волосы, сунув ноги в туфли, мать ринулась к двери, но приостановилась, стремительно обернулась и с виноватой улыбкой проговорила:

– Ты уж тута сам, Колюня, управляйси. Я мигом! – и выскочила за дверь.

Колька, всё понимая, принялся складывать обратно в сундук её одежду.

Рассказывали потом, как мать пришла на двор дома, где гулянка была. Там столы да лавки под вишнями стояли, люди уже веселились, выпивали и закусывали. Подойдя,

она нерешительно остановилась в воротах, но хозяева, сорвавшись с мест, озаботились, нашли и ей, где присесть. Все слегка двинулись, она примостилась с краешку, и рюмочку поднесли ей. Народ полупьяно, зная, видимо положение в семье Вязовых, с интересом наблюдал за развитием событий. Там же, среди гостей, сидела и разлучница. Наступила тягостная тишина. Мать подняла рюмку, выпрямив гордо спину, скользнула презрительным взглядом, вскинув бровь и криво усмехнувшись, на разлучницу, пожелав всем здоровья, залпом выпив, села. Ей тут же налили ещё. Отец побавровел. Глаза его налились гневом. Как посмела! Явилась без его дозволения! Дала повод к пересудам!

Вернулись они затемно, Колька детей уже уложил, угомонил, сам лёг. Мама непривычно, чудно спотыкалась, пьяненько похохатывала. Отец втащил её за шиворот в дом. Он грозно сопел, шипел себе под нос оскорбления и был в жутком возбуждении. Колька таким его никогда ещё не видел. Потом, присевшую было на табурет жену, он схватил резко за руку и, сорвав с места, швырнул к двери, выпихнув с силой в сени. Дверь захлопнулась. Колька, лёжа за занавеской, слышал удары, сопение отца, жуткие стоны матери, приглушённые вскрики её. Мальчишку трясло и колотило! Он метался на лежанке, сжимая кулачки, не смея встрять в драку. Проснулись сестрёнки, младший брат, в ужасе прижались в углу лежанки, закрывали рты ладошками, давились слезами. Мать там, в сенях, уже не стонала, выла в голос, и это, видно, отрезвило отца. Крепко, матерно выругавшись, он выскочил на улицу. Резко лязгнула входная дверь. Наступила тишина.

Подождав некоторое время, дети сползли с печи и осторожно ступая, приоткрыли дверь в сени. Впереди Колька с керосиновой лампой в руке.

Страшную картину увидели дети.

На полу, в луже крови, распростёртое тело матери. Лицо – бесформенное месиво. Руки и ноги в ссадинах. По светлому платью с воланами на груди растеклись кроваво-молочные, мокрые пятна. С большим трудом ребятишки, рыдая, потащили мать в комнату до постели. Кое-как, протяжно стонущую, уложили её, обтёрли мокрым полотенцем лицо. Разлепив разбитые, опухшие губы она тихо прошептала:

– Води-и-ички...

Всю ночь, без сна, дети провели подле матери. К утру ей стало хуже, она вся горела и металась в бреду, кровавые сгустки запеклись на лице и теле. Сестрёнки сбегали за крёстной и фельдшером. С ними явился и милиционер.

Мать на короткое время пришла в себя и на вопрос под протокол:

– Как это произошло?

Прошелестела еле слышно, собрав все силы, для неё было важно произнести эти слова:

– Упала в погреб. Сама, сама. Винаватых нету. – Так, со слов страдальницы, и было записано.

Малышку передали женщине, кормящей и своего грудного ребёнка. Колька, убежав в хлев, упал там, в углу, на колени и долго страстно молился, целовал нагрудный крестик и молил, молил-просил Бога спасения для мамы. А в голове билась только одна мысль:

– Поздно! Ах, как поздно! Надо бы вчера ещё, сразу, как случилось.

Потом, сидя возле матери, он держал в своих руках её руку. Однажды она вдруг зашевелилась, приоткрыв опухшие, с иссиня-фиолетовыми веками глаза, поводила ими и, сиюсь что-то выговорить, заметалась головою по подушке:

– Ко-Ко-Ко, сы-сы-нок, – умолкла.

Истощённый душевно, измученный, ослабевший Колька всё же понял её! Мама хотела, чтобы он не оставлял

младшеньких! Пытаясь показать, поводила, как могла, заму-тнённым взором залитых кровью глаз, указывала на люлечку, на печь, будто передавала ему заботу о них.

К полудню мать умерла. Лекарь сказал, что у неё всё внутри отбито, внутреннее кровотечение произошло. Шансов выжить не было, так прямо и сказал.

Мальчишку это подломило, он разуверился во всём, замкнулся. Остался один на один со своим горем. В храм, куда тянули его близкие, не пошёл. Не ходил больше никогда в жизни.

Обмытую и обряженную мать положили на доски, водружённые на табуреты, и в мёртвые руки вложили зажжённую свечу. Восковое, бескровное лицо, белее белого платочка на голове покойной, по-старушечьи повязано. Ставшее неузнаваемым и чужим, с ввалившимися закрытыми глазами, заострённым носом и впалым ртом.

Явился отец, громко заявив, что был в поле. Дети, обессилив от ужаса бессонной ночи, прижавшись друг к другу, сидели в изголовье покойной. На отца взглянуть они не решались.

Колька не мог взять в толк, почему, пожалев Его (так в дальнейшем и стал звать отца – «Он»), мать не рассказала всё, как было на самом деле?

Только гораздо позже, крёстная шёпотом объяснила:

– Вас спасала, жалела. Понятию имела, ей не выжить всё одно было. По молодости он, Иван-та, ухарь был, страсть какой! Помню, приподымал тах-та, за угол избу, сувал туды шапку, да ставил на месту! О, кака силища! Куды от таких кулачищев денисси, – горестно вздыхала крёстная, – то-та и оно, что ни-ку-ды! А пожалилась ба – яво в тюрьму, вас по приютам распихали, а тама хлеб горек, сиротскай-та. А он, всё ж, как-никак – отец вам, должён озаботиться об дитях.

Приехала бабушка из дальнего села, проводили маму

в безвозвратный путь. Стали пробовать жить без неё. Плохо.

– Посля сорока дён, поеду уж к сабе, – однажды утром сказала бабушка, – у мене хозяйство, сын тама, глухонямой, – вскоре уехала, оставив ребятишек самих на себя. И тут появилась Она.

Вошла как-то, ближе к вечеру, вместе с отцом и громко сказала:

– Здрасти!

Девчонки вяло ответили. Огляделась, заглянула по углам, в люльку и присела к столу на лавку.

Отец неуверенно кашлянул в кулак:

– Вот. Это Антонина. Теперь будет жить с нами, дала согласие, – он взглядом коршуна пробежался по лицам детей, пытаясь угадать их настроение, но не удалось ему, научились уж скрывать свои чувства, нужда заставила, – она теперь ваша мачеха. Понятно? И без разговоров что ба! – добавил.

Потом, смягчившись, пояснил:

– Тяжело вам, да и в школу скоро, не выдюжим мы без помощи-то.

Девчонки склонили головы, перебирая беспокойными пальчиками рук оборки платиц, братишка полез на печь, забился там в уголок, Колька скрылся за занавеской, в кутке. Ребятишки, точно кутята, расползлись по углам, замкнулись, запахнули свои детские душонки, всё же мудро рассуждая, видимо, не стоит перечить.

Мачеха детям показалась неприятной, несимпатичной, с грубыми чертами лица, поджатыми тонкими губами, с недобрым взглядом. А может, все мачехи таковы? Это как у растения под названием «мать и мачеха». Одна сторона тёплая, бархатистая, приятная, а другая гладкая, да холодная. Рука, пытаясь погладить листок, не чувствует в ответ тепла, только скользит по его поверхности. Видно, неслучайно люди приметили и название такое дали растению. Спать,

прямо с первого дня, мачеха улеглась на кровать, на мамино место улеглась. Началась новая жизнь у детей Вязововых.

– Семёныч, – вернулся в реальность лейтенант, – дай своего, крепенького, на закрутку.

Шофёр протянул кисет. Жадно затягиваясь дымом махорки, Николай немного выдохнул нахлынувшее, в надежде, что воспоминания отступятся, отпустят. Как бы ни так!

Отношения с мачехой у Кольки не сложились, с отцом вовсе их не было. Понимая, что сын старший и вполне разумный, он пытался несколько раз поговорить, объяснить с ним, выводил на разговор – не вышло. Стена между ними образовалась большая.

Мачеха во всём уступала покойной матери. Готовила невкусно, ласковой не была никогда, по хозяйству тоже управлялась через пень колоду. До отношений с отцом была она засиделой девкой, вековухой, как язвительно, шёпотом, судачили бабы. Материнства не знала, детей, чувствовалось, не любила.

Да тут вскоре выяснилось, что сама брюхата! Ну, то ж сама! Это старшая сестрёнка услышала в школе от подруг, мол, по селу треплют. Весною следующего года родила мачеха дочь, сводную сестру, стало быть. Не успев «вытряхнуть из пелёнок» младшенькую, которая родную мамку и не видела сроду, на её место, в люльку, положили следующую. Тут уж ребятишки узнали «почём фунт лиха».

Колька протестовал, как мог, тому, что навалила мачеха на детей все дела по дому и во дворе, и в огороде.

Как-то уж, через годок, отправились отец и мачеха в гости к кому-то. Перед этим она напекла тазик пышек, молочной каши наварила и всё в шкаф, под ключик, убрала. Колька гвоздём расковырял, открыл дверцу, поставил перед детьми на стол:

– Ешьте! Всё съешьте,– велел.

Ребятишки ели, упирались, но чувствуя, что так надо, коль брат старший сказал, через силу уже, но ели. Осилили.

Потом был скандал. Мачеха верещала:

– Твои оглоеды стараются назло мене сделать! Ничаво от них не уберегёшь! Я прибрала, так замок сломали да сожрали всё, подчистую!

На это отец миролюбиво заметил:

– Ну, съели и съели! Подумаешь, беда! Мы-то в гостях за столом праздновали, а им тоже хочется.

Мачеха промолчала, но зная, чьи это козни, затаила на Кольку обиду и при случае всегда пыталась отцу нашептывать на мальчишку пакостей.

Однажды Колька, выходя из дома, нечаянно задел коляску с младенцем, стоявшую на свежем воздухе, возле избы. Девочка спала, а когда коляска покатилась, и Колька поймал, успел резко схватить, – проснулась, расплакалась. Мачеха выскочила из дома, отругала Кольку, а вечером отцу в гневе сообщила, что его сын хотел убить её дочь! Убить!

Колька убежал из дома, скрывался на топкой низменности у реки, ночевал в стогу сена. Через сутки отец отправил за ним старшенькую девочку, сказав:

- Пускай домой идёт, я знаю, это нечаянно вышло. Никто бить его и ругать не станет.

Окончив школу, Колька, Николай Вязовов, поступил в военное училище. Из-за начавшейся войны курсы сделали ускоренными. Доучиваться курсанты отправились пешком в Саратов, подальше, в тыл. Провожать пришла старшая сестрёнка, которой шёл пятнадцатый годок. Теперь забота о младших ложилась на её плечи. Она передала поклоны от всех ребятишек, принесла самовязанный свитер и коврижки в дорогу, испечённые матерью Колькиного дружка закадычного, но не мачехой.

– Да, мама родная так не поступила бы, – всё время приходило на ум парню, – никто не заменит её, ни-ког-да.

Неожиданно резким показался голос Семёныча, сразу разрушивший и видения, и воспоминания:

– Командир! Гляди, бежит кто-то! Да вон, вон там!

Наперерез колонне машин, спотыкаясь на дорожных колдобинах, бежал солдат, размахивая руками, он что-то кричал!

Лейтенант приоткрыл дверцу кабины и, не дожидаясь полной остановки ЗИСа, высунулся, встав на подножку.

– Разворачивайтесь! Танки прорвали оборону! Скоро здесь будут, – солдат пытался перекричать рокот машин.

Вдали были слышны надрывно гудящие двигатели немецких танков.

– Командир! Налево уходить надо, в лес, – подсказал Семёныч, – там дорога будет, недавно её проехали мы, метров триста назад сдать надо, здесь нам не развернуться. Уйдём ею в сторону.

Лейтенант крутанулся на каблуках, поднялся на цыпочки и, ухватившись за бортик кузова, прокричал замеревшей неподалёку следующей машине:

– Танки прорвались! Передайте по колонне! Сдаём задом триста метров! Здесь не развернуться, уходим влево, в лес! Быстро-о-о!

Услышав переданную команду, крайняя машина в колонне с боеприпасами, надрывно гудя и дымя, подпрыгивая неуклюже на кочках и рытвинах, подалась назад, за нею последовала другая, третья... В этот момент лейтенант увидел немецкий танк! Он неожиданно выскочил навстречу головной машине, застрекотал его пулемёт. Пули со свистом застучали по кабине, по колёсам, радиатору, мотор заглох. Фашистский пулемётчик расстреливал ЗИС почти в упор, а тому и деваться было некуда!

Лейтенант Вязовов обернулся. Его машины удалялись, пятясь, а крайняя уже скрылась среди стволов деревьев, уходя по лесной дороге в сторону.

– Так, Семёныч, давай разом выскочим и по кюветам, потом перекатимся дальше в кусты, понятно? – быстро проговорил Вязовов, запихивая полевую сумку с документами за пазуху, застёгивая второпях наглухо шинель, – пристрелялись сволочи! Ну! Раз, два, три!

– Бывай, командир, – услышал Николай Вязовов, рванулся вниз из кабины, упал в кювет, замер, влипнув полами шинели в вязкую грязь. Он не видел, как выпрыгнувшего водителя, сержанта Ефимовича, пулемётной очередью, наискось прошили пули, как он, резко выпрямившись, вытянувшись в струнку, будто не понимая, что это было, развернулся и грохнулся навзничь, раскинув руки и ноги, неподалёку от машины, подняв своим падением массу снежной каши, грязных брызг. Упав в это месиво, солдат широко раскрытыми глазами, отрешённо тускнеющим, угасающим взором уставился в родное небо. По его лицу, щекам, медленно стекали ручейки мутной, талой воды.

Лейтенант, не зная об этом, надеясь, что у водителя всё получилось, решил сделать рывок дальше, к кустам, чтобы отползти потом вглубь леса. В это время танковая пушка немцев произвела выстрел по машине. Боеприпасы сдетонировали, раздался оглушительный взрыв.

– Мамка, родная, помоги! Спаси-и-и! – пронеслось, прокричало у Николая в голове. Осколки боеприпасов веером разлетелись, оставляя страшные раны на всём живом. В глазах лейтенанта блеснула яркая вспышка, и он медленно погрузился во мрак. Последнее, что способен был ощутить, это тёплое, липкое, растекающееся под спиною, да нежное, обволакивающее дуновение, чьё-то дыхание на лице своём. Будто неведомое, незримое, заботливое, делало попытку согреть и поддержать в нём жизнь.

На месте, где ещё совсем недавно замер подбитый ЗИС, теперь черной массой громоздился догорающий, развороченный остов машины.

Очнувшись, лейтенант Вязовов услышал, будто через вату, растянутые далёкие звуки – шарканье ног, покашливание, голоса, стоны, металлические колёсные стуки.

– Что это? Где я? – выбираясь из небытия, недоумевал он.

Попробовал пошевелить пальцами ног, правая отозвалась резкой пронзительной болью. Подождал, пока отпустит слегка и повторил попытку пошевелить руками – та же история, только теперь с левой рукой. С трудом размежил тяжёлые веки. В глаза ударил резкий, яркий свет. Зажмурил их, застонал, услышав рядом:

– Сестра, сестра! Очнулся, гляди!

С усилием повторил попытку раскрыть глаза. Сквозь ресницы увидел склонившееся над ним озабоченное молодое миловидное девичье лицо.

– Молодец, лейтенант, очухался! Теперь выкарабкаешься, – прозвучали, приближаясь, чьи-то слова.

– Значит, я живой, всё-таки! – промелькнуло в голове Николая, и тут же вдогонку, – это мамка спасла! Это она, родненькая, прикрыла.

В госпиталях и лазаретах провалялся лейтенант Вязовов более полугода. Раны заживали тяжело, контузия ещё долго мучила головными болями.

Выздоровев, вернулся в строй, теперь уже старшим лейтенантом, награждённым орденом Красной Звезды. Колонне, за исключением одной, головной машины, всё же удалось уйти от немцев. Невосполнимой потерей явился, посмертно награждённый, сержант Ефимович Роман Семёнович, сложивший голову на своей родной земле, неподалёку от родимого дома.

Николай получал от старшей сестрёнки письма, из которых знал, что отца, в числе других, ещё в конце сорок первого, отправляли под город Воронеж копать траншеи, чтобы не прорвали фронт фашисты, вернулся больным и вскоре умер от крупозного воспаления лёгких. Прожил с новой женой он, в общей сложности, не более трёх лет. От этой новости об отце, в душе Николая появились противоречивые чувства. Нет, не жалость, не скорбь, просто жуткая досада, что, сократив жизнь матери, он обездолил своих детей, пойдя на поводу своих прихотей и страстей. Ну, и что из этого вышло? Ребятишки его, теперь полные сироты, в обносках и рванье таскались с котомками по дворам, побираясь, кланчили, просили милостыню, голодали все годы войны и после неё. В письмах делились с братом тем, что для мачехи они – обуза. Она обижает их. Сестра писала, что однажды даже отравить их пыталась, еле выжили. В это, конечно, верить он не хотел, но что-то же было! Неумышленно, наверное, накормила какой-то прокисшей гадостью.

Николай переводил своё денежное довольствие сёстрам и брату, а кто бы ещё о них позаботился?

Полковник Николай Иванович Вязовов не оставлял без помощи брата и сестёр всю свою жизнь. Так он выполнял свой долг. Об этом молчаливо просила его мамка.

P.S. Замысел этой повести зародился десять лет назад, когда не стало главного героя произошедших событий. К написанию произведения подтолкнули события, а с ними и факты неожиданно и откровенно рассказанные самим героем и дополненные, подтверждённые впоследствии его родными.

Виктор ОСТРИКОВ

Божья коровка

Рассказ

*«Я успеваю улыбнуться,
Я видел, кто придет за мной...»*

Владимир Высоцкий

Пробегая легкими шажками по брустверу траншеи, утренний ветерок поднял известковую пыль и рассыпал по лицам уснувших солдат. Первые лучи восходящего солнца скользнули по свежеврытым окопам, высоко в небе зависла пицаль – птаха. Холодная ночь постепенно сменялась рассветной прохладой, но день, судя по приметам, обещал быть невыносимо жарким...

Сержант Потапов – бронбойщик, получивший боевое крещение ещё на финской, умел не только наступать, но и обороняться. После изнурительного марш-броска он вместе с напарником оказался на небольшом бугорке. Здесь они получили приказ командира роты: вгрызаться, вгрызаться и замаскироваться жесткой степной травой.

– И чтоб я вас к утру не учуял. Понятно? – Рубанув рукой воздух, выпалил командир. Через секунду он уже скрылся в темноте, продолжая на ходу отдавать указания бойцам.

Когда сержант Потапов, не успев отдышаться, опустился на землю тяжелое противотанковое ружьё, почему-то подумал, что это его последний окоп. Никакого волнения при этом он не испытал, казалось, что был равнодушен к своей судьбе. Следом упал напарник с коробками патронов. Они коротко звякнули и умолкли, словно была поставлена последняя точка здесь – на земле.

Движения сержанта Павла Ивановича Потапова были уверенными, сильными, что говорило о его напористом характере. Квадратное лицо, обтянутое загоревшей, дублёной кожей было, как бы вырублено топором из крепкого дуба. Лысая голова, прикрытая пилоткой, крепко сидела на морщинистой коричневой шее. Глаза чуть с прищуром, тонкие, плотно сжатые губы. Широкий лоб плавно переходил через переносицу вниз и заканчивался прямым толстым носом. Глаза, казалось, выцвели от палящего солнечного зноя, как и его гимнастерка. Она слипшимися складками округляла бочкообразный торс, опоясанный брезентовым ремнем. Справа на гимнастерке две нашивки – два ранения. Галифе были чуть свежее, но в заплатках на коленях. Кирзовые сапоги со скошенными каблуками. Все это ему досталось в наследство после последнего ранения: что было на складах в госпитале, в то и нарядили.

Сложив вещи и оружие в одно место, Потапов с напарником определили размер ячейки и по очереди стали долбить неподатливый суглинок вперемешку с известковыми голышами.

Первым за дело взялся Потапов. Обхватив рукоять двумя руками, он со всего размаху стал вгонять стальную пластину в каменистый грунт. Но ладони с натёртыми кровавыми мозолями по-предательски не хотели держать черенок лопаты. Обессилев, он облокотился на край окопа и выдохнул: «Ну, молодой, давай, сгребай и наперед кидай горкой, горкой».

Толя Сёмушкин, только прибывший с пополнением, видя, как первый номер упорно врзается в белый суглинок, спрыгнул в окоп и ладонями стал выбрасывать землю на бруствер. Хотелось передохнуть, но он терпел. Ведь он напарник у самого Потапова! Сержанта, который, говорят, коробки – немецкие танки – щёлкал, как семечки.

– Ну что, подскрёб? Давай, вылезь, – слышался его голос.

Сержант Потапов понимал, что сейчас там, на западе, ложится под немецкие гусеницы войсковой заслон, который давал им всего несколько часов, чтобы фашистам при наступлении было во что упереться.

– Я хочу, чтобы вы знали – за нами земли нет, – сказал тихо комбат на переключке.

А бронбойщики всё долбили и долбили грунт... Но начинал раздражать старшина, который время от времени орал на них, не давая остановиться.

– Плохо копаете, плохо!

Потапов от злости понукал напарника, которому оставалось только проклинать каменистый спасительный бугорок. К утру они, наконец, вошли в землю по грудь.

– Всё. Перекур, – сказал Потапов и полез в карман за табачком.

Он уже начал обдумывать, как замаскировать позицию, но вдруг опять ниоткуда возник старшина:

– Ну что, в полный рост?

– Почти, еще два ряда и зачистим, – ответил Потапов.

– Ты, как всегда, первым окапываешься, но последним вылезает. Ладно, пойду соседей ваших подгоню.

По ячейкам пробежала команда, нести котелки в лощину. Наконец-то, подошла затерявшаяся со вчерашнего

дня кухня. Сёмушкин, не дожидаясь вторичного приглашения, перевалил через насыпь, постукивая посудой, и волоча портянкой, отмотавшейся обмотки с правой ноги, скрылся в темноте.

– Вот бестолочь криворукая, сколько не показывал, а она у него все равно болтается. И почему только на правой ноге? Вот вернётся, я ему левую обмотку на правую поменяю. Может, тогда перестанет сползать? – промычал Потапов и сплюнул в сухую известковую пыль.

Всю дорогу на марше из-за этой обмотки напарник отставал. Кто-то сзади наступал на нее, он спотыкался вместе с коробками и все время дергал за противотанковое ружьё, мешая сержанту идти вперед.

Потапов обернулся, собираясь в очередной раз обматерить незадачливого солдата, но увидев его очумелые от усталости глаза, остыл. Он помог ему закрепить на ноге обмотки, взваливал на себя почти весь ствол и, кривясь от тяжести, рванул вперед, словно вытягивая из болота грузженую телегу.

Сержант вспомнил своего бывшего напарника, которого в недавнем бою резануло осколком так, что снесло часть черепа. Боец лежал на животе, зажав в онемевшей руке свой последний патрон. Потапов пытался разжать его пальцы, но ничего не получалось. В это время танки били прямой наводкой. Следующим разрывом его окутала темнота, а когда осела пыль, он увидел рядом патронную сумку, из которой выглядывали чёрно-красные головки бронбойных патронов. Схватив один и машинально отерев о гимнастерку, Потапов вогнал его в приёмное окно и привычным движением затвора дослал патрон в патронник.

Втащил ПТР на бруствер и вовремя. Прямо на него, чуть вправо, ползла в дыму, квадратная башня немецкого

танка. Покачивая набалдашником ствола, лязгая гусеницами, машина вламывалась в густую растительность сада. Потапов следил за дрожащими верхушками деревьев и ждал его появления. Земля вибрировала мелкой дрожью. Танк шёл рывками, осторожно, заползая за пригорки и беспрестанно поливая впереди себя огнём из пулемёта. И вот, когда эта «тварь» вползла на очередной пригорок, на секунду оголив днище, Потапов прижал обтянутый кожей приклад покрепче к плечу и нажал на спусковой крючок. Следующий взрыв поднял Павла вместе с «бронбойкой».

Он очнулся уже в окопе, куда его перебросило взрывной волной. В голове звенело. Он постучал ладонями по ушам и понял – не оглох. Пошарив в белой известковой пыли, Потапов нашёл сумку с патронами.левой рукой поднимая приклад, а правой вгоняя патрон в патронник, он выглянул из окопа. Танк кружился на месте, ужаленный бронбойной пулей сержанта.

Вытолкнув тяжёлый ствол на край окопа, он увидел, как его недобитая «тварь» дёрнулась: резкий всплеск красного пламени отделил баиню от корпуса, и она, тяжело воспарив, рухнула в стороне. Её ствол, словно указательный палец, бесполезно грозил кому-то сквозь обожжённые ветви деревьев.

– Вот те, на! Кто это добил «моего»?

– Иваныч! Гляди, слева еще заходит, – Потапов вдруг услышал хриплый голос старшины.

– Зажигай его, мы пехоту отрежем.

– Бей, Паша, давай, а то нам хана.

Потапов крутнул головой. Из низко стелющегося дыма сначала показался ствол, а затем и танк. Гусеницы прятались за обочиной, поросшей кустарником. Раскинув ноги и прижав приклад, он слился со своим бронбойным ружьём.

Вокруг него что-то горело, земля вибрировала, грунт поднимался от разрывов к небу. Но сержант был сосредоточен. Сузив глаза и ища место, куда всадить броневой-но-зажигательный заряд, ждал подходящего момента для точного выстрела. Тяжёлая масса танка вминала в землю всё, что попадалось на пути. Двигатель ревел от напряжения. И вот танк влез на бруствер, пытаясь сровнять с землей солдат в окопах, но при этом показал Потапову свою ахиллесову пяту.

Выстрел! Потапов понял – попал! Но танк продолжал елозить по окопам, издавая надрывный рёв, смрад выхлопных газов и ещё, что-то неживое, противоестественное. Видимо механик совсем озверел и плохо понимал, что он на прицеле, и по нему бьют.

Сержант уже более хладнокровно вбивал броневые заряды в моторную часть, под башню, по гусеницам... И вот машина в последний раз дернулась и застыла. Через какие-то секунды из моторной части выползла струйка белого дыма, следом черно-сизое облачко, из которого вырывались сначала мелкие языки пламени, а потом появились огромные красные всполохи. Бой нарастал...

На днях старшина поставил в расчёт к Потапову этого парня, Сёмушкина, мальчишку совсем. Он ещё и привыкнуть-то к нему не успел.

Наконец, Сёмушкин приволок котелок, полный какой-то смеси, состоящей из макарон и пшена. Еда не шла, Потапову хотелось только пить и спать...

Он проснулся от окрика старшины, который прошёл мимо их укрепления. Потапов головой прислонился к холодной стали противотанкового ружья. Из земляного колодца он посмотрел на небо. На высоте ствола подвисла цветная тряпица. Ночью, когда долбили окоп, он обмотал конец ствола ПТР, защитив его от пыли и мелких камешков.

– Когда это я успел? – Улыбаясь, подумал сержант.

Отец на охоте всегда наказывал ему прикрывать тряпицей ствол, чтобы по ходу в него не попадали сломанные веточки деревьев, крошки трухлявой коры. При стрельбе они могут и дуло разорвать. Вот и он механически, по-хозяйски сделал это важное дело.

Вдруг он заметил, как по этой тряпице ползет букашка – кругленькая, красненькая с черными точками.

– Божья коровка! Откуда ты взялась? И не страшно тебе на войне? – разговаривал сам с собой Потапов.

Он слегка потряс ствол, чтобы букашка улетела отсюда прочь. Но жучок только ползал по тряпице.

– Товарищ сержант, вы её ноготком щёлкните, и она полетит. Я так дома делал. Враз взлетит. Я на огороде их пулял. Наберу и щелкаю. Здорово получается! – неожиданно проснулся Сёмушкин.

Только теперь Потапов смог более внимательно рассмотреть этого парнишку. На него смотрели почти детские глаза цвета жидкой синьки. Припорошённые известковой пылью белесые ресницы моргали, как кедровые лапники под ветром, а опухшие губы растянулись в улыбке, показав зубы, что находили друг на друга, и из всего ряда удивительно белые выделялись два первых, крупных, как саперные лопатки. По округлому лицу мелко рассыпались веснушки, собравшись плотно на кончике носа.

Выросший в большой семье, состоящей из одних женщин: бабушки, мамы и сестер, он только и слышал: «Наш младшенький, наш сахарный». А мальчик всё мечтал и мечтал об отце, который умер, когда Толику было три года. И вот на войне ему повстречался крепкий, высокий, с твердым голосом человек, которому хотелось довериться.

– Показывай, коли знаешь, как это щелчком, – сказал Потапов, уступая место молодому солдату.

Толик осторожно снял с тряпицы божью коровку. Стал её рассматривать, переложив на ладонь.

– Не-е! Не полетит она! У нее крыло, кажись, сломано. Видно, оно не складывается совсем, – заключил рядовой Сёмушкин и посмотрел на сержанта.

– И что теперь? – с хрипотцой выдавил Потапов.

Наступила пауза. И вдруг их накрыла тень старшины: «О чём вы тут?»

Потапов быстро выбрался из укрытия и доложил:

– Окоп вырыт по полному профилю и к бою готов. Патронов, правда, маловато, – отчеканил сержант.

– Божья коровка, улети на небо, там твои детки кушают конфетки, – увлеченно запричитал Сёмушкин.

– Чего вы тут херней маетесь!

Сёмушкин из окопа выставил ладонь:

– Это божья коровка, товарищ старшина, только она летать не может, но, видно, что хорошо ходит.

– Я тебе рядового дал в напарники, чтобы ты его делу учил, а вы тут устроили ветеринарный пункт по лечению насекомых. Давай Сёмушкин дуй в обоз за патронами! Скажешь, я распорядился – десяток отмерят и, помедлив, добавил, заодно загляни в медсанбат. Отнесёшь раненую букашку, – ухмыльнувшись, заключил старшина.

Зажав в кулаке божью коровку, солдат выпрыгнул из окопа и побежал к обозу...

Сёмушкин не помнил, как взрывной волной его отбросило куда-то в сторону. Очнувшись, он только почувствовал, что по его лицу ползает божья коровка.

Немцы начали артподготовку, понял молодой солдат, и пополз назад, в укрытие – в ближайшую воронку, которая внезапно образовалась там, где он только что оставил старшину и сержанта.

Краснов Алексей Павлович (1923-1998)
"Портрет старшины милиции Ильина."

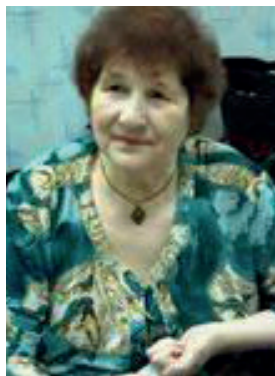
Рябинский Андрей Евгеньевич (род.1958)
"Натюрморт с гвоздиками."

Краснов Алексей Павлович (род.1923 г.)
".....За землю родную. "

Краснов Алексей Павлович (1923-1998)
"....."На оборонительных рубежах (Витя-водонос). "

Зинаида КОРОЛЁВА

Последний бой

Рассказ

Капитан следственного отдела Маркин Игорь Юрьевич только что закончил оформление документов для передачи дела в суд и облегчённо вздохнул. Он прикрыл уставшие глаза, минуту посидел так, затем потянулся с хрустом, расправляя затёкшие, застоявшиеся косточки. На душе у него было легко и радостно от предвкушения положенного отпуска. Совпало так, что у младшего братишки Митьки тоже подоспел двухнедельный отпуск, и они решили съездить на могилу деда Андрея. Они были там лет пятнадцать назад, когда другой дед – дед Пётр – возил их по местам боёв Великой Отечественной войны: целую неделю они ходили по полям, искали заросшую дёрном могилу. Будто по внутреннему компасу, Пётр Кузьмич уверенно вёл их от пригорка к пригорку, часто присаживался возле еле заметных маленьких холмиков – старых солдатских могил, и подолгу сидел, погружаясь в свои думы. Ребята не приставали к нему с вопросами, не тревожили, а молча бегали, присматривались к торчащим кускам железа. Матушка-землица выталкивала из себя инородные предметы. Ребята насобирали по пригоршне стреляных гильз, а Митьке попались две ржавые пули.

Сколько раз ребята просили деда показать, как стреляет его именной пистолет, но он твёрдо говорил, что оружие – это не игрушка. А отец, услышав их просьбу, строго-настрого приказал:

– К оружию ни под каким предлогом не подходить, а лучше всего – забыть о его существовании. Когда подрастёте, поведу вас в тир.

И правда, несколько раз они ходили в тир с отцом, но разве можно было это сравнить с боевым оружием, да ещё – с дарственной надписью от командующего?

Но послушаться отца было противоестественно, и они забыли о пистолете. Тем более что деда они любили: он заменял им отца и мать в их долгих командировках. Мать – военврач, хирург, со своим госпиталем часто выезжала во все горячие точки. А отец – военный, тоже не сидел на месте, и родители частенько оказывались в одних и тех же местах. С началом афганской войны мать работала в центральном госпитале, а отец из штаба округа изредка навещался к ней. И в злополучный 1983 год он был там полгода в командировке и в тот день улетал домой: мать поехала его провожать. Их машина попала под обстрел душманов, и они оба погибли.

После похорон у деда началась нервотрёпка: детей решили отдать в детдом, а он добивался оформления опекуна над ними, но попалась въедливая сотрудница в горно, придралась к фамилии: «Почему они разные у вас?» И тут выяснилось, что дед усыновил их отца, взял его из детдома: обещал умирающему другу на фронте, что найдёт его сына, поможет вырастить, подняться на ноги. И после долгих скитаний по госпиталям дед первым делом разыскал Юрия в детдоме, куда тот попал из разбитого эшелона. Что стало с его матерью, он не знал. Дед тогда усыновил его, а фамилию отца оставил: решил, что так будет справедливо – отцова ветвь не должна засохнуть.

Когда у Юрия родился первенец и он решил дать ему имя Пётр в честь приёмного отца, дед стал возражать:

– Если хочешь оказать мне такую честь, то лучше назови именем моих погибших сыновей, пусть в твоих детях они оживут.

Так и появились Игорёк с Митькой. И не было для деда Петра дороже и роднее их. Вынянчил, выпестовал внуков, и вот теперь их хотели разлучить. Дед ходил по всем инстанциям, возмущался бездушием чиновников:

– Ханжи бессердечные, как могут они разлучить родных людей? Да неужели в детдоме детям будет лучше, чем с родным дедом? Тут у них свой дом, всё родное – они же с пелёнок со мной живут. Что же я четыре года не проживу до совершеннолетия Игорька? А потом тот сам сможет взять опеку над братом.

Никогда Пётр Кузьмич не вынимал свои награды и внукам не позволял играть с ними, говорил, что это баловство, а они кровью омыты. А тут достал коробочку с орденами и медалями, прикрепил к выходному костюму и пошёл на приём в обком КПСС. Пришёл оттуда гордый, говорит, что за пять минут всё решилось:

– Поднял трубку секретарь и приказал оформить опеку и больше не тревожить старика. Да ещё и квартиру обещал.

И квартиру они получили – сдержал слово секретарь.

А дед прожил не четыре, а десять лет, и если бы не бандитская пуля, то мог бы ещё пожить. Но даже и за эти годы он успел поставить на ноги, дать образование внукам: Игорь закончил медучилище и работал фельдшером на «скорой». Учиться дальше не стал: надо было уезжать в другой город, а он не хотел оставлять деда одного, тот уж стареньким стал, часто прихварывал. А Митька уехал в Москву в высшую школу милиции. Квартира родителей все эти

годы была опечатана, вот он и поселился там.

После окончания школы дед спросил Митьку:

– По чьей же линии пойдёшь, сынок, чей путь продолжишь – папкин или мамкин?

– Я по отцовой линии пойду. Только служить буду не в армии, а в милиции. Дед Андрей милиционером был, кто-то должен его заменить.

Дед волновался за него, посылал Игорька посмотреть, не загулял ли брат? В последний раз Игорь приехал и смеётся:

– Деда, а наш Митька женился.

– Как это так – женился? А почему тайком? – возмутился дед.

– А он боится, что ты ругаться будешь, – в голубых глазах Игоря разливалось целое половодье чувств: и гордость за братишку, за его решительность, и радость общения с дедом – он любил наблюдать за его реакцией на все события жизни.

– Да что же такое в его женитьбе противоестественное, что он боится меня?

– Да жена старше его.

– И на много?

– На пять лет. Но не это главное – ребёнок у неё, сынишка, Андрюшка.

– А где же отец мальчонки? – строго спросил Пётр Кузьмич. Он болезненно относился к полусиротству или сиротству детей.

– Обманул он её – обещал жениться, а как узнал о ребенке, так и сбежал. Она врачом работает. Самостоятельная, деловая женщина. И сына хорошо воспитывает.

– Вот видишь, Митька-то наш серьёзнее тебя оказался: сироту обогрел, поможет дитя воспитать. Женщине одной трудно парня растить, тут мужская рука нужна. А то или

не досмотрит и парень от рук отобьётся, или переласкает, и парень бесхарактерным вырастет. А отцова строгость только на пользу бывает. Поеду, посмотрю сам. Может быть, хоть от него детишек дождусь, а то ты-то, похоже, в девках просидишь, – Пётр Кузьмич весело рассмеялся.

– Деда, да какие мои годы? Ещё целый десяток могу спроектировать.

– Вот и беда, что только проектируете, а в жизнь не претворяете. А годы не стоят на месте, они бегут, а ты и учиться дальше не хочешь, и не женишься, – ворчал дед.

На другой день дед уехал в Москву. Приехал через неделю. Был очень доволен, ходил и улыбался, потирая руки:

– Митька-то весь в отца, в Юрка: такой же серьёзный, рассудительный. А ты знаешь, Игорюша, они же ребёночка ждут. Мне такое счастье – правнучка дождусь.

Игорь не мог нарадоваться на деда – куда все его недопомогания подевались: с таким энтузиазмом поехал на дачу и ни разу не болел там. А через три месяца его не стало.

В тот августовский день 1994 года Игорь дежурил в первую смену и на ночь собирался ехать к деду. Весь день какое-то беспокойство тревожило, и дежурство таким длинным казалось. Последний вызов был на окраину города. И когда уже сели в машину, после оказания помощи больной, Игорь попросил шофёра:

– Гена, подбрось до деда.

– Поехали. Как он? Без телефона там плохо – а вдруг приступ?

– Да пока Бог миловал, он молодцом держится.

– Ты погляди, кто-то из ракетницы палит, – возмутился Геннадий. – Вон, смотри вправо.

– Гена, друг, гони, это дед. У него отцова ракетница осталась на память. Он и её, и пистолет взял с собой. Что-то случилось там.

– Мне послышался пистолетный выстрел. Точно, вот ещё один. А это другой калибр. Ты смотри, как из пулемёта, строчит. – Геннадий ехал, наполовину высунувшись из кабины. Точно также с другой стороны торчала голова Игоря. Он считал:

– ...пять, шесть. Это дедов пистолет. Мы с Митькой всё же уговорили его выстрелить один разок. Вот он и отсалютовал на могиле родителей, когда им исполнилась годовщина. И ещё сказал тогда: «Ну вот, шесть осталось, чётное число. Нехорошо это».

– Зачем он это говорил, притягивал к себе беду, – прошёптал Игорь, а потом крикнул: – Да что же ты тащишься, как черепаха?! Гони быстрее!

– Что ты, Игорёк, ты глянь на спидометр – скорость сто. Из моей развалюхи больше не выжмешь. Да мы уж приехали. Вон бандитская машина-фургон. Уходят они.

– Догони, Гена, догони их, – простонал Игорь.

– Нет, Игорёк, далеко они, и мотор у них не то, что у меня. Но ты не беспокойся, я эту машину срисовал намертво, я их из-под земли достану. Это я тебе как бывший мент говорю. Пошли к деду.

Машина ещё не остановилась полностью, а Игорь выскочил из кабины и вбежал в открытые ворота: дед сидел в дверях домика, держась за бок. Сквозь пальцы сочилась кровь.

– Деда, ты живой?! Потерпи, я сейчас перевяжу. – Игорь выхватил из чемодана стерильный пакет, освободил рану и стал лихорадочно бинтовать. Повернул голову к подошедшему Геннадию, приказал: – Носилки давай!

– Уже рядом стоят. Идиотизм какой-то: «Скорая», а нормальную помощь оказать не можем, у нас же все препараты кончились. Думал, что только в милиции начался кавардак, а в медицине ещё хуже. Но ничего, успеем довести до больницы, успеем.

А Пётр Кузьмич виновато и просяще смотрел на Игоря:

– Я подстрелил мальчонку, он в малиннике спрятался. Не тронь его, сынок, не ожесточайся, не запятнай своё имя. Помоги ему, возьми его из малинника.

Геннадий побежал в дальний угол участка и вынес оттуда дрожащего, грязного мальчишку лет десяти и отнёс в машину, затем на носилках занесли деда. Возле машины их ждала соседка с бумажкой в руке:

– Игорь, это мой адрес, разыщи меня. Здесь я боюсь оставаться. Пропади пропадом эта дача вместе с урожаем, пусть эти фашисты подавятся. Они мне напомнили войну – такая же наглость и жестокость. Езжайте, может быть, успеете довести Кузьмича.

Машина рванула с места на предельной скорости и помчалась к городу. Игорь хотел перевязать мальчишку, но он отвёл руку:

– Не надо, спасайте деда, а мне всё равно подышать. Какая разница, когда это произойдёт – днём раньше, днём позже.

Игорь удивлённо посмотрел на него: голос мальчишки был голосом взрослого человека, да и глаза не детские, а даже старческие, страдальческие. Мелькнула мысль: «Может быть, он лилипут?»

А дед слабел. Игорь перерыл весь свой чемодан, но сердечных препаратов не было. От злости и от безысходности он скрежетал зубами, но ничего не мог поделывать. Нужна капельница, а машина не была оборудована.

У деда начинался бред, он шептал:

– Митька, ты жди меня, я привезу яблоки, они ядрёные уродились. Ты, самое главное, жди, дед не подведёт тебя.

Потом стал кого-то уговаривать, просить: держитесь, братки, держитесь!

Перед глазами Петра Кузьмича встала картина последнего боя возле села Черкасское, о котором он часто вспоминал и рассказывал ребятам. Вот он, как будто сейчас, выпрыгнув из окопа на минуту и обернувшись, увидел, как сбоку на бруствер окопа вполз немецкий «Тигр», всей своей мощью опустил на орудие и проутюжил его вместе с расчётом, а затем двинулся к соседнему орудию. Там раздался выстрел, снаряд пробил борт, и танк загорелся. Пётр даже закричал: «Ура!» Но горячий осколок вонзился в его ногу и прервал восклицания. Он только заметил, что соседний расчёт продолжал вести бой и, захватив уцелевший ящик со снарядами, стал продвигаться к ним, всё время повторяя! «Держитесь, братки, сейчас я принесу снаряды». Из раны в ноге текла кровь, но он не замечал этого, а упорно полз от своего уничтоженного расчёта к соседнему, откуда всё яснее доносился зычный голос заряжающего, его друга Андрея: «Снаряды давай, едрёна феня, снаряды!» И Пётр спешил, непрерывно повторяя: «Потерпи, Андрюха, потерпи, иду я, иду!» Он был почти рядом с орудием, когда снаряд из приближающегося «Тигра» разорвался рядом с пушкой, и весь расчёт разбросало по сторонам. Пётр подполз к орудию – оно было цело. Он посмотрел на солдат: кто лежал ничком, обняв землю, кто на спине, устремив застывший взгляд в небо, будто прося у Бога то ли помощи, то ли прощения.

Наводчик Гуськов и Андрюха были живы, но тяжело ранены. У Гуськова половина головы была залита кровью, один глаз не открывался.

– Ну, всё, братцы, моя война кончилась, пойду в деревню, может, свои подберут, успеют в госпиталь отправить. Четверо у меня сынов, Бог даст, повезёт, дождутся отца. – Гуськов встал на колени и пытался подняться во весь рост. Пётр закричал на него:

– Ты куда вверх лезешь?! Ещё и с пулей-дурой по-

целоваться захотелось? Тогда уж сынов своих не доведётся тебе повидать. Наше дело – поближе к земле держаться, она, матушка, укроет.

Пётр подполз к Андрею, посмотрел на рану на животе, а тот прикрывал её окровавленными руками, задерживая кровотечение.

– Ох, Андрюха, как же ты не уберёг себя, подставил пузо фашисту? Такая рана – верная погибель, – сокрушался Пётр, накладывая повязку.

– Так ты же сам сказал, что пуля – дура, она не разбирает, куда попасть. Дед, посмотри, что там скрежещет?

Пётр выглянул из окопа и увидел далеко отползшего Гуськова, а справа приближался «Тигр» к соседнему расчёту, орудие которого молчало. Вдруг из того окопа выскочил солдат со связкой гранат и пополз навстречу танку.

– Ты смотри, Андрюха, от соседей кто-то ползёт к «Тигру». Да это ж амурский Лещ! Ах, Толька, Толька, что ж ты делаешь, пацан? Эта махина проутюжит тебя, и мокрого места не останется – только комок грязи, – с сожалением почти простонал Пётр. – Ты потерпи, братуха, я попробую остановить танк. О, он там не один, их два: один за другим движутся, а потом перебинтую тебя.

Пётр зарядил снаряд, нашёл в перекрестии прицела танк и нажал на спуск. «Тигр», охваченный огнём, остановился. Задымил и танк, подбитый Лещёвым Анатолием. Пётр оглянулся назад – Андрей лежал рядом.

– Ты что, Андрюха, зачем? Тебе же нельзя шевелиться!

– Ты же сам сказал, что всё равно хана. Ты вот что, дед, помоги сесть в кресло, я за наводчика поработаю, снаряды мне не поднять. А на рану я наложил хомут: полотенце скатал и ремнём стянул. На немного меня хватит. У меня к тебе просьба, дед: живым если останешься, то разыщи сына

моего, помоги ему встать на ноги. Адрес у меня в кармане. И скажи ему: пусть помнит отца.

Пётр помог Андрею сесть к орудию, а сам ворчал тем временем:

– Дед, дед... Какой я тебе дед? Я всего на три года старше тебя. Если бороду отпустил, то и дедом называть можно? А насчёт сына не беспокойся – останусь живой, то обязательно разыщу.

– Ты прости за деда. Только если молодой такой, то почему голова бела?

– Было дело, – он вздохнул, – жена и дети в одно мгновение погибли. Я в Ленинграде служил. Дали мне три дня отпуска, чтобы вывезти семью – истощены были до предела. Вот и повёз их по дороге жизни. А тут налетел стервятник, сбросил бомбу. Я успел выпрыгнуть из кузова, а машина под лёд ушла. Как же жена не хотела ехать, я силой заставил, в кабину усадил. Вот и поседел сразу. Думал, что снегом припорошило, а нет, намертво прихватило. Ты глянь, браток, на нас ещё два «зверя» движутся. Давай, наводи, Андрюха, а я помогу тебе крутить колесо.

– Крути, братуха, вправо, чуть-чуть влево. Стой, есть! На, получай «гостинец», гад ползучий.

Расстреляв все снаряды, Пётр победно глянул на Андрея:

– Ну что, брат, пять танков на нашем счету! Да ты что, дружище, ты что?

Он подхватил падающего Андрея, уложил на землю – тот был мёртв.

Пётр проверил его карманы: в каждом лежала записка с домашним адресом. А во внутреннем кармане гимнастёрки было письмо с фотографией парнишки лет десяти.

Внезапно бой прекратился. Уцелевшие фашистские танки поспешно разворачивались и уходили назад.

За спиной Пётр услышал рёв машин – это наши «тридцатьчетвёрки» шли плотной волной. Он обессилено опустился рядом с Андреем.

Вслед за танками шли санитарная и похоронная роты. С их помощью Пётр вырыл могилу и похоронил Андрея с товарищами.

– Ну вот, братуха, лежи, отдыхай, ты своё дело хорошо сделал, долг выполнил сполна. Жив останусь, приеду, навещу. А сейчас, похоже, что и для меня это был последний бой – с ногой что-то неладное, я не чувствую её...

Откуда-то издалека до Петра Кузьмича донёлся молодой, до боли родной голос Игоря:

– Деда, деда, не уходи! Потерпи, деда, мы уже подъезжаем. Не умирай, деда-а!

Пётр Кузьмич из последних сил сжал руку Игоря, державшую его, громко, отчётливо крикнул:

– Держитесь, братки! Мои сыны за вас отомстят.

Он глубоко вздохнул, вытянулся, и тело его обмякло. Игорь, не сдерживаясь, заплакал.

После похорон Игорь вместе с Митькой поехал на дачу. Соседка работала на своём участке. Она-то и рассказала, как всё было в тот злосчастный день.

– Накануне эта машина подъезжала к вашей даче: они будто бы кого-то искали, а сами всё высматривали. А Пётр Кузьмич такой бесхитростный, душа нараспашку. Вот он и пооткровенничал, сказал, что внук через день утром приезжает. Я тогда сказала, что зря он перед ними душу оголяет, а он свёл всё к шутке. Но мне строго-настрого приказал, если они опять явятся, чтобы я спряталась в домике. «А у меня пушка есть, я отпугну их», – успокоил он меня.

– А на следующий день они явились к вечеру. Шли открыто, самоуверенно, ну прямо как фашисты. Шли гра-

бить. Тащили за собой ящики, коробки, мешки.

Кузьмич вышел из дома, предупредил их:

– Ребята, вы бы уходили отсюда, а то неприятности будут.

Один из них, кого они называли Лёхой, захохотал:

– Вы смотрите, дед нас напугал.

А Кузьмич стал стрелять из ракетницы в воздух. Тогда Лёха выхватил обрез и выстрелил в деда, хотел выстрелить второй раз, но подбежал мальчонка, стукнул его по руке, пуля задела мальчонку, а он ещё раз стукнул, и обрез отскочил в сторону. Лёха в ярости схватил пацана и отшвырнул, как щенка. И тут прогремел первый выстрел Кузьмича, потом второй, третий... Он стрелял то в воздух, то по ногам. Эти шакалы в страхе побежали с участка, а тут и вы подъехали. Геннадий записал мои показания, нашёл обрез и всё отвёз в милицию. Сейчас поехал к тому мальчонке в больницу. Он, оказывается, сирота, уже несколько лет бомжует. Ему пятнадцать лет, а выглядит десятилетним. Они с этим Лёхой из одного города в Узбекистане, только по-разному живут: этот на свалке, а Лёха машину купил, квартиру. И всё на вырученные огородные деньги. Озлобился совсем, зверем стал. А этот наоборот: голодный, промёрзший, а душа чистая. Кузьмич-то подумал, что это он подстрелил мальчика. Душа-то теперь страдает. Игорёк, а Геннадий-то решил вернуться в милицию. Говорит, что для него дело чести – посадить этих выродков. Я считаю, что он правильно поступает: будь я помоложе, я бы этих нелюдей и под землёй разыскала и заставила ответить перед законом.

Игорь тяжело, с раскаяньем вздохнул. Он был очень привязан к деду, больше, чем Митька, и потому чувствовал свою вину в нелепой его смерти, в том, что недостаточно уделял ему внимания. Из-за нервозности с похоронами, из-за угрызения совести он изменился не только внешне, но и

внутренне: если раньше он казался самоуверенным, холёным красавцем, то сейчас его вид напоминал долго болевшего человека – лицо осунулось, взгляд был растерянным и виноватым. Он мучительно произнёс:

– Последние дедушкины слова были о том, что его сыны отомстят. Значит, и мне пора в милицию, он же нас с Митькой считал сыновьями. Андреевна, как вы думаете, яблоки пора обрывать? Деда собирался Митьке их отвезти. Всё ходил и радовался урожаю.

– Конечно, можно и нужно. Не эти упыри, так кто другой оборвёт – уж очень хороши Кузьмичёвы яблоки. Это ж надо, в какое время живём, когда каждый норовит у тебя что-то отнять. Неужели так и останется?

– Поживём – увидим, – ответил подошедший Геннадий. – Здорово, мужики. Я ящики привёз, надо яблоки собрать. Оставим пока в домике, Андреевна тут присмотрит. Нельзя допустить, чтобы труд Кузьмича пропал даром.

* * *

Прошло десять лет с того дня, а Игорю кажется, что это было вчера. Он сменил профессию – ушёл работать в милицию, окончил заочно юридический институт и теперь работал следователем. Тех бандитов Геннадий нашёл и довёл дело до суда – всем дали большие сроки, кроме Юрка, того подстреленного пацана. Ранение у него оказалось серьёзным, без палочки ходить он уже не мог. Из больницы его забрал к себе Игорь. После девятого класса в вечерней школе он окончил курсы телерадиомастеров и с тех пор работал в мастерской. Оттаял душой – оказался сообразительным, весёлым парнем. И ростом подтянулся. Дачу дедову не бросили – там Юрок хозяйничает. И за могилой деда тоже он больше ухаживает, а заодно и могилу родителей Игоря содержит в порядке.

А у Игоря семейная жизнь не складывается – не по-

палась такая женщина, которая бы приняла в своё сердце и Юрка. А расстаться с ним Игорь не может: он принял его за младшего брата и за эти годы сроднился с ним. Думает, что и дед одобрил бы его. Он все эти годы свои поступки сверяет с поступками деда: мог же тот после войны найти жену по душе – невест хватало. А он разыскал сына друга, воспитал его, а затем и его детей. Так что он понял бы Игоря и одобрил. Зато Митька отдувается за него: уже четверо совместных, кроме усыновлённого. Летом опять приедут на дачу, скучать не придётся.

В кабинет вошла секретарша.

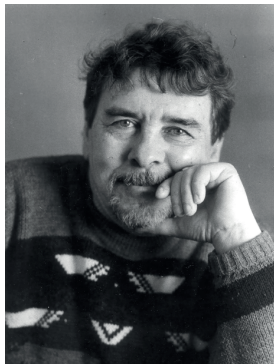
– Игорь Юрьевич, вам новое дело принесли.

– О нет, я с сегодняшнего дня в отпуске. Наконец-то мы с Митькой состыковались по отпускам и едем к деду Андрею на могилку. Потому, ласточка моя, ты меня не застала, я уже в пути.

Секретарша рассмеялась:

– Вы даже не хотите узнать, какое это дело?

– А что ты мне приносишь, кроме огородных дел? Это же неиссякаемая тема. Вот вернусь из отпуска, так ты ещё такое же раскопаешь. А сейчас – уволь, меня нет, я испарился, весь вышел. Вот эти бумаженции отправляю, и в путь-дорожку на Митькиной старой колымаге – он её всю зиму ремонтировал, готовил к походу. Берём с собой его старших Андриюшку и Петушка, Юрка. За неделю проедем маршрутом воинской части наших дедов до места их последнего боя, поставим новый крест на могилке. Пусть дети пройдут живой урок истории, прикоснутся руками к святой земле, почувствуют запах полевого костра. Это запомнится им на всю жизнь.

Аркадий МАКАРОВ

«Писать стихи я не бросал. Просто они меня бросили...»

Интервью с писателем Аркадием Макаровым

Корреспондент: Аркадий Васильевич, Вы родились в 1940 году, страшно подумать, прошлого века, что Вы помните о том времени?

– Слава Богу, Тамбовщина не входила в зону боевых действий, но всё равно прогорклый ветер войны с первым криком вошёл в меня, свернулся там, в комочек, в пружину, и до сих пор живёт у меня в груди и не отпускает... Шла мировая война, и я уже слышал тревожные разговоры близких: о смерти, о гибели земли, и на уровне инстинкта, в меня входила Большая Беда. Приходили в дом горестные люди, горько плакали, а может, пели горькие протяжные песни, от которых кровь стыла в моём младенческом сердце. Так я помню... Я думаю, оттуда такая грусть в моих стихах. У меня есть цикл на военную тему, который так и называется: «Мы дети, опалённые войной, мы дети, озарённые Победой». Да, что там говорить! Повернём коней в сторону...

Корр: Хорошо. Если кони сыты и напоены, поведём разговор на другую тему: Расскажите о своей первой публикации, и вообще, как Вы стали писать стихи?

– Эта тема меня и до сих пор озадачивает: я жил в большой, многолетней, а значит, в малообеспеченной семье, где вопрос «чем занимается ребёнок и чем интересуется» никогда не стоял. Растёт, ну и, слава Богу! Озоровал в школе? Конечно, озоровал! Как же без этого? Учился, не то, чтобы прилежно, но на уровне. Особо оценками не заморачивался, но двоек старался избегать. История и литература были моими любимцами. В пятом классе я взахлёб прочитал книгу «Спартак» итальянского писателя Джованьоли. Эту книгу мне как прилежному ученику подарила учительница истории, незабвенная Вера Ивановна, к сожалению, фамилии я не помню. Она вскоре трагически погибла при родах. Царствие ей небесное! А вот имя её помнится... Эта книга открыла мне удивительный героический мир Древнего Рима, где цена освобождения от рабства – собственная жизнь. Нам бы в поучение... Вечная книга! Читал я, конечно, запоем. Читал всё, что попадалось в нашей библиотеке. По-моему, тогда плохих книг просто не водилось, всё шло в пользу. Долгие раздумья над прочитанным порождали в мальчишеской голове разные фантазии, которые я пробовал записывать складно, то есть, в рифму. В нашей школе, а школа у нас была чудесная, устраивались литературные вечера, конкурсы, где предлагалась написать стихи на какую-нибудь тему. Я всегда с радостью принимал в этих конкурсах участие, иногда получал призы. Тогда, помнится, шла война в Корею, и я написал что-то вроде: «Америка, Кошцева сестра, Америка, душа твоя пуста», ну что-то в этом роде... Отнёс в нашу районную газету и, к моей радости и удивлению, стихи были опубликованы и даже получен, как тогда и полагалось, гонорар, который я тут же реализовал: купил целый килограмм конфет «Золотой Ключик» на радость всего класса. Так началась моя литературная жизнь.

Корр: Кто на Вас оказал самое сильное влияние в литературе?

– Конечно, Сергей Есенин! В школе его не изучали. Больше читался Исаковский, Джамбул Джабаев, Твардовский, Симонов... А Есенин на меня подействовал как ожог, как удар тока, как нож из-за угла. Необычные для школьника стихи! Эта маленькая жёлтенькая книжица, найденная случайно в районной библиотеке, повергла меня в шок. Вот, оказывается, какие стихи бывают! Потом, уже после школы пришёл Павел Васильев, потом-потом гениальный Юрий Кузнецов, на семинаре у которого я был дважды и считаю это для себя большим счастьем... У нас на Руси много поэтов, которым можно завидовать...

Корр: Какое своё произведение Вы считаете наиболее удачным?

– Трудно сказать... Но, по-моему, это русская сага «На той стороне», книга прозы о моём родителе Макарове Василии Фёдоровиче, очень самобытном и интересном человеке, ещё опубликованный в издательства «Аэлита» роман «Не взывай к справедливости Господа»... Ко всем произведениям теперь относишься, как к своим детям – который из них хорош? Это – как люди скажут...

Корр: Всё ли удалось опубликовать, что написали?

– Я – человек по своей натуре очень ленивый. По жизни мне приходилось всё время работать: сначала – с кувалдой рабочим, затем, после технического института, с чертежами и проектами, как инженеру. Писал и пишу крайне мало: всего около двух десятков книг, как поэтических, так и прозы. Всё, что я написал, опубликовано в разных издательствах, как центральных, так и в региональных. Наиболее полно моё творчество отражено в книгах издательства «Аэлита». Здесь претензий на этот счёт у меня нет. Циф-

ровые книги этого издательства можно обнаружить как на сайте издательства, так и в «Литресе» за небольшую плату. Пишется только мало и редко. Иногда берёт отчаяние: зачем торчишь над бумагой, когда читателей в России экономика и жизнь вырубает под корень, как корабельный лес. Бабло царит над человеком в нашей стране, увы!

Корр: Расскажите историю о том, как Вы редактировали рукопись Ольги Кожуховой, известной поэтессы и лауреата Государственной премии, о том, как Вы над ней работали?

– О, это очень интересная история! В редакции «Подъёма», в кабинете главного редактора, в углу пылились два мешка каких-то бумаг. При разговоре с Голубевым А.А., который в то время возглавлял журнал, я обратил внимание на эти мешки... – «Ой, спохватился мой собеседник, хорошо, что ты напомнил! Это разные посмертные записки нашей бывшей землячки, участника Отечественной войны, известной писательницы, лауреата, Ольги Кожуховой. Всё руки не доходят разобрать: что к чему. Возьми, может, что-то получится!» Я когда-то, при весьма бурных обстоятельствах с моей стороны, случайно познакомился с этой заслуженной женщиной, после чего имел жёсткий разговор с Михалковым... Но всё, слава Богу, обошлось, и мне теперь, по прошествии более сорока лет, было интересно посмотреть, что же пишут лауреаты Государственных премий? Привёз домой эти неподъёмных два мешка и стал разбирать. Там, на случайных обрывках и клочках бумажек, неверной старческой рукой были написаны далеко не ясные буквы и слова. Мне пришлось собирать и составлять эти разбросанные мысли в одно целое. Работал около года, и в результате получилась довольно внушительная книга записок известного писателя под моей фамилией как составителя. Сокращённый вариант этих записок был напечатан

в «Подъёме», а полностью эти записки были опубликованы на сайте «Российский писатель», за что я был отмечен премией «Российского писателя». Но глаза и голову я поломал достаточно...

Корр: Поэзия – это удел молодых? Почему Вы перестали сочинять стихи, а переключились на прозу уже в довольно зрелом возрасте?

– Ну, что тут сказать? Во-первых, стихи я не сочинял, а писал, как Бог на душу положит... Было всякое... А, во-вторых, писать стихи я не бросал, просто они меня бросили... Жаль, конечно, Но что поделать, если груз жизни не даёт возможности скользить по небесам. Всему своё время! Вот моё последнее стихотворение, ещё не опубликованное, написано прошлым летом:

Вместо автобиографии

Убывают года. Прибывают болезни:
Говорят мне – неси! Я покорно несу...
Я для Господа Бога не больше полезен –
Чем мурашка в траве, чем былинка в лесу.

Под цветущим кустом я внимал соловьиному пенью.
И влюблялся до одури, свою кровь горяча.
Я не мог надыхаться тобой и сиренью,
И ветрами, что рвали рубашку с плеча.

Я предела не знал. Был и дерзким, и юным.
Пил дурное вино ложью порченных губ.
И окурки бросал в забудки живые...
Я под небом высоким бездумно сорил.

Я плевал с колоколен... Но я не про это.
Я молитву творю: как мне душу спасти?!
Да простится мне жизнь бедолаги-поэта!
Только жизни порожней Господь не простит.

Проза заставляет работать всеми членами, как пловца на длинной дистанции, сегодня надо быть очень здоровым и обеспеченным человеком, чтобы исхитриться и наработать на книгу художественный текст. Я подчёркиваю – художественный! Многие сегодняшние книги – это солома, которая горит очень быстро, а тепла нет...

Корр: Ваш любимый поэт!

– Я далеко не однолюб, что касается поэзии. Россия настолько богата поэтическими талантами, что когда нападаешь на золотые и алмазные россыпи, то хватаешься ошалело за голову: «Господи, хорошо-то как!» Но из всех есть такие, близкие твоему больному сердцу, что захлёбываешься строчками и давишься подступившим к горлу комом, смахивая влагу со щеки... Есенин, Рубцов, Павел Васильев, Юрий Кузнецов, Михаил Анищенко, Аркадий Кутилов... Есть ещё только что прочитанный под ником «Иван Защитник Брестской Крепости», прекрасный, чудесный поэт народного дара...

Корр: Вы считаете себя счастливым человеком?

– Конечно, на восьмом десятке грех упрекать Господа в скупости. Я счастлив своей семьёй, любящей женой, друзьями, в которых я ещё не разуверился, счастлив, что дышу и вижу этот яростный мир в себе...

Беседу вёл Олег АЛЁШИН,
член Союза писателей России

**Диана
КАН**

Любить сентябрь – опасное искусство

Стихи

* * *

До часу рожденья тихи,
О славе мечтаю едва ли,
В душе вызревают стихи –
Беспечные дети печали.

Они появляются в срок,
Что Господом Богом назначен.
И между лирических строк
Ликуют вселенные, плача.

И смотрит на строчки поэт,
Как смотрит Творец на творенье:
«Откуда взялось ты на свет?» –
Не в силах унять изумленья.

* * *

На распахнутом настежь просторе
Город мой, белокаменный князь,
Азиатским ветрам непокорен,
Что приходят, до неба клубясь.

Он расскажет немало историй,
Обойдётся при этом без слов...
Орен, Орен, ветрам непокорен,
Ибо сам – повелитель ветров!

Созерцаем высокие звёзды,
Небосвод зажигаем с утра.
На станицы, погосты, форпосты
Насылаем шальные ветра.

Но всегда вопрошаю при встрече:
«Город детства, да кто ты таков?
Как ты смеешь мне вечно перечить,
Мне, законной царице ветров?...»

Но и он себе ведаёт цену:
Хоть не будет трезвонить о ней.
Горделивый, строптивый, надменный
Повелитель ветров и степей.

Я б, наверно, не стала поэтом,
Пересмешница и егоза,
Если б мы не схлестнулись на этом
Много-много столетий назад.

* * *

Любить сентябрь – опасное искусство –
Взасос, взаклёб, наотмашь и навзрыд.
Ведь в том, что осень – очень-очень грустно,
Меня и Пушкин не разубедит.

Казалось бы – по золоту ступаем,
Ещё навзрыд не плачут небеса.
Но журавли уже собрались в стаю,
Мол, и синиц вам хватит за глаза.

Казалось бы, у яблок летний привкус,
И у небес лазурный окоём.
Но расставанья безутешный искус
Явил себя насмешливо во всём.

Через окно, распахнутое в небо,
Нездешней безутешностью сквозит.
Разлюбишь элегическую небыль,
Будь даже ты лирический пиит!

Ах, Пушкин, Пушкин! Это ж сколько надо
Душе поэта света и тепла,
Чтоб эту беспросветную награду
Воспеть строкой, сгорающей дотла?

Ах, осень-осень!.. Грустен очень-очень
Степных небес венчальный окоём.
Горит судьбы лирический подстрочник
Неугасимым пушкинским огнём.

* * *

Татарник да вишарник –
Заброшенная дача.
Не будь неблагодарным,
Взгляни на мир иначе!

Всяк, в этом мире сущий,
Своей свободой дышит –
Сорняк дикорастущий,
Что опекаем Свыше.

Всё, битое судьбою –
Не скопище заброшек,
Включая нас с тобою
И всех бродячих кошек.

Вишарник в небо рвётся.
Татарник небом дышит.
И пьяный бомж смеётся,
Закусывая вишней.

* * *

Россия окаянная,
Себе же на беду –
У рьяного Ульянова
Идёшь на поводу.

Лентя он не празднует –
Нежданный этот гость.
Наивная напраслина –
Помилует, авось!

Тебе он пустит кровушку,
Он жалости неймёт.
Последнюю коровушку
С подворья прочь сведёт.

Но не отринешь совести,
Хоть рублена с плеча.
Братоубийства болести
Молитвою леча.

...Дороженьку унылую
Протопчешь на погост.
...Зато увидишь, милая,
Как внук взлетит до звёзд.

* * *

Дурак дурака видит издалека.
Вор видит вора, поэт прозревает поэта.
Бездарь на бездаря не поглядит свысока...
Видим друг друга по непостижимым приметам.

Воры при деле и бездари все при чинах.
Мерзость, в причины которой не стану вдаваться.
Ну, а собратья-поэты витают в заоблачных снах,
Чуждые скрипу нотаций и звону оваций.

Светский приём или великосветский сходняк –
Не изменить место встречи поэтов в России.
Вновь мы встречаемся не абы с кем абы как –
А потому что сюда нас с тобой пригласили.

...Богopodobие – самый священный закон
В мире, где люди, любя, убивают друг друга.

Льют покаянные слёзы у кровоточащих икон,
Не покидая при этом порочного страшного круга.

Вечной поэзии вещей горячечный бред
Нам повествует об этом всё тише и горше...
Из целой толпы чужих я узнаю тебя, поэт,
И ты улыбнёшься ответно мне, как заговорщик.

* * *

Слова-пьянчужки вдоль речушки Пьяны
В Агрызе огрызаются порой...
А в Бондюге словечки-бандюганы
Не дружат с забубённой головой.

Измордовавшись меж мордвой и чудью,
Они смешат Казань и Шумерлю...
Вдыхаю волжский ветер полной грудью,
Взахлёб рифмую и захлёб люблю.

Обвенчанная с ветрами победы,
Овеянная песнями весны,
Я в этот мир пришла вести беседы
О сказках древнерусской старины.

Меня врачует заповедной речью
Застенчивая Заповедь-река.
И дивным сном напомнит мне о вечном
Сноведь-река, начав издалека.

А мимо покаянно-окаянно,
Как опосля креплёного винца,
В кустах петляет пьяной бабой Пьяна
И в простоте не вымолвит словца...

Пускай порой куда похлеще мата
Названия, что помнят старину,
Для слов, что от рождения крылаты,
Степной простор наотмашь распахну.

Неси, братейко, перелётный ветер,
Стихи, что родились не налегке,
Вертявой Пьяне и лесной Сноведи,
И затаённой Заповедь-реке.

* * *

Нине Анатольевне Жирковой

Когда бы про столичность ни спросили,
Я вспоминаю вовсе не Москву!
Столицей вдохновения России
Я пушкинское Болдино зову.

В каком бы веке, возрасте и чине
Сюда я ни приехала опять,
Я босиком по рощице Лучинник
Люблю, подобно Пушкину, гулять.

В той роще, как поэт, непредсказуем,
К моим устам таинственно приник,
Меня сжигая страстным поцелуем,
Кипящий, как Кастальский ключ, родник.

Нет-нет, не надо пафоса о вечном!
О вечном, право, лучше помолчать...
Но здесь я в каждом встречном-поперечном
Всегда готова Пушкина узнать.

Ведь разве равнодушным мог остаться
К девчатам здешним, коих краше нет,
Дававший фору записным красавцам
Любвеобильный солнечный поэт?

Здесь, в Болдино, такие царь-девицы
На улицах встречаются порой,
Что разом забываешь про столицы,
И все столицы кажутся - дырой!

* * *

Смотрит с портрета Владимир Ильич,
Смотрит с иконы Владимир Креститель,
Как на столе воцарился кулич,
И превратилась хрущёвка в обитель.

Не вспоминая про свой партбилет,
Видя, как крашенки-яйца лелеют,
Смотрит, лукаво нахмурившись, дед,
Но возражать почему-то не смеет.

Кисти в гуашь окуная с утра
И живописцем себя ощущая,
Словно окрестная вся детвора,
Крашенки в писанки я превращаю.

Родина бодро идёт в коммунизм,
Словно в красивую добрую сказку.
Как живописен мой соцреализм
Майской порой на советскую пасху!

Бабушка средь суеты загрузит:
В храм бы, да вот искушает нечистый.

Дедушка в храм ей идти не велит.
«Помни, – твердит, – ты жена коммуниста!»

На кумачовых яичках зарю
Я вдохновенной гуашью рисую.
Женечке Чикильдину подарю
И троекратно его расцелую.

Не позабудут вовеки уста
Вкус целомудренных тех поцелуев...
Празднуем мы Воскресенье Христа,
Не поминая Всевышнего всеу.

* * *

*Светлой памяти поэта-фронтовика
Ильи Семёновича Павлова*

Не дезертиров, не вредителей –
В России судят победителей.
В патриотическом поту
Анафематствуем: «Ату!»

Ату их, бравших Будапешт,
Тупое скопище невежд.
Без них мы б пиво пить могли –
Баварское, не Жигули!

Он Зальцбург брал, он брал Берлин!
Не фронтовик, а сукин сын.
О внуках разве думал он,
Подняв в атаку батальон?

Он, бравший Секеш-вехер-вар,
Всех нас подставил под удар.
С тех пор ни внук его, ни сын
Не знают вкус венгерских вин.

...Но не могли шепнуть «ату»
Тому, кто брал Алма-ату.
И кто на штык освоить мог
Заветный тыловой паёк.

...Прощать уродов не впервой.
Прости меня, мой дед-герой.
Цивилизованно живём.
Баварское в России пьём.

Но что-то, братцы, без обид –
С баварского меня мутит.
И как-то тянется рука
К холодной трезвости курка.

Ксения АКСЁНОВА

«...но я блаженно падаю во тьму»

Стихи

* * *

На деревьях пропавших моих
ничего не росло, кроме книг
и замученных черновиков,
и заученных школьных стихов.

Тот, кто ночью пришёл и унёс
этот сад, – он работал всерьёз:
только голая злая земля
подо мной распласталась, скуля.

Может, так и должно было быть –
«выбирай – либо сад, либо быт», –
голос внутренний мне говорил.
я к нему не прислушалась. И:

нет ни быта, ни сада со мной –
только ветер, тяжёлый, ночной
водосточно клокочет в груди –
«посади новый сад, посади...»

* * *

Нависай надо мной, грозовой перевал,
красным небом тревог и утрат,
я беду свою в губы при всех целовал,
в тёмно-сладкий её виноград.

И глядела она на меня хорошо –
как никто на меня не глядел,
превращала сердечную ткань в решето,
оставляя других не у дел...

Значит поздно метаться, к чему беготня —
не уйти от зовущей беды.
Погляди на меня, как тогда на меня...
хорошо на меня погляди!

***

Наверно, память о любви
проходит, как ушиб.
Ревя, а лучше – не ревя,
но что-нибудь скажи
об этой боли проливной.
Как мёртвый жук в воде,
лежишь, тяжёлой тишиной
обтянут – не взлететь.
Ну разве только покружить
воображаемо
над жадным омутом из лжи
и ожидания,
что боль утихнет, если лёд
приложишь к коже.
Погладь меня, и всё пройдёт
или умножится.

* * *

Беспамятство, вези меня скорей
сквозь эту ночь, сквозь каменных зверей.
Я движусь не домой, а наугад,
Шагаю сквозь себя, взмываю над
надуманной тоской о небылом.
Таким, как я, даруется облом
и всё, что причитается к нему,
но я блаженно падаю во тьму.
Там высоко и страшно хорошо,
Там никого никто не бережёт,
А только ловит за руку, когда
Над головой смыкается беда.

* * *

Твоя печаль – моя печаль.
Прижму её к груди.
Всё то, о чём ты умолчал,
теперь не береги.
В заскобье, в бледном ободке
моих синичьих глаз
ты всё поймёшь о той тоске,
что сковывала нас.
И речь, невнятная, как гул,
ушла в себя саму –
как будто целый лес шагнул
в дымящуюся тьму.

* * *

Между нами хвойный воздух,
синий ветер, а ещё...
пара станций паровозных,
дом, охваченный плющом,
огоньки и полумраки
подворотен и мостов,
снега выпавшего накипь,
глупость выкрикнутых слов...

Я лелею этот воздух,
будто он – моё дитя,
и, как Плюшкин, скрупулёзно
собираю по горстям
все твои слова и прячу
и не сетую. Почти...
Это – всё, что мне маячит
на непройденном пути.

* * *

День прожит правильно и глупо.
Полы домыты. Ночь идёт.
Чужих огней не тает лёд,
и жизнь, как бабочку под лупой,
разглядываю столько лет...
Я поломыла полоумно,
как будто бы ждала гостей,
гостей – похожих на детей,
бесцеремоннейших и шумных.
Но их на самом деле нет...

Есть только горе-энтомолог
и невротичный чистоплюй.
На, птичка, бабочку поклюй,
твой век заливист и недолог,
а мой – давно ни то ни сё.
И если вдруг под самый вечер
в окно влетает редкий жук,
то я, его поймав, держу,
уже почти вочеловечив...
но и ему не повезёт.

* * *

Мне плохо, но это хорошее «плохо»,
за ним воспоследует «всё хорошо»,
как выдох за долгим прерывистым вдохом,
как новый, но зарубцевавшийся шов.

Не думать о тонкой работе хирурга,
а только дежурно глядеть в потолок –
в чешуйки полопавшейся штукатурки.
глядеть и вести не с собой диалог,

а с бабочкой, выцветшей на паутине,
плывущей сегодня в ином бытии –
безропотным трепетом кожи жасминной
она отвечает на вздохи мои,

и длится покорней больничное время
от смеха – до боли, до нового шва.
Но сквозь предрассветно-лиловую темень
мне чудится – бабочка снова жива.

* * *

Бессонье, безутешье, одичалость,
вселенская печаль твоей души
какому-то бездельнику достались.
Дела мои с тех пор нехороши:
безумье, бессистемье, нарастанье
возни – уже не нужной никому,
и жизнь моя, смешная, тараканья,
бежит под стол и тычется во тьму.
В тьмутаракань, заросшую болотом,
заученную поперёк и вдоль,
где я прослыл блаженным идиотом,
где ты жила, красавица и боль.

Елена КОРУНОВА

Дорога к своим

Рассказ

Николаев почувствовал, как волна жара быстро поднимается от живота к голове, словно внутри полыхнул фугас. С такой же быстротой жар исчез, и всё тело покрылось остывшим потом. Он попробовал пошевелиться, но левая рука онемела, и в то же время, будто истыканная тысячью иголок, доставила боль. Глаза, придавленные толстым слоем земли, не открывались. «Завалило!» – первая мысль пронеслась в голове рядового стрелкового полка Николаева.

Свободной рукой он оттер с лица землю и открыл глаза. Перед ним был край воронки от снаряда, а под ним – голубое, в полупрозрачных облачках небо. Вернее сказать, небо было над воронкой, но Николаеву показалась наоборот.

Он с трудом приходил в себя, стараясь привести мысли в порядок, и рабочей рукой сгребал с себя землю. Ноги придавило огромным земляным комом, а та самая левая рука, точно ствол дерева, уходила по самое плечо в глубину, словно Николаев рос из земли. Наконец, ему удалось немного повернуться, и ком медленно скатился с ног, оказавшись чьим-то исковерканным телом, облепленным

землёй. Оборванные края гимнастёрки и чёрные влажные пятна крови вперемешку с грязью говорили об этом. Солдата, хоть уже и повидавшего за всю войну всякое, стошнило. Стараясь не смотреть в сторону останков, рядовой торопливо выкапывал руку, разрывая всей пятернёй спрессованную землю. Что-то было не так, что-то мучило его и волновало. И в то же время он не мог ещё понять, что именно.

«Почему-то тихо, – бывалый солдат окончательно пришёл в себя. – Сколько же я здесь пролежал? Часов пять, что ли?» Посмотрел на лесок, на садившееся уже солнце и рассудил, что накрыло его взрывной волной часов этак пять-шесть назад, а поскольку бой был с утра и шёл часа три, то сейчас уже дело к сумеркам.

Куда именно идти, рядовой Николаев знал – на запад. Был июнь тысяча девятьсот сорок четвёртого года, и стремительное наступление наших шло по всем фронтам. «Что поделаться, надо своих догонять, небось, меня уж похоронили», – рассудил солдат и направился в сторону леса.

До войны Николаев был егерем. Сам знатный охотник, никогда браконьерством не баловался и другим не позволял. Уважали его все, даже начальство районное с ним считалось. Охоту им устраивал, но только по закону, в охотничий сезон. Жил бобылём, в своём доме, в лесу. С женщинами что-то не получалось у него. Это потому, что любил он всю жизнь только одну Натаху-птаху, свою одноклассницу, всю жизнь. Жили с ней в одной деревне, вместе в школу сельскую ходили. Повернётся, бывало, Наташка на уроке к нему что спросить – так его жаром обдаст, до того ему страшно становится. Покраснеет до самых ушей, а она смеётся, заливается. Дружили, вместе на речку купаться бегали, он даже стрелять её учил из ружья отцовского. А однажды решился всё-таки ей в любви признаться. Пришёл к их дому, а там плач стоит – утонула его Натаха, только-толь-

ко из реки вытащили, в водоворот попала. Будто песня в душе его оборвалась. Замкнулся в себе Николаев с тех пор, пошёл к деду своему, егерю, в лес жить, да там и обосновался. А скоро война. Кого она миновала?

«Лес-то жиденский», – по привычке трогая стволы, думал солдат и шагал себе вперёд. Он решил пройти лесом, чтоб не маячить зря. Хоть и в своём тылу, да пойди, доказывай, что да как, почему от своих отстал. Со слухом вот что-то не ладилось, в голове как будто перезвон, а природы не слышно. «Ничего, своих догоню – оклемаюсь!»

Жаркий летний ветерок сушил Николаеву губы. Фляга, пополненная в небольшой стоялой лужице на дне овражка, наполовину опустела. Сумерки тормозили его продвижение, и боец решил устроиться на ночлег. Выбрал место – небольшую впадинку, нагрёб сухой листвы, воткнул с двух сторон по краям пышные берёзовые ветки и зарылся. Закрыв глаза, но сон не шёл, что-то мешало. Спина ныла, но это было привычно, с тишиной в голове тоже уже свыкся. Нет, беспокоило ещё что-то, почти забытое за войну, охотничье чутье, когда вдруг становишься невесомым, сливаешься с тенями, и ноздри улавливают малейший запах, кожа – любое движение воздуха, а уши – еле-еле обозначенный шорох. В эту минуту душа, нервы, тело – всё внимает природе, и знаешь, точно знаешь, откуда идёт зверь.

Медленно повернув голову, не открывая глаз, Николаев втянул воздух. Да, теперь он был уверен, что не один сейчас на этом клочке незнакомого леса. И, найдя объяснение своему беспокойству, впал в дрёму. Мерещились ему, сонному, родная деревня, туман над полем в ранний час и мать. И всё она к нему спиной стоит. Пытается к ней спереди зайти, ан, нет, не получается. Кричит уж ей беспокойно: «Мама! Мама, я здесь!» А она как и не слышит. Вдруг сама поворачивается к нему, а на руках у неё волчонок доходной,

еле дышит. Протягивает бедолагу и просит: «Сынок, ты ж помоги ему, ты ж у меня добрый какой», а сама плачет. Сердце у него аж заныло.

И вдруг сон резко оборвался. Солдат сел, отряхивая листву. Рассвет совсем немного осветлил небо, но этого хватило, чтобы боковым зрением заметить движение за мелкой порослью осин. «Человек! – застучало в голове. – Ну что же, поиграем в прятки». Опытному охотнику не составило труда поменяться местами со своим преследователем. И уже через десяток минут он, Николаев, следил из-за тонких густых стволов за тем, кто шёл по его следу.

Молоденький немецкий солдатик, да ещё и явно раненый в плечо, озябший за короткую, но сырую ночь, все вытягивал и вытягивал худую шею, пытаясь высмотреть русского бойца. Каждый раз при резкой боли, он инстинктивно хватался за кое-как обмотанную грязными кусками ткани рану, оружия при нём не было. Шёл поодаль, наверное, в надежде пробраться к своим.

Всё это рядовой Николаев сообразил с одного взгляда. «Мальчишка совсем, а туда же, на войну. Эх, жизни не видал, а в чужую страну воевать полез. Ладно, уж теперь у нас одна дорога – будем выживать... – мысленно ворчал он, возвращаясь на исходную позицию. – Ну вот, пацан, теперь ты меня увидел, сейчас пойдём, недалеко осталось». Солдат тронулся в путь, надеясь за день вернуться в свою часть.

Солнце уже щедро пригревало, когда Николаев почувствовал, что немец отстал, нет его за спиной. С осторожностью он вернулся назад и увидел своего солдатика. Тот лежал в неестественной позе, подвернув под себя одну ногу. Голова его была закинута, на лбу выступил пот, а две мухи деловито ползали по закрытым векам.

– Сознание потерял. Ослаб, значит, – шептал рядовой, оттаскивая мальчишку в тень. Расстегнул ворот, по-

брызгал лицо водой. Немец зашевелил губами, приходя в себя. Николаев приложил флягу к его рту и слегка приподнял голову. Жадно делая глотки, молодой солдатик открыл глаза. Тут же дёрнулся, закрылся руками и запричитал.

– Болтай, болтай, всё одно тебя не услышу, оглох я, – пояснил Николаев, как будто немец мог его понять. – Я и своих-то слов не слышу. А ты не бойся, фриц, я тебя не убью. Сейчас посидим немного и пойдём. Ты к своим, и я к своим. Ну а там, не обессудь, если в бою моя пуля тебя найдёт.

Видно, мирная и размеренная речь Николаева, успокоила юного немца. По интонации он понял, что этот могучий, сильный человек – единственная его надежда на спасение.

Так они и пошли. Русский впереди, немец позади. Шли медленнее, чем Николаеву хотелось. Но всё же к сумеркам по мелькавшим огонькам, рядовой понял, что дошёл-таки до своих. Подойдя к Фрицу, как он называл всю дорогу немца, солдат положил ему руку на здоровое плечо и сказал:

– Всё, я дошёл, а тебе туда, – он повернул его и показал несколько раз рукой, как ему надо пробираться. – Понял, ты, что ли, Фриц? Эх, голова твоя садовая, как же тебя угораздило на эту войну? Ну, прощай, пацан, авось не свидимся. Давай, беги, если можешь.

Парнишка вдруг упал на колени, уткнулся головой в колени солдата и заплакал. Николаев опешил.

– Да ты что, дурень, – ласково погладил Фрица по голове и поднял, – иди, иди, сынок.

Он ещё долго стоял, глядя вслед удаляющемуся немцу, рассуждая своей житейской мудростью: «Вот ведь жизнь. Значит, надо было, чтоб так вот всё случилось». Потом повернулся и зашагал в сторону огня.

– Николаев, ребята, это же Николаев! А кто сказал, что погиб? – налетел на него задиристый сержант Лёха Снегирёв.

Его обступили свои. Кто-то шупал, кто-то толкал, кто-то предлагал закурить. «Дома я, добрался, родные вы мои», – хотелось крикнуть Николаеву, но он только плакал и улыбался.

После всех формальностей определили бойца в медсанчасть, а оттуда полагалось отправляться в госпиталь. Утром за ним и ещё двумя легкоранеными пришёл грузовик. Погода была облачная, два раза уже принимался дождь. Грузовик тащился медленно, покачивая накрытых одной плащ-палаткой раненых. Всё не шёл из головы у Николаева тот мальчишка-немец, и как он перед ним на колени упал. Сердце всё сжималось от боли за него – где он? Что с ним? Жив ли? От резкого толчка раненые дернулись. Грузовик встал, колесо увязло в колее. Шофёр, голосистый парень в выцветшей гимнастёрке с разводами от пота, стал ругать всё – дорогу, погоду, раненых...

– Эх, кабы толкнуть чуток, да с моими инвалидами разве сладишь. Теперь загорай здесь, – ворчал шофер, не переставая.

Через полчаса из-за поворота показалась колонна военнопленных. Шофёр, не скрывая радости, побежал к конвоиру. Спустя минуту несколько плененных немцев уже толкали грузовик.

Ну что, мои товарищи-инвалиды, едем, – счастливый шофёр газанул и тронул машину, потревожив раненых. Николаев схватился за борт из-за резкого толчка и, повернув голову, вдруг увидел своего Фрица. Да, это был он, его мальчишка-немец. Перебинтовано плечо, курточка его же порванная, уже без ремня. Шёл он вяло, но спокойно, да и выглядел как будто повзрослевшим. Он тоже повернул голову – их глаза встретились. Николаев, не в силах сдержаться, радостно растянул губы и, длинно моргнув, чуть кивнул головой. Молодой немец ответил ему широкой улыбкой.

**Елена
ЗАЙЦЕВА**

По чёрному – белый штрих

Стихи

Письмо в прошлое

...Остались заветный блокнот на полке,
Разброс торопливых строк,
Твой почерк знакомый, ледово-колкий...
У жизни – короткий срок.

Полвека спустя разве что-то значит
Печаль о былой любви?
Но пишет стихи незнакомый мальчик,
Похожие на твои.

На плечи войну непосильным грузом
Без ропота взял поэт.
Поэт и война – нет страшной союза,
И смерти вернее нет.

А память всё мается, память плачет
С минувшим ведёт бои.
И пишет стихи незнакомый мальчик,
Похожие на твои.

Тебе не достало солдатской удачи
Сберечься от бед лихих...
Не зная войны, незнакомый мальчик
Напишет свои стихи.

Токтогон-апа

*Памяти Токтогон Алтыбасаровой
Когда летом 1942 года маленьких детей,
эвакуированных из блокадного Ленинграда,
привезли в киргизский посёлок Курменты,
заботу о них взяла на себя юная девушка –
Токтогон Алтыбасарова.*

То ль от голода и страха качает,
То ли вздыбилась до неба земля?
Будто дома – вдалеке крики чаек,
Но другие здесь растут тополя.

Жаркий август, горы, синее небо,
Непривычный запах трав и листвы...
Руки женщин, молоко, ломтик хлеба
И усталость – не поднять головы...

Тихо тётя незнакомая плачет,
Косы чёрные покрыты платком.
«Я не знаю, как зовут тебя, мальчик,
Стёрлось имя над худым кулачком.

На запястье – грязной тряпочки клочья,
Но ни буквы нельзя разобрать...
Спи малыш, мой светлоглазый сыночек –
Я сынком теперь тебя буду звать.

Отдохни, бала, тебе легче станет.
По-кыргызски мальчик – это "бала".
Если б ты родился здесь, в Кыргызстане,
Дженишбеком я б тебя назвала.

Подрастай и забывай страх и голод.
Здесь не будет ни бомбёжек, ни пуль.
Вдалеке остались раненый город,
Ветер Ладоги... А здесь – Иссык-Куль».

...Где их близкие и дом – кто же знает?
Малыши своих не помнят имён...
Материнские труды – как родная –
На себя взяла апа – Токтогон.

Что ей слава? Нет дороже награды
За тревоги многих дней и ночей:
Знать, что – живы, знать, что очень ей рады
И её считают мамой своей.

* * *

Я так хочу прийти сюда,
К ступеням Биржи – в майский вечер.
Простят другие города,
Что я к тебе спешу на встречу.

Под сводом северных небес,
Где серый шёлк салютом вышит,
Поются песни о тебе,
Любимый город – тот, что выжил.

Здесь молодые голоса
Тех, кто сражений не изведаль,

Возносят песню к небесам
Про День Победы, День Победы.

Память о войне

*Посвящается художнику
А.В. Платицыну*

В Берлине идут бои,
В Берлине идут дожди.
Дыхание затаив,
Измученный мир глядит.

Хотя из последних сил
Грохочет гроза войны,
До самой земной оси
Раскаты её слышны.

В Берлине идут бои,
В Берлине цветёт весна.
В горячих камнях руин
Сегодня умрёт война.

Под чей-то последний крик
Приходит скупой рассвет.
По чёрному – белый штрих –
Изломанных яблонь цвет.

В Берлине идут дожди,
Смывая пожарищ муть.
И всё уже позади,
И можно передохнуть.

С лица отирая кровь,
Смахнуть автомат с плеча,
Не смыть седины с висков,
Но жизнь без войны начать.

Ночами не спит солдат
От сбывшейся тишины.
Война воскресает, когда
Неслышно приходит в сны.

Осколки опять летят,
Горит земля – до утра.
И стонет в ночи солдат
От горьких своих утрат.

Солдат продолжает бой –
Война захватила сны.
Всю жизнь он несёт с собой
Безмерную боль войны.

Все пули в мишень одну –
В непрочную ткань судьбы.
Все те, кто прошёл войну,
Мечтают её забыть.

Её не сумеешь забыть –
На сердце легла печать.
Быльём порастает быль,
И легче о ней – молчать.

Но память в любой дали
Разбудит ночной порой,
На белый измятый лист,
Чеканной придёт строкой,

Где каждое слово – в цель,
И каждый штрих – на века.
И помнит всё акварель,
И кровью течёт строка.

Уходят года, вожди...
Чья память живёт во мне?...
В Берлине – идут дожди,
В Берлине – конец войне.

Военному телефонисту

Моему деду

Обожжённый сорок первый,
Не слышавший тишины...
Провода гудят, как нервы
Той немыслимой войны.
Дед мой был худым, плечистым.
Неприметным рядовым
Он служил телефонистом
Рядом с маршалом своим.
Был солдат надёжен, точен,
Забывал еду и сон.
Связь держал и днём, и ночью
Верный дедов телефон.
Дед рассказчик – кой-каковский,
Он про службу всё молчал...
Только вместе с Рокоссовским
До Победы воевал...
Лишних слов порой не надо.
Про солдата на войне

Говорят его награды –
Всех честней и всех верней.
...Сорок пятый, сорок первый,
Не спросясь, приходят в сны...
Провода гудят, как нервы
Той немислимой войны.

Иван АКУЛОВ

Городец

Поэма

*Древними арийскими временами веет
и от таких гидронимов, как реки... Раноба, Хупта...
В.А. Дёмин, В.Н. Назаров, В.Ф. Аристов:
«Загадки Русского Междуречья».*

1

Расчесало на ночь золотом
Солнце гривы ковыля:
Потянулись сладко волоты,
Ловко ложе застеля.
Наигралась рыба задоволь,
Задремала в камышах:
Невдомёк, что ткнётся в заводи
Носом в вершу-морду-шах.
Звёзды высыпали по небу,
Как пескарики-мальки
Высыпают прямо под ноги
В тихих ясельках реки.
Тишина.

Слышать, как лёгкие
Хупты дышат.
Спит река:
Утром детвора сноровкая
Будет вновь пугать малька.
Выйдут женщины счастливые.
На урёмных берегах,
Позаросших стройной ивою,
Не селился тлен и страх.
Спит река в небесной зыбели,
Словно в зыбке. Над водой
Стелятся тумана избели,
Не стреножные бедой.
Пахнет древними поверьями
От названия реки,
Сирин-птицы чудо-перьями,
Завязавшей узелки
Памяти народу русскому –
Ведать каждый выдох-вдох,
Чтоб наращивались мускулы,
А не лускался горох.
Будет завтра ведро истинно:
Опускается роса...
И увидятся у пристани
Издалёка паруса.
А пока, пока над Хуптою
Богатырский сон, как мёд...
Месяц лодочкою утлюю
Тихой заводью плывёт.

2

Засверкала ряска в заводи
Изумрудовым огнём

И проснулись-встали завьити¹,
Упиваясь новым днём.
Он не мешкал в выси-далечи
И не прятался в кустах,
Начинался криком галочьим
На прикормленных местах.
Улыбался по-ребячьему
Берегиням Городца,
Счастью-полымю рыбачьему
Сыновей и их отца.
– Акул, Акул, ты бы голову
Повернул... смотри, отец,
Твоя дочка, точно горлица...
– Вижу, Веста... дай корец –
Пить хочу...на речке времени
Не найти, чтобы попить:
Сом и щука любят в темени
И охотиться, и жить.
Вижу: дочка скоро томницей²
²Станет – к сроку и всегда
Расцветают наши скромницы...
И вкусна ж твоя вода,
Веста...

Акул бросил рыбину
У избы на пень: – Годна!?
– Как же вы такую глыбину
Оторвали ото дна?
Веста ахала и охала
Так, что из других дворов
Поддержали её вздохами,
Не найдя спросонок слов.

---

1 завьить – жилое строение

2 томница – девушка на выданье

Надышавшись суматохою,
Гордостью за сыновей,
Акула, с ребёнком-крохою
Эйфорических³ кровей,
Поспешила Веста в горенку
Накрывать на стол: семья
Не испытывала голоду,
Не хранила впрок тряпья.
Акул был добытчив более,
Чем другие рыбаки.
Он в лесу на страже, в поле ли
Не бранил стрелы, реки.
Знал: стрела не любит ругани,
А рука – в сердцах словца
На лесных тропинках рувеня⁴
В ожидании самца.
Слово – страшное оружие
С равной силой зла, добра,
И понятно: быть разбуженным
Может благо или прят.
Акул словом завораживал,
Останавливал лису
Хитроватую, но ражую,
Если вспугивал в лесу.
Избегали волки Акула,
Зайцы прятались в кустах
Заикаясь, что-то вякали,
Ненавидя в себе страх.
Всё, что двигалось и плавало
В Хупте и на берегах,
Если только не от дьявола,
Замирало на руках

---

3   эйфорических – трансовых

4   рувень – сентябрь

Акула, поскольку ведало:
Коль не надо – не возьмёт
Лишнего, хотя обедали
Не всегда и не в черёд.

3

Городец был поселением
Индоариев, следа
Не терявших ни во времени,
Ни в пространстве – никогда.
В избах под лучистым инеем,
За котлами дереван⁵,
Жили счастливо под именем
Исторических славян.
Они помнили прародину
С северным сияньем и
Вёрсты лет, что были пройдены
Твердью веры и любви.
Их кормила земля-матушка,
Мыла Хупта добела,
Согревало Солнце-батюшка
От велика до мала.
Берегли их боги мудрые,
А особенно Перун:
Каждым утром перламутровым
Он касался вещей струн.
И неслись по-над долинами,
Над лугами Хуптских пойм
Упреждения по имени
О рожденье скрытых помх.

---

5   дереваны, ваны, роны, засеки – лесные оборонительные сооружения

Но всё чаще и охотнее
Бог Перун нёс весть о том,
Что первун стучится в плотную
Дверь – войти в отцовский дом.
Он одаривал и второю,
И ашурой: из сынков,
Становившихся опорюю
Для усталых стариков.
Наделялся от родителей
Силой первый сын. Второй
Брал сознание: наития
Не терпел славянский рой.
Трита от отца наследовал
Сердце с седьмой⁶. Каждый знал:
Всё, что было, было с ведома
Перуна. Другой канал
Связи с небом людям племени
Не знаком, но по пятам
Из другого Хронос-времени
По дорогам высших тайн
Сеял знаки сострадания
Тот, кто их не без труда
Поведёт построить здание
Правды, совести, стыда.
А пока звенят над Хуптою
Золотые удила.
Вот и дом уже охлюпали
Там, где не было кола.
Потянулись все на благоги⁷:
Время кончилось росы...

---

6   седьма – родословный оберег с информацией о его владельце и предках

7   благога – засеянная пашня

Дальний лес зажётся радугой –
Берегинею Руси.

4

Хорошо глядятся благоги
Из соцветий на меду.
На полянах спеют ягоды,
Яблоки – в живом саду.
– Как живётся, моя сладкая? –
Акул дрогнувшей рукой
Трогал плечи (ветви) гладкие
Весты (яблони). – Покой
Не неволит ветер с севера?
Не привык ли к стуже слух?
По земле с цветущим клевером
Разносился пряный дух.
Он и ныне ощущается
Через толщу стен-веков.
Это память возвращается,
Разрывая крепь оков.
Ах, какие были запахи!
Крепче запахов реки,
Дербы, запани и запаши,
Крепче травяной луки.
Голова кружилась Акула,
Уплывала ввысь душа,
В бликах солнечного факела
Светом истинным дыша.
– Эй, Перуне!?
Отголосками
Покатилось эхо вдаль...
А за ним светловолосая,
Белокрылая печаль

Над полями над гарунными⁸,
Над грядой из облаков,
Чуть поигрывая струнами
Гуслей солнца и веков.
Хорошо на сердце Акула
И легко. «Ку-ку, ку-ку», –
Грусть кукушкина царапнула
И скатилась к полынку
Под ноги: всё образуется...
Завтра просветлённый зарь⁹
Сына-молодца и умницу
Выведет на вящий мар.
Возведётся кладь из хвороста
И пучка сухой травы –
И сторит одежда с хворостью
Ожидания любви.
Сразу после омовения
В водах Хупты встретит он
На кострище у селения
Невесть¹⁰, что наваял сон.
Она встретит его с сеньмою –
И случится... Знал Перун,
Что за взглядами последует,
Но молчал, седой тиун.

5

Каждый в Городце был сызмалу
Ратай и оратай.

Враг

---

8 гаруна – гречиха

9 зарь – жрец-воспитатель

10 невесть – вступающие в брак обоего пола

Перебраться тайно, изнавись
Через вановый овраг,
Дереваны, роны, засеки
Вряд ли мог, к тому ж река
Выступала в роли застени
От любого чужака.
А на самых дальних подступах
У сигнального костра
Балагар-сторожа в поступи
Вслушивается до утра.
А когда опасность явится
На конях иль пешей, он
Встретит врага не здравицей –
Запалит в степи огонь:
– Гей, славяне!
За околицей
Тьма с востока напролом
Через ваны, роны ломится,
Ощетинившись копьём.
– Гей, славяне!
...Акул высмотрел
За урёмным лесом столб
Дыма с капельными искрами
И протёр взопревший лоб.
Впору «зла»¹¹ исторгнуть павшими,
А живущим «вяне» – вслед,
Чтоб всегда сиял над пашнями
Солнца заповедный свет.

---

11 злавяне – боевой клич, где «зла» означает память об усопших предках, а «вяне» – преждевременную смерть, дословно – «с помощью предков нести смерть врагу»

Дочь Русава – дочка папина:
Вся в него... одни глаза...
А в глазах надежды вкрапина
И заветного слеза.
Год-другой – и дочка-томница
С берегом у костра
Встретит невесть и поклонится,
Чтоб остаться до утра.
Да пребудет вечным таинством
Суженость сердец. Заря
Опустилась с неба аистом,
С головы до пят горя.
Ошалев от чувства званого,
Пламени любви, добра,
Человек рождается заново
Днём грядущим из вчера.
И Русава – дочка Акула,
Обретя другой посыл,
С Хуптой-реченькой состакалась,
Набрала безмерных сил
И, нося под сердцем первенца,
Окунулась с головой
В женский быт, где больше бернеца –
Травки горькой, но живой.
Сын – зеркало¹² (солнце малое),
Равноденствия дитя,
Разговаривает с мамою,
Ножкой в рёбра колотя.
Торопыжка! Знает, золотце,
Что на воле ярче свет

---

12   зеркало – ребёнок, унаследовавший лучшие качества седьмы от представителей рода

И чем дальше за околицу,
Тем заманчивее след.
Захлебнутся его лёгкие
Свежим воздухом, на крик
Прибегут соседи совкие –
Объяснять его язык.
Позабыв, что цельность ауры
Откликается на звук,
Будут день степного зарева
Заполнять движеньем рук.

7

Первый сын был храбрым воином:
Знал, когда, куда и как
Бить мечом, чтоб пал раскroенным
Враг любой наверняка.
От его меча спасения
Не было: взмах-выпад и –
Через долечку мгновения
Место пусто впереди.
Любо было видеть воина
Ратибора в деле: меч,
Весь в зазубринах-забоинах,
Уставал колоть и сечь.
Не казалось, а всамделишно
Выбирал меч жертвы сам,
И гляделись они немощно,
Плачущими по волосам.
И хотя жил сын от Акула
Далеко, но каждый день
На двери щеколда звякала
Голосисто: «Дзень-дзень-дзень...».
Приводила Веста с улицы

Первуна-богатыря
И за стол сажала, сулицу
Оставляя в сенях: зря
Не носилось в дом оружие...
Но с мечом сын Ратибор
Связан был сильней, чем с ужикой¹³,
Чем с дорогою простор.
Он и спал с мечом: по есени
Как-то жалилась сноха,
Что мешал порой меч етеси,
Хоть и клался на меха.
Ратибор увидел зарево...
Скоро ветер вынес дым:
– Что ж, славяне, мы – не старые,
На заставах постоим.

8

На Руси бывают женщины
Мягче пуха, слаще сна...
Невозможно их, хоть женишься, –
Исчерпать за жизнь до дна.
Всё заманчивее с возрастом,
Всё таинственнее взгляд,
Поглядят – и снимут хворости,
Новой силой наградят.
Перед чудом непостижимым
Трепетать, пока живёшь,
Да и после нет постыдного
В том, что вызывало дрожь.
Веста... Веста была Акулу
Дочерью, сестрой, женой,

---

13   ужика – родня

Матерью, не знавшей брякулы,
Фронтом, тылом и стеной.
Все тянулись к ней пожалиться,
Выгнать холодок обид.
Простодушка и красавица,
Обустряивая быт,
Дева старая и ковшинка¹⁴,
И охотник, и рыбак
Приходили к Весте с кошенью,
Но всё чаще просто так.
Был известен ей доподлинно
Духа мир и быта дух,
Где берёт начало родина
И зачем даётся слух.
Сила, цельность, цветность ауры
Весты изменяла путь
И высвобождала правило
От приобретённых пут.
Часто свет слезы колодезной,
Вытекающей из глаз,
Проникал в душе колодистой
В самую лихую блазнь.
От её волшбы-пророчества
Не страдал никто; в тиши
Хупты Веста одиночеству
Доверяла свет души.
Веста с Акулом как целое
Виделись в краю родном
Одолень-травую белою
В небе Хупты голубом.
В этот раз стрела опасности

---

14 ковшинка – девушка, оплодотворённая с помощью ковшевого
– непорочного зачатия

Отворила в сердце течь
Мыслей запредельной ясности,
Что предсказывала сечь.

9

– Ну, сынки, судьбой намечено –
Показать, что стоим мы...
Много ли врагов посечено
Из пришедшей «в гости» тьмы?
– Много, отче, степь за Хуптою
Переполнилась и прёт
Непролазной чёрнопуткою,
Отпустив коней в намёт.
Завтра основными силами
Будет здесь. Пусть спросит мать
У совы у мудрой – Сирина,
Что нам завтра ожидать.
– И без Весты, сын мой, знаю я:
Будет Хупте недосуг
Слушать ночью песни навии
И её послушных слуг.
Надо Хупте приготовиться:
Тяжело придётся ей
Расставаться с гордой вольницей
Дочерей и сыновей.
Солнце отыскало Акула
В окруженье татарвы...
Небо Хупты тихо плакало
Тёплым дождиком в крови.

Лидия ПЕРЦЕВА

Небесный десант

Стихи

Очи в небо

Прохоровка порохом пропахла,
Что сейчас – цветы там да поля?
А тогда горело всё и чахло,
Пропиталась кровушкой земля.

Отгремело и отголосило,
Огнедышащий пейзаж храня,
Полегли, кого огнём скосило...
Собирали их четыре дня,

Хоронили в братские могилы,
Что осталось в битве от ребят...
Поражаясь диву: чьей же силой
В небо все соколики глядят?

А танкисты, что пришли незвано
Над чужой глумиться стороной,
Вниз лицом лежали, как ни странно, –
Словно призывались сатаной

И, ползя дорогой в ад крошечный,
Прятали от Господа свой взгляд...
В ров сносили местные, конечно,
И фашистских сгинувших солдат.

Ну, а наши мальчишки упрямо –
Очи в небо: Господи, прими...
На губах застыло стоном «мама»...
До конца остались вы людьми.

В День Победы

В День Победы Пискарёвский чистый.
От салюта небосвод дрожит.
На могиле у цветов душистых
Ломтик хлеба чёрного лежит.

Приходила дочь к погибшей маме,
От цветов ложился алый цвет
На кладбищенский холодный камень,
Воскрешая боль военных лет.

И смотрели люди, цепenea,
На кусочек хлеба, на цветок...
Сердце билось чаще и больнее –
Словно метроном стучал в висок.

Небесный десант

Поразмыслив, маршал Жуков
Об одном спросил ребят:
– Кто живот готов за други
Положити? Станьте в ряд...

И шагнули богатыри –
Три шага полком вперёд,
Новобранцы из Сибири –
Постоять за свой народ.

Средь фашистов вышла смута,
Воздух в ужасе стал бел:
Без крыла, без парашюта
Вместо бомб десант летел...

Словно голуби-подранки,
С лёта падали в снега,
Их расстреливали танки,
Танки грозного врага.

Чрево вражеской колонны,
Начинённое свинцом,
Изрыгало смерть и стоны,
Усыпляя вечным сном.

Добровольцы паче снега
Очищались... Сломлен бес –
Чтоб взойти душе на небо,
Души падали с небес...

Саван белый к изголовью
Опалённых тем огнём,
Подвиг их крестил любовью
Под Можайском зимним днём.

Полегли на поле сечи,
Вражью технику круша,
Догорали, ровно свечи,
Ликовала лишь душа,

Плоть покинув убиенну
Взрывом связанных гранат,
Через муку незабвенну
Устремляли к Богу взгляд.

Их питала Вышней силой
Подмосковная земля.
Снег стал братскою могилой,
Упокоили поля

Наших ангелов бескрылых,
Научившихся летать.
Русским Дух Святой дал силы,
Чтоб с бессмертьем повенчать.

Май шагает

Прозевали весны мы приход,
Оперились деревья, трава,
Посветлел голубой небосвод,
О снегах кто-то вспомнит? Едва...

Как тогда на дворе жаркий май –
В нашу память входит победа.
И вызывает: «Те дни почитай».
Мы портрет заказали деда.

По булыжным пройти мостовым
До бессмертья живого полка
Слава павшим в боях, мир – живым
На века, на века, на века.

Очень хочется плакать и петь...
Кто-то лжёт, мол, любовь коротка.
Да, нас не было в годы, где смерть,
И, что ждёт нас, не знаем пока...

Но мы любим Россию, свой дом,
Хлеб душистый из русской печи.
Слава Богу, мы мирно живём,
В стройки храмов кладём кирпичи.

Атеисты бессмертья не ждут,
В ратной сечи безбожников нет,
Только с Богом любой редут
Одолеет и страхи, и смерть.

Май шагает, сады цветут,
Мы довольны жизнью вполне.
Вновь ударил победный салют
Залпом праздничным по войне.

Вино победы разливай

В дни нашей славы и победы
Пойдут бессмертные полки,
И оживут отцы и деды
В дорогах жизни. Нележки

Воспоминанья дней далёких,
Где пепел, слёзы, смерть и страх...
Они, восстав, не одиноки
Пойдут в колоннах на руках

По городам и малым весям
России, помнящей те дни –
Большой беды, нечеловечьей,
Где гибли ради нас они.

Воспев Виктории и Ники,
Творца и мира и труда,
Молиться, чтобы не возникли
Войн очаги, как в те года.

Героев славные потомки
Их дочки, правнуки, сыны
Несли б не ружья и котомки,
А только память той войны.

Вино пригубим по глоточку
За тот победный, светлый май
И в памяти заполним строчку –
Вино победы разливай!

* * *

Не воевавшие погибшим
Несут венки, несут цветы...
Случится что - нас встанут тыщи,
Пойдут бессмертные полки
И будет поле Куликово,
И будет им Бородино,
И поле Прохоровки снова,
И, может статься, не одно.

Николай ШМЫРЁВ

Я слушал «Лунную сонату»

Стихи

После боя

После боя курили до спазмов махорку.
Дым табачный стелился над гарью войны.
Старшина зашивал в блиндаже гимнастёрку,
А радист всё искал всплеск пропавшей волны.
Нас осталось во взводе чуть более трети,
Писарь в штабе устал похоронки писать.
Мы в атаку с «ура» поднялись на рассвете,
Вспоминая нектати и Бога и мать.
Захлебнувшись в крови, высоту отобрали.
И солдатский свой долг мы отдали сполна.
Принесли нам во взвод ордена и медали.
И гордиться потом будет нами страна.
А сейчас мы сидим, остывая от боя.
Нет на свете лопат, чтоб бойцов схоронить.
Мы мечтаем пожить в тишине и покое
И красивых девчат целовать и любить.

Встреча с отцом

Он заглянул в мой дом с рассветом.
За шторой начинался день.
А я не спал, читал газету.
Когда меня коснулась тень,
Её почувствовал всем телом.
Тревогой сердце обожгло.
Стоял отец, медаль блестела.
Вдруг стало на душе светло.
Его не видел четверть века,
А он, как с фото, молодой.
Ещё здоровый, не калека,
Но почему-то весь седой.
Ну как, сынок, живёт Россия,
За что я кровь свою пролил?
Жива ль жена моя Мария?
Ты сколько правнуков родил?
Я отвечал, слезу глотая,
Что мы живём в стране другой.
Как получилось, сам не знаю, -
Не в той, привычной и родной.
Но мы горды своей Россией,
Оплотом многих государств,
Переболевшей амнезией
Без эскулапов и лекарств.
Ты защищал меня и маму.
Внучат своих на той войне,
И, прикасаясь к твоим ранам,
Гордились мы тобой вдвойне.
Ты спи спокойно, мы всё помним
И выполняем твой завет.
Давно сказали мы всем войнам

По-русски, твёрдо наше – нет!
Ты в День победы мне явился.
Сегодня снова встанешь в строй.
С врагами кровью расплатился,
Завоевав стране покой.
Победоносный «Полк бессмертный»
Всегда на страже будет бдить,
И, как итог закономерный,
Нас никому не победить.
Тут с колокольни звон раздолжный
Призвал на службу прихожан.
«Ну, мне пора, свой тост застольный
Я за Победу выпью там».
Вставало солнце, пели птицы.
На площадь собирался люд.
Смотрел газетные страницы,
А видел, как полки идут.

* * *

Убит, едва поднявшись из окопа.
Атаку продолжали без меня.
Нарушив предсказанье гороскопа,
Я умер тихо, слов не оброня.

Вчера мне девятнадцатый пробило,
Мне взводный подарил трофейный нож,
Ну а сегодня выроют могилу
И скажут, я на ангела похож.

Мне не придётся праздновать победу –
Страна поднимет кружки за меня –
Я к маме в дом родимый не приеду,
Не оседлаю резвого коня.

Мой род на мне закончился до срока,
Но говорю живущим на Руси
(Пусть голос мой не будет одиноким):
«Умри, как я, но Родину спаси».

* * *

Я не рвался в бой, мне было страшно,
Но приказ в атаку и – вперёд.
Сшибся с фрицем в схватке рукопашной,
Думая, что мне-то повезёт.

Я бежал, читая вслух молитву,
«Отче наш, – просил я, – сохрани.
Дай мне пережить вот эту битву.
Ту, с косой, подальше прогони».

Я не знаю, кто спасал от смерти,
Но отвёл блестящий острый штык
В яростной безумной круговерти
Мой товарищ, «друг степей – калмык».

Время лечит, затянулись раны.
Но как часто в сумраке ночи
Я опять бегу, как окаянный,
А жена мне шепчет: «Не кричи!»

* * *

В ночи я слушал «Лунную сонату» –
Покой, величественность, грусть...
Как реквием погибшему солдату,
Сказавшему в порыве: «Я вернусь!»

Он не вернулся, он нарушил слово,
Но нам его за это не судить.
В атаку шёл под знаменем багровым
С последней мыслью: «Только победить!»

Не добежав до вражеских позиций,
Упал в траву, сжимая автомат.
Он матери ночами будет сниться,
Защитник Родины моей, герой-солдат.

Орган затих. Но «Лунная соната»
Во мне звучала, отгоняя сон,
Как гимн не возвратившимся солдатам,
Навечно занесённым в пантеон.

* * *

С каждым годом победа уходит всё дальше,
Ветеранов всё меньше становится в строй.
Но в «Бессмертном полку», на торжественном марше
Их всё больше идёт с каждой новой весной.
Их портреты несут повзрослевшие внуки,
В городах и посёлках, в столице – в Москве.
И звучат над Россией победные звуки,
Растворяясь в крылатой родной синеве.
Так и будет вовек, пока мы с вами живы,
Полк «Бессмертных» сумеет страну сохранить.
И героев-бойцов, и отважных комдивов
Не дано нам, живущим, забыть.

* * *

Но нет, я не за то люблю парады –
Солдат в строю, печатающих шаг,
И технику, которой нет преграды,
И знаменосцев, выносящих флаг.
Парад Победы - это наша память
О всех, не возвратившихся домой.
Но если эта память будет таять,
Нам грош цена в базарный выходной.
Девятого мы снова соберёмся,
Сомкнув ряды «Бессмертного полка».
И вместе с ним мы молча поклянёмся,
Что сохраним Россию на века.

Авторы «Тамбовского альманаха»

Милосердов Семён Семёнович (1921 – 1988) – поэт, журналист. Родился 16 февраля 1921 года в п. Семёновка Тамбовской губернии. В Тамбове окончил среднюю школу, поступил в Саратовский университет им. Н.Г. Чернышевского, но окончить его не удалось из-за начавшейся войны. В Белоруссии, под Гомелем, получил тяжёлое ранение, стал инвалидом. После демобилизации поступил в Литературный институт им. А.М. Горького. В 1949 году репрессирован, несколько лет провёл в лагерях. После реабилитации вернулся в Тамбов, работал в районной газете, писал стихи. Создал в Тамбове литературно-творческое объединение «Радуга». После кончины (4 декабря 1988 года) вышли четыре сборника поэта, составленные вдовой Любовью Михайловной Гориной. Она же готовила его стихи для публикации в журналах «Наш современник», «Подъём».

Кочуков Сергей Константинович – писатель, историк, краевед, родился в селе Лысые горы Тамбовской области. Учился в Москве, по образованию юрист-международник, служил в органах госбезопасности, офицер запаса. Публиковался в журналах «Подъём», «Гостиный двор», «Литературный Тамбов», «Тамбовский альманах», в «Рассказ-газете». Автор трилогии «След веков отшумевших», исторических романов «Полет белого кречета», «Без вести не пропавшие», «Я завещаю вам рассвет», «На тебя уповаю». Организатор межрегионального фестиваля авторской песни «Там, под Лысой Горой». Организатор краеведческого музея в с. Лысые горы. Почётный гражданин Тамбовского района. Член Союза писателей России.

Доровских Сергей Владимирович – прозаик, публицист. Окончил ТГТУ (кафедра «Связи с общественностью»). С

2004 года в журналистике. Автор книг «Единственный выход», «Ересь», «Патриот, хранимый судьбой», «День твоего имени», «Время Весны» (2018). Публиковался в журналах «Наши современник», «Памир», «Сухум», «Странник», «Губернский стиль», в «Тамбовском альманахе» и других изданиях. Лауреат областной премии имени И.И. Овсянникова. Лауреат премии им. Л.М. Леонова журнала "Наши современник" (2018). Финалист литературного конкурса партии "Справедливая Россия" "В поисках правды и справедливости" (2018). Член Союза писателей России.

Расстегаев Юрий Николаевич – прозаик. Родился в 1949 году в п. Новая Ляда, под Тамбовом. Окончил Московский энергетический институт. Работал первым секретарём Советского райкома комсомола, служил в органах внутренних дел, редактировал газету «Доверие». Участник боевых действий на Северном Кавказе, награждён медалями. Подполковник в отставке. Автор книг: «Большая прогулка», «Во фронтовых делах не участвовал», «Террористы», «Пасечные истории». Лауреат областной премии имени А. К. Воронского. Член Союза писателей России.

Дорожкина Валентина Тихоновна – поэтесса, прозаик, литературовед. Родилась в Мичуринске. Окончила Тамбовский государственный педагогический институт. Работала учителем русского языка и литературы, корректором в типографии «Пролетарский светоч», редактором газеты «Народный учитель», ст. редактором Тамбовского отделения Центрально-Чернозёмного книжного издательства. Автор более двадцати книг. Лауреат многих литературных премий. Член Общественной палаты Тамбовской области, Заслуженный работник культуры РФ, Почётный профессор ТГУ имени Г.Р. Державина, Почётный гражданин г. Тамбова. Награждена медалью «К 100-летию М.А. Шолохова», кавалер ордена Дружбы. С 1985 г. бессменно ру-

ководит детским литературно-творческим объединением «Тропинка». Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Мещеряков Юрий Альбертович – поэт, прозаик, ветеран афганской войны. Закончил Омское высшее общевойсковое училище, большая часть службы прошла в Средней Азии. За участие в боевых действиях награжден орденом «Красной Звезды» и другими военными наградами. Автор романов «Панджшер навсегда», «Меморандум Платова», сборника повестей и рассказов «Время мужчин». Публиковался в журналах «Подъём», «Северное измерение», «Губернский стиль», «Памир», в Литературной газете, региональных СМИ. Владелец Гран-при литературного конкурса МВД России «Доброе слово». Главный редактор «Тамбовского альманаха». Секретарь Союза писателей России, председатель правления Тамбовского отделения.

Начас Евстафий Ярославович – поэт, журналист, Родился в 1940 году в селе Ярчевцы Тернопольской области (Украина). Окончил филологический факультет Тамбовского педагогического института. Работал учителем в Красноярском крае, главным редактором областной газеты «Наедине». Автор многих книг стихов. Заслуженный работник культуры России, лауреат областных литературных премий имени Е.А. Боратынского и В.А. Богданова. Награждён медалью «К 100-летию со дня рождения М.А. Шолохова». Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Марков Валерий Александрович – поэт, публицист. Родился в 1948 году в Сампурском районе Тамбовской области. Окончил Тамбовский государственный педагогический институт и Северо-Кавказский социально-политический институт. Служил в армии, имеет офицерское звание. Работал первым заместителем главного редактора газеты «Тамбовская жизнь». Автор шести стихотворных сборни-

ков, книги публицистики «С красной строки», публикаций в коллективных сборниках. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат премий: имени А. К. Воронского, В. А. Богданова, И. Г. Рахманинова. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Селиверстов Владимир Иванович – прозаик, краевед, ветеран МВД, адвокат. Родился в 1945 г. в Котовске. Окончил Волгоградскую высшую следственную школу МВД СССР. Автор серии исторических романов, в том числе, о тамбовском правителе Г.Р. Державине, о губернаторах: П.А. Нилове, Д.Р. Кошелеве, А.М. Безобразове, И.С. Миронове, фон дер Лаунице и других. Лауреат литературной премии им. Е.А. Баратынского. Организатор творческих встреч и литературных концертов «Трегуляевские среды». Член Союза писателей России.

Самородов Владимир Юрьевич – прозаик. Родился в Тамбове, закончил юридический факультет ТГУ им. Державина. Адвокат. Публиковался на страницах «Рассказ газеты», журналов «Литературный Тамбов», «Великороссь». Член литактива Тамбовского отделения Союза писателей России

Макаров Юрий Иванович – поэт, прозаик. Закончил Харьковский зооветеринарный институт и Литературный институт им. Горького. Автор нескольких детских книг «Бабочка под зонтиком», «Кто кого?», «Чудо-рыбина», «Колдовские слова» и др. Печатался в журналах «Наш современник», «Костер», «Мурзилка», «Юный натуралист». Лауреат литературной премии «Прохоровское поле», обладатель Почетного Диплома Международного конкурса детской и юношеской литературы им. А.Н. Толстого. Член Союза писателей России. Живет в п. Ровеньки Белгородской области.

Чистякова Елена Викторовна – прозаик, баснописец, пе-

дагог, работает в жанре фольклорного повествования с использованием самобытного южно-русского говора. Автор книги повестей «Житейские истории», серии популярных книг «Сказы деда Савватая», серии книг «Современных басен», а также автобиографической повести «Бережском вдоль Громушки, бегущей по камешкам». Публиковалась в «Тамбовском альманахе», в журналах «Губернский стиль» (г. Воронеж), «Литературный Тамбов». Член Союза писателей России.

Остриков Виктор Сергеевич – прозаик, скульптор, художник. Родился в г. Уральске в 1949 г. Закончил Ленинградское училище им. В. Серова по классу скульптуры. С 1980 года проживает в Тамбове. Участник региональных и всесоюзных художественных выставок. Автор повести «Остров атамана Харко», сборника рассказов «Ночное бдение», книги «Бобровое озеро». Публиковался в «Рассказ-газете», в журнале «Литературный Тамбов», в «Тамбовском альманахе». Награждён Почётными грамотами администрации Тамбовской области и Тамбовской областной Думы, Серебряной медалью Союза художников России. Лауреат Государственной премии ЦФО. Член Союза художников России, член литактива Тамбовского отделения Союза писателей России.

Королёва Зинаида Алексеевна – прозаик. Родилась в 1942 году в Свердловске. В Тамбове окончила школу, затем техникум, и, уже работая бухгалтером, завершила учёбу в институте. Работала на крупном заводе инженером-экономистом, по состоянию здоровья вышла на пенсию. Писала стихи, прозу, занималась в литературном объединении «Радуга» под руководством Семёна Милосердова. Публиковалась в заводской многотиражке. Сейчас издано около тридцати книг. Участвовала более, чем в десяти коллективных сборниках. Книги З.А. Королёвой размещены в национальной

библиотеке Китая. Член Союза писателей России.

Кан Диана Елисеевна – современная русская поэтесса. Автор книг «Високосная весна», «Междуречье», «Подданная русских захолустий», а также множества публикаций в российских и зарубежных литературных и общественно-политических изданиях. Член редколлегии ряда литературных журналов России. Член Союза писателей России. Живёт в Оренбурге.

Аксёнова Ксения – поэт, переводчик. Родилась в Липецке, закончила ЛГПУ имени П.П. Семёнова-Тянь-Шаньского, преподаёт на кафедре английского языка ЛГПУ; кандидат филологических наук. Окончила курсы литературного мастерства Челябинского Государственного Института Культуры – мастерская Н.А. Ягодинцевой, публиковалась в журналах «Петровский мост», «День литературы», «Российский колокол», лауреат всероссийского конкурса молодых поэтов «Зелёный листок». член Союза писателей России.

Корунова Елена Владимировна – начинающий прозаик. Окончила Тамбовский институт химического машиностроения, по специальности инженер. Из семьи потомственных военных. Круг интересов – литература, история, философия. Пробует свои силы в жанре короткого рассказа. Публиковалась в региональных периодических изданиях: «Тамбовская жизнь», «Тамбовский курьер», «Рассказ-газета», «Александр». Финалист международного конкурса «Литературная Вена 2011» в номинации «Проза». Живёт в Тамбове.

Зайцева Елена Михайловна – поэтесса. Родилась в Омске. Закончила художественное училище в Бишкеке и Омский технологический институт. По профессии – модельер. Много лет жила и работала в Санкт-Петербурге. Автор трёх сборников стихотворений: а «Перекрёсток стихий» (2012), «Перекрёсток надежд» (2014), «Оставь меня себе

на память» (2015). Публиковала стихи в коллективных сборниках, в журналах «Сфинкс» и «Литературный Тамбов». В 2016 году стала финалистом VIII Международного литературно-музыкального фестиваля «Мгинские мосты без границ». Член Союза писателей России.

Акулов Иван Иванович – поэт. Родился в 1942 году в Рязанской области. Окончил Мичуринский государственный педагогический институт, трудился на различных должностях в сфере образования, на административной работе в Петровском районе Тамбовской области. Публиковался в журнале «Подъём», в «Литературной газете», в региональных изданиях. Автор одиннадцати поэтических сборников общим тиражом более 3 тыс. экземпляров. Член Союза писателей России

Перцева Лидия Александровна – поэтесса. Родилась в Йошкар-Оле, окончила Воронежский государственный университет. Работала зам. председателя правления Союза научно-инженерных обществ Тамбовской области, избиралась депутатом Тамбовской городской Думы. Автор многочисленных поэтических книг, много пишет на православную тематику. Член Союза писателей России

Шмырев Николай Леонидович – поэт. Родился в 1952 году в с. Вязовое Жердевского района Тамбовской области. Окончил Московский институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. Работал на производстве, в строительстве. Заслуженный строитель России. Избирался депутатом Тамбовской городской Думы и Тамбовской областной Думы. Имеет государственные награды. Автор трех поэтических сборников. В настоящее время – заместитель председателя Контрольно-счетной палаты Тамбовской области.

Содержание

ЭПИГРАФ

Семён Миросердов. Всё помнят дороги. *Стихи* 3

75 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Владимир Карев. О работе регионального военно-исторического общества. *Интервью* 6

Валентина Дорожкина. «Звоните, памяти колокола!»
Очерк 40

Валерий Марков. «И был, как броня, наш народ». *Стихи*....94

ПРОЗА

Сергей Кочуков. Знамя. *Рассказ* 12

Сергей Доровских. Отсыпь махорочки. *Рассказ*.....24

Юрий Расстегаев. Путь-дорожка фронтовая. *Рассказ*.....32

Елена Чистякова. Мамка. *Повесть*.....143

Виктор Остриков. Божья коровка. *Рассказ*.....164

Зинаида Королёва. Последний бой. *Рассказ* 176

ПОЭЗИЯ

Юрий Мещеряков. За Родину! *Из цикла стихов*.....63

Елена Зайцева. По чёрному – белый штрих. *Стихи*.....218

Иван Акулов. Городец. *Поэма*.....225

Лидия Перцева. Небесный десант. *Стихи*.....239

ЮБИЛЕЙ

Валентина Дорожкина. «Моя вторая родина – Тамбов».

Биографический очерк 75

Евстахий Начас. Победные поезда. *Стихи*.....80

Владимир Самородов. «Он преподал мне уроки мудрости».

Биографический очерк 103

Владимир Селивёрстов. Тамбовцы – герои Отечественной войны 1812 г. *Исторические заметки* 110

Аркадий Макаров. «Писать стихи я не бросал. Просто они меня бросили». *Интервью* 190

ИМЕНА

Виталий Новаковский. «...Баратынский ржёт и бьётся». *Очерк* 126

ГОСТЬ АЛЬМАНАХА

Юрий Макаров. Свет небесный. *Стихи* 135

Диана Кан. «Любить сентябрь – опасное искусство». *Стихи* 196

Ксения Аксёнова. «...но я блаженно падаю во тьму». *Стихи* 206

НОВЫЕ ЛИЦА

Елена Корунова. Дорога к своим. *Рассказ*.....212

Николай Шмырёв. Я слушал «Лунную сонату». *Стихи* 246

ИЛЛЮСТРАЦИИ.....88
.....172

Тамбовский альманах. № 19

Литературно-художественное издание
Тамбовского отделения Союза писателей России

Главный редактор
Юрий МЕЩЕРЯКОВ

Редакционный совет

Олег АЛЁШИН
Валентина ДОРОЖКИНА
Мария ЗНОБИЩЕВА
Татьяна КУРБАТОВА
Елена ЛУКАНКИНА

Корректор
М.И. ДУБРОВИНА

В альманахе использованы репродукции работ художников
из собрания
Тамбовской областной картинной галереи

Формат 60x84 1/16
Бумага my print. Печать цифровая гарнитура
Times New Roman. Печ. л. 15.35 Тираж 150 Заказ №20
studiapechati@bk.ru
Студия печати Галины Золотовой